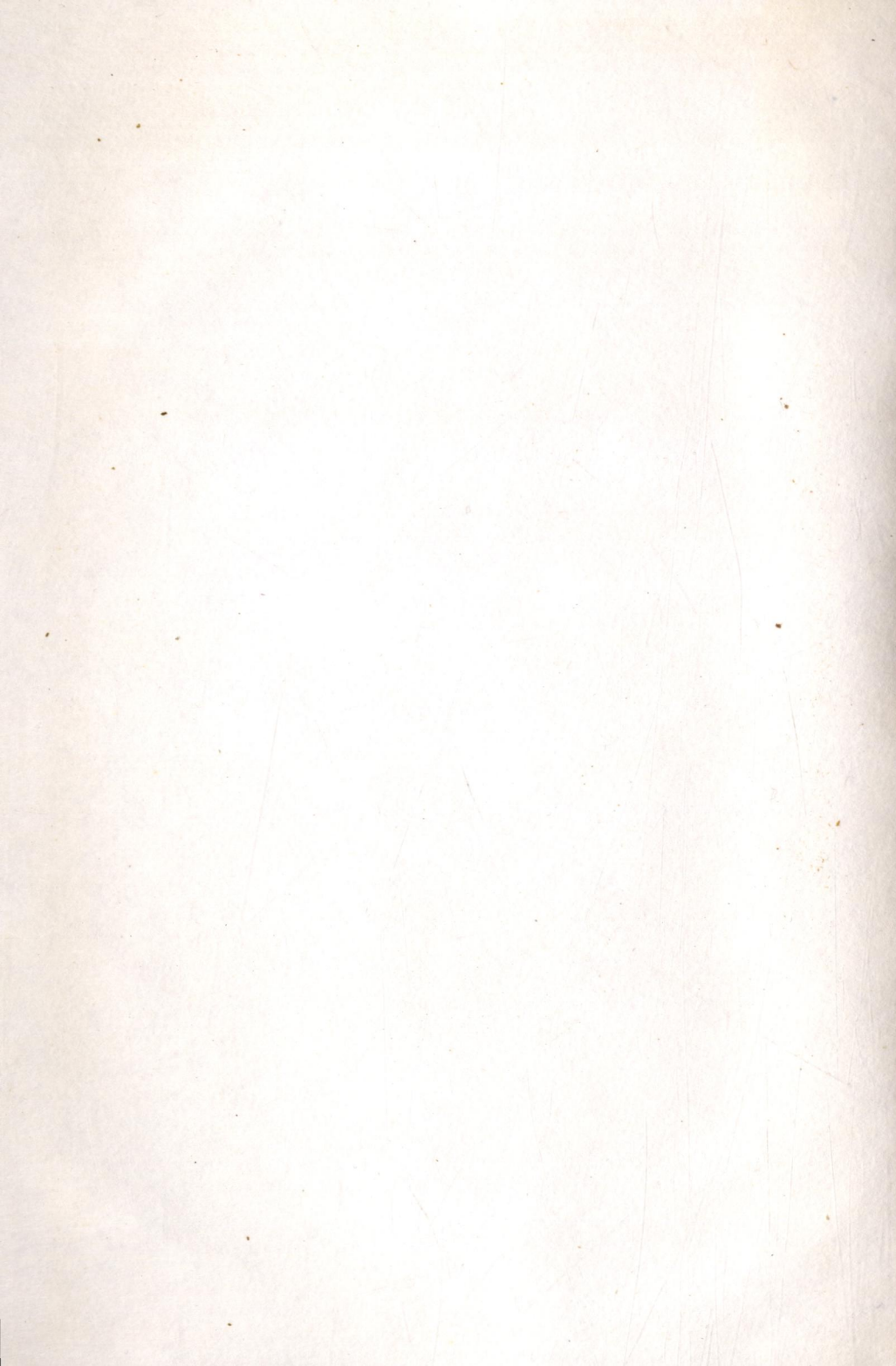

Н. СУХАНОВ

ЗЕМЕЛЬНАЯ
РЕНТА

8396

7961
НИК. СУХАНОВЪ.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА И ОСНОВЫ ЗЕМЕЛЬНАГО ОБЛОЖЕНІЯ.

КЪ ВОПРОСУ О СОЦІАЛИЗАЦІИ ЗЕМЛИ.

Съ предисловіемъ Викт. Чернова.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„НОВЫЯ СИЛЫ“

ЦѢНА 85 КОП.

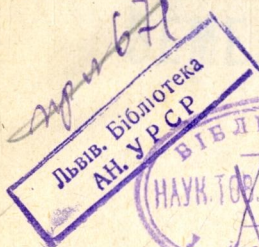
МОСКВА

1908

06 10
Н. Сухаковъ.

Земельная ректа

и осковы
земельного
обложенія.

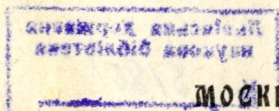

8396

(Къ вопросу о социализаціи земли.)

Съ предисловіємъ В. Черхова.

Св. авт. см. и. СССР - 1964

МОСКВА.

Типографія Р. Лиснера и Д. Собко. Крестовоздиг. пер., д. Лиснера.
1908.

УГ (2) 320-92

УГ (28) 320-11-141.1

Неправильний спис.

100-92 - 114-115
104-101 - 118-119
108-105 122-123
112-109 126-127

~~17.09~~

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 5185

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕЙТА

И ОСНОВЫ

ЗЕМЕЛЬНОГО ОБЛОЖЕНІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран</i>
Предисловіе. В. М. Чернова	7
I. Постановка вопроса въ литературѣ	13
II. Земельная рента, какъ самостоятельная экономическая категорія	17
III. Критика нѣкоторыхъ попытокъ объясненія ренты . . .	35
IV. Источникъ и природа земельной ренты	57
V. Нѣкоторые комментаріи къ теоріи земельной ренты и разборъ возраженій.	74
VI. Земельная рента и социализація земли	110
VII. Социализація земли и земельное обложеніе	122
VIII. Земельная рента и обложеніе земли подъ усадьбами и постройками	127
IX. Способы выдѣленія земельной ренты.	149
X. Формы рентнаго обложенія.	171

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ большою охотою я исполняю просьбу автора настоящей работы — познакомиться съ нею въ рукописи и написать къ ней предисловіе. Эта работа хорошо восполняетъ одинъ замѣтный пробѣлъ въ нашей все растущей литературѣ по вопросу о социализаціи земли, и заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ той аграрной реформы, въ центрѣ которой стоитъ это требованіе.

Въ развитіи этой литературы можно отмѣтить двѣ фазы, два періода.

Первый періодъ характеризуется сравнительно абстрактнымъ характеромъ защиты принципа социализаціи земли. И это было вполне естественно: такъ диктовали потребности начатой идейной борьбы. Намъ прежде всего нужно было доказать, что въ основу аграрной программы долженъ быть положенъ именно принципъ социализаціи, а не какой-либо другой; нужно было защитить этотъ принципъ, съ одной стороны, отъ критики буржуазныхъ реформаторовъ, въ родѣ Герценштейна и ему подобныхъ, а съ другой стороны — отъ критики социаль-демократовъ всѣхъ видовъ и толковъ; нужно было провести грань между социализаціей земли и буржуазной „націонализацией“; нужно было шагъ за шагомъ прослѣдить всѣ аграрныя исканія и блужданія западно-европейскаго марксизма; нужно было постановку проблемы „социализаціи“ логически связать съ другими сопредѣльными частями социаль-политическаго

міросозерцання: взглядами на границы капиталистического хозяйства, теоріей классовой борьбы, соціологической оцѣнкой крестьянства и т. д., и т. д.

Этотъ періодъ общей, принципиальной защиты программы закончился цѣлымъ рядомъ крупныхъ успѣховъ и побѣдъ. Идея „соціализаціи“ приобрѣтала все болѣшую и болѣшую популярность. Въ сторону этой идеи невольно должны были податься враждебныя ей теченія. Программа конституціонно-демократической партіи постепенно дошла до полупризнанія „права на землю“ — правда, лишь на словахъ, не утрачивая на дѣлѣ крайне бережнаго отношенія къ „системѣ приобрѣтенныхъ правъ“ нынѣшнихъ владѣльцевъ. Съ другой стороны, въ средѣ социаль-демократической партіи явились и „условные націонализаторы“ и безусловные „муниципализаторы“: программа „отрѣзковъ“ отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть.

Тогда явилась полная возможность — а вмѣстѣ съ тѣмъ и назрѣла общая потребность — сдѣлать слѣдующій шагъ въ развитіи идеи соціализаціи земли. Считая общую принципиальную защиту программы дѣломъ сдѣланнымъ, можно было перейти къ ея *конкретизаціи*.

Второй періодъ въ развитіи нашей литературы по аграрному вопросу и характеризуется тѣмъ, что главныя силы направляются на *приложеніе* къ конкретной дѣйствительности и разнообразію ея условій — основныхъ началъ намѣченной раньше земельной реформы. Съ одной стороны, идетъ *юридическій* анализъ соціализаціи земли, приводя къ попыткамъ придать реформѣ уже совершенно конкретную законодательную форму. Съ другой — изслѣдуется вопросъ о *проведеніи* этой реформы въ условіяхъ общиннаго и подворнаго хозяйства, въ примѣненіи къ различнымъ юридическимъ категориямъ земель напр., казачьимъ, инородческимъ и т. п. Съ третьей — разсматривается вопросъ о соціа-

лизации земли применительно къ различію способовъ пользованія землею, какъ, напр., вопросъ о социализаціи лѣсовъ, земныхъ нѣдръ, водъ, земли подъ постройками (особенно земельной собственности въ городахъ) и т. п. Труды П. А. Вихляева, а также тѣхъ авторовъ, съ которыми въ данной работѣ не разъ полемизируетъ ее авторъ — какъ И. Грей, Л. и С. Закъ и составитель „Проекта основного закона о землѣ“ изд. Новожилова — внесли не мало интереснаго и цѣннаго въ разработку земельной проблемы вообще и нашей аграрно-политической программы — въ частности. Къ этимъ работамъ по значенію своему примыкаетъ и настоящій, весьма серьезно продуманный трудъ т. Н. Суханова о „Земельной рентѣ и основахъ земельного обложенія“.

Т. Н. Сухановъ поступаетъ совершенно правильно, обосновывая защищаемое имъ практическое рѣшеніе о рентномъ обложеніи при социализаціи земли на предварительномъ анализѣ различныхъ теорій поземельной ренты. Мнѣ кажется, что ему удалось хорошо показать, съ одной стороны, несостоятельность всѣхъ попытокъ доказать, будто дифференціальная рента есть хозяйственная категорія, если не чисто фиктивная, то, по крайней мѣрѣ, не имѣющая никакого крупнаго соціальнаго значенія, или что социализація земли сама по себѣ устранить ее изъ жизни безъ остатка. Безспорно, вѣрно его утвержденіе, что дифференціальная рента исчезнетъ лишь при планомѣрномъ общественно-регулируемомъ національномъ хозяйствѣ и что съ товарнымъ производствомъ она неразлучна. Съ другой стороны, мнѣ представляется довольно удачной и попытка его показать, что такъ называемая „абсолютная рента“, открытая Марксомъ, является скорѣе частнымъ случаемъ и теоретической возможностью, чѣмъ нормой и закономъ современнаго аграрнаго строя.

Какъ мимоходомъ упоминаетъ и самъ т. Н. Сухановъ, еще на первомъ сѣздѣ однимъ делегатомъ была сдѣлана попытка подорвать то значеніе, которое приписывалось большинствомъ сѣзда поземельной рентѣ, и, какъ слѣдствіе, добиться исключенія изъ программы пункта относительно обращенія ренты на общественныя нужды. Пишущій эти строки тогда же возражалъ противъ этого предложенія (которое и было отвергнуто подавляющимъ большинствомъ голосовъ). Внесшій это предложеніе делегатъ старался показать, „что и возможно и хозяйственно выгодно такъ распредѣлить между землями различнаго качества разныя системы обработки, чтобы на каждой единицѣ пространства единица труда давала одинаковое количество продукта“. Если даже предположить, что это вѣрно, то и въ такомъ случаѣ это свидѣтельствовало бы лишь о томъ, что при національно-государственной организации всего земледѣлія дифференціальная рента умерла бы естественной смертію. „Но — отмѣтилъ я на сѣздѣ — вѣдь мы говоримъ не объ эпохѣ обработки всей земли государства по одному общему плану, а объ эпохѣ существованія частныхъ хозяйствъ“.

Съ другой стороны обложеніе дифференціальной ренты тѣмъ же делегатомъ смѣшивалось съ налогомъ за самое право доступа къ землѣ, съ налогомъ на земледѣльческій трудъ, какъ таковой, такъ что приходилось разяснять это недоразумѣніе.

Далѣе, для уравниванія же отдѣльныхъ земледѣльцевъ въ условіяхъ ихъ индивидуальнаго пользованія предстатели выше охарактеризованнаго мнѣнія считали достаточнымъ самое элементарное средство: именно большее количество худшей земли давать вмѣсто меньшаго количества лучшей. Приходилось выяснять, что „такое уравниваніе неполно и односторонне: оно уравни-

ваетъ количества получаемого продукта, но не уравниваетъ затратъ труда на лучшей и худшей землѣ; совершенно естественно и логично, чтобы при раскладкѣ общественныхъ повинностей это имѣлось въ виду, и чтобы на лучшую землю падало соотвѣтственно больше“. Наконецъ, противъ рентнаго обложенія выдвигалось и обычное опасеніе увеличенія матеріальныхъ силъ государства. Приходилось возстать противъ гипертрофіи этого страха и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить другую сторону дѣла: „наша система предполагаетъ, что рента путемъ соотвѣтственнаго обложенія обращается на общественныя нужды; но она не скопляется въ рукахъ центрального правительства, а распредѣляется между всею лѣстницею органовъ самоуправленія“.

Такова, въ нѣсколькихъ цитатахъ изъ „протоколовъ“, моя позиція въ этомъ вопросѣ*). Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. За прошедшіе съ тѣхъ поръ два года въ нашей литературѣ то теченіе мысли, которое на съѣздѣ лишь слабо и невыработанно намѣчалось, опредѣлилось и приобрѣло, въ работахъ Л. Буха и С. Зака гораздо болѣе обоснованную форму. Тамъ, гдѣ раньше достаточно было немногихъ принципиальныхъ объясненій, теперь требуется уже идущій гораздо дальше вглубь и притомъ гораздо болѣе подробный анализъ. Имъ и занята главная часть книжки т. Суханова. Но авторъ не останавливается на этомъ; онъ дѣлаетъ новый

*) Позднѣе она выразилась рельефнѣе во многихъ формулировкахъ того „проекта основного закона о землѣ“, который былъ внесенъ въ Госуд. Думу группою депутатовъ, и подъ которымъ набралось болѣе 100 подписей депутатовъ-крестьянъ; проектъ этотъ былъ выработанъ особой комиссіей, въ которой и я принималъ участіе. Очень поучительно было бы сравненіе этого проекта съ проектомъ изд. Новожилова, выясняющее различіе формъ осуществленія одной и той же основной цѣли.

существенный шагъ впередъ, пытаюсь конкретно выяснить способъ статическаго выдѣленія дифференціальной ренты изъ общаго земледѣльческаго дохода, а также и оснований ея распредѣленія, по конфискаціи, между различными органами самоуправленія. Эта часть его работы заслуживаетъ самаго подробнаго обсужденія всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ, что наступило время самой полной конкретизаціи общихъ принциповъ нашей аграрной программы.

Уже неоднократно отмѣчалось, что переживаемое время отразилось на лучшей части молодежи стремленіемъ углубиться въ болѣе серьезное *теоретическое* выясненіе и научное обоснованіе своихъ общественно-соціологическихъ взглядовъ. На ряду съ этимъ замѣчается стремленіе и *въ жизни* отъ слишкомъ абстрактныхъ формулъ и лозунговъ перейти къ болѣе основательному и наглядному вскрытію конкретнаго содержанія нашей программы въ ея непосредственномъ жизненномъ приложеніи. Работа т. Суханова, подобно цѣлому ряду другихъ, появившихся въ послѣднее время работъ (какъ, напр., выходящій въ рядѣ выпусковъ сборникъ „Соціализація земли“), идетъ навстрѣчу обѣимъ этимъ потребностямъ: и повышенію теоретическихъ запросовъ людей, ищущихъ серьезнаго научнаго обоснованія своихъ взглядовъ, и практическому стремленію выяснять истинное, глубокое, а не упрощенное и не вульгаризированное представленіе о нашей аграрной программѣ. Поэтому я съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендую эту книжку вниманію — прежде всего товарищей по соціально-политическому *credo*, а затѣмъ и всѣхъ, интересующихся великой аграрной проблемой современности.

Викторъ Черновъ.

Земельная рента и основы земельного обложения.

I.

Постановка вопроса въ литературѣ.

Вопросъ о земельномъ обложеніи при социализаціи земли болѣе чѣмъ недостаточно пока разработанъ въ литературѣ. До сихъ поръ даже вопросъ о томъ, быть или не быть какому-либо налогу на социализированную землю, затрогивался сторонниками социализаціи, почти исключительно мимоходомъ, безъ сколько-нибудь солидной обосновки того или иного его рѣшенія; иные же изъ авторовъ, подходя къ данному предмету вплотную и имѣя всѣ поводы затронуть его, однако, не сдѣлали и того, не считая, повидимому, вопроса объ обложеніи социализированной земли — вопросомъ. Что же касается конкретных формъ, въ какихъ долженъ быть воплощенъ соответствующій пунктъ аграрной программы, то о выясненіи и разработкѣ таковыхъ въ нашей литературѣ еще не было и рѣчи.

Между тѣмъ рѣшеніе вопроса о томъ, на какихъ условіяхъ для гражданина и работника будетъ реализовано его право на пользованіе землей, имѣетъ весьма существенное значеніе, — прежде всего для дальнѣйшей *практической* разработки основного закона о землѣ; но рѣшеніе этого вопроса имѣетъ практическую важность именно потому, что оно имѣетъ важность *принципіальную*, въ смыслѣ соответствія или несоот-

вѣтствія его въ томъ или иномъ видѣ съ тѣми основными идеями, изъ которыхъ складывается понятіе социализаціи земли. Ибо, какъ мы увидимъ, даже и отстаивая всеобщее и равное право на землю, можно разрѣшить интересующій насъ вопросъ такимъ образомъ, что рѣшеніе это вступить въ конфликтъ съ идеей равнаго права на землю всѣхъ гражданъ.

Любопытенъ тотъ фактъ, что соответствующіе затронутому вопросу пункты и положенія официальныхъ партійныхъ документовъ не находятъ себѣ достаточной поддержки и обосновки во мнѣніяхъ нашихъ писателей. Наоборотъ, большинство авторовъ, касавшихся обложенія социализированной земли, дѣлають довольно категорическія предложенія, несогласныя съ официальными постановленіями. Напр. авторъ „проекта основнаго закона о землѣ“, изд. Новожилова, считаетъ необходимымъ, чтобы „каждый пользующійся землею“ уплачивалъ „за нее налогъ, устанавливаемый верховной народною властью и земствами по оцѣнкѣ земли, при чемъ процентъ обложенія повышается соответственно ея чистой доходности (т.-е. устанавливается на началахъ прогрессивно-подоходнаго обложенія), но не можетъ быть выше извѣстной доли ея (примѣрно, не выше $\frac{2}{3}$ ея)¹⁾. И. Грей пишетъ²⁾: „въ основу социализаціи земли должны необходимо лечь два принципа: трудовое начало³⁾ и безвозмездность землепользованія... Никакой ренты за пользованіе землей тѣми, кто обрабатываетъ ее личнымъ трудомъ, не будетъ взиматься... Вся земельная рента должна поступить исключительно въ пользу трудового земледѣльца“. Точно такъ же и по мнѣнію Льва Буха, земля „должна поступить въ общее и бесплатное (курсивъ автора) пользованіе всѣхъ, безъ различія“ (?) „трудящихся классовъ населенія, живущихъ земледѣльческимъ трудомъ... Принципъ уравнительнаго пользованія землей находится въ полномъ противорѣчій

¹⁾ См. „Проектъ основнаго закона о землѣ“, изд. Новожилова, отд. II, часть I. ст. 7, стран. 9.

²⁾ „Рабочій вопросъ и земельная реформа“, М. 1906. стран. 74—76.

³⁾ У И. Грея, какъ видно, рѣчь идетъ только о пользованіи землей подъ сельское хозяйство.

съ понятіемъ о рентѣ, слѣдовательно, для социализаціи земли необходимо прежде всего уничтоженіе системы арендныхъ платъ, безъ всякаго остатка¹⁾. Въ смыслѣ освобожденія социализированной земли отъ какихъ бы то ни было налоговъ рѣшается вопросъ, повидимому, и П. Вихляевъ, которой стоитъ лишь за обложеніе „занадѣльныхъ верховъ“, какъ средство къ достиженію уравнительности землепользованія между многоземельными (свыше принятой нормы) дворами и общинами, и малоземельными²⁾; это, предложенное Вихляевымъ обложеніе занадѣльныхъ верховъ является мѣрой временной, и суммы, получаемыя отъ сбора съ нихъ земельной ренты, имѣютъ совершенно специальное назначеніе; устанавливать же какой-либо специальный налогъ на социализированную землю, въ видѣ постоянной мѣры, П. А. Вихляевъ, повидимому, не считаетъ нужнымъ. Наконецъ, С. Закъ полагаетъ, что „въ тотъ моментъ, когда земледѣлецъ скажетъ: я имѣю право на землю, въ тотъ же моментъ онъ скажетъ (очевидно, по мнѣнію С. Зака и *долженъ* сказать — Н. С.): я ни предъ кѣмъ не обязанъ земельной рентой“³⁾.

Между тѣмъ соотвѣтствующее мѣсто нашей программы гласить: „земельная рента путемъ специального обложенія должна быть обращена на общественныя нужды“. А въ пунктѣ а, § 9 „проекта основныхъ положеній земельного закона“, внесеннаго во вторую Думу, значится: „за отводъ общественной земли въ частно-трудовое пользованіе не можетъ быть взимаемо никакой платы, ни въ видѣ поземельнаго налога, ни въ видѣ аренды. Обложенію могутъ подлежать лишь излишки земли сверхъ принятой нормы или чрезвычайные доходы, обусловливаемые особыми качествами почвы или иными преимуществами даннаго участка (дифференціальная рента)“.

¹⁾ См. Левъ Бухъ, „Земля народу“, стран. 54, 68—69.

²⁾ См. П. Вихляевъ, „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“, М. 1906, стран. 53—55.

³⁾ См. сборникъ „Социализація земли“, ст. С. Зака, стран. 140. Дальнѣйшія цитаты изъ этой же статьи.

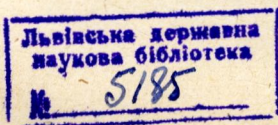
Мы видимъ, что всѣ писатели, стоящіе на точкѣ зрѣнія нашей программы и высказывавшіеся по вопросу объ обложеніи социализированной земли, высказываются или противъ specialнаго налога на землю вообще, или *не за рентное* обложеніе. Тогда какъ officialная партійная мысль рѣшила вопросъ въ пользу рентнаго налога на землю, въ пользу обращенія на общественныя нужды того хозяйственнаго блага, которое Марксъ называлъ дифференціальной земельной рентой. Для правильной оцѣнки приведенныхъ мнѣній партійныхъ теоретиковъ и для правильной постановки вопроса о земельномъ обложеніи при социализаціи земли намъ и надлежитъ, конечно, прежде всего разобраться „въ природѣ и источникѣ земельной ренты“: ибо разрѣшать вопросъ о томъ, быть или не быть specialному налогу на социализированную землю, мы можемъ не съ точки зрѣнія хозяйственныхъ и финансовыхъ интересовъ государства, а только съ точки зрѣнія строгой выдержанности тѣхъ принциповъ, которые легли въ основу защищаемого нами проекта земельного закона.

II.

Земельная рента, какъ самостоятельная экономическая категория.

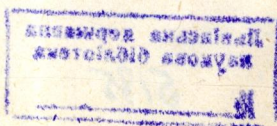
Прежде всего, примѣнительно къ интересующему насъ вопросу объ обложеніи земли, намъ важно выяснить: *возможно ли* установить рентный налогъ на землю послѣ социализаціи ея, т.-е. не есть ли „социализація земли, какъ отрицаніе земельной собственности, въ то же время и отрицаніе поземельной ренты“? Слѣдовательно, теорія земельной ренты интересуетъ насъ прежде всего, какъ вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся между собою существованіе земельной ренты и существованіе института земельной собственности? можетъ ли существовать земельная рента независимо отъ института земельной собственности? Это значить, что намъ надлежитъ разсмотрѣть: является ли рента самостоятельной категоріей дохода, на ряду съ прибылью (и процентомъ) на капиталъ и заработной платой, и является ли она продуктомъ экономическихъ отношеній, — или же рента существуетъ лишь какъ арендная плата, какъ доходъ *земельнаго собственника*, переходя къ землевладѣльцу — безразлично изъ какихъ источниковъ — либо отъ арендатора, либо отъ потребителя, либо отъ посредника-торговца, и являясь результатомъ отношеній *правовыхъ*?

Этотъ вопросъ совершенно правильно ставить въ началѣ цитированной статьи С. Закъ. „Если, говорить онъ, рента обусловливается однимъ только существованіемъ института

поземельной собственности, т.-е. земельная рента существует потому, что земля принадлежит физическимъ либо юридическимъ лицамъ на правахъ безконтрольнаго владѣнія, то социализація земли, упраздняя институтъ земельной собственности, должна упразднить и земельную ренту. Наоборотъ, если институтъ земельной собственности самъ по себѣ не создаетъ ренты, а влияетъ только на прикрѣпленіе къ земельному собственнику земельной ренты, которая существуетъ независимо отъ того, какимъ формамъ обладанія земля подчинена, то рента социализаціей земли не уничтожается“. Признавъ, что „въ вопросѣ о поземельной рентѣ экономическая наука до сихъ поръ не успѣла завоевать вполне безспорныхъ позицій“, и „что мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одной теоріи, которая не вызывала бы серіозныхъ возраженій“, С. Закъ предлагаетъ свою теорію ренты и на поставленный имъ вопросъ отвѣчаетъ въ концѣ статьи такъ: „Не имѣя никакого для себя объясненія, кромѣ того, что существуетъ институтъ поземельной собственности, черпая источникъ для себя изъ эксплуатаціи либо потребителя, либо арендатора, либо рабочаго, либо и того, и другого, и третьяго въ совокупности, а вовсе не изъ особенностей сельскохозяйственной промышленности и поставляемаго ею дохода, какъ думали экономисты до сихъ поръ — поземельная рента неминуемо должна перестать существовать въ тотъ моментъ, когда будетъ уничтоженъ институтъ поземельной собственности“ (стр. 137).

Это значитъ, что, по мнѣнію С. Зака, на ренту „нельзя смотрѣть, какъ на категорію капиталистическаго дохода, наравнѣ съ капиталистической прибылью и заработной платой“; напротивъ, земельная рента — это просто арендная плата, которая берется арендаторомъ изъ своей прибыли или изъ заработной платы (своей собственной или своихъ рабочихъ), — или же это акцизъ на произведенія земли, установленный въ интересахъ землевладѣльцевъ и получаемый послѣдними либо отъ арендаторовъ, либо — при веденіи хозяйства самимъ землевладѣльцемъ — непосредственно съ потребителя. При такихъ условіяхъ о рентномъ обложеніи социализирован-

ной земли, конечно, не может быть и рѣчи, ибо ни эксплуатация трудового земледѣльца со стороны государства, ни установление акциза на хлѣбъ и другіе земледѣльческіе продукты при социализации земли, конечно, недопустимы. При национализации земли рента, думаетъ С. Закъ, можетъ взиматься въ томъ случаѣ, если „государство, устранивъ частнаго эксплуататора само станетъ на его мѣсто (137)¹⁾, но при социализации земли, когда каждый гражданинъ имѣетъ свое общегражданское право на землю, онъ не можетъ никому уплачивать никакой ренты.

Такъ же думаетъ и Левъ Бухъ, что „ренту можно совершенно уничтожить путемъ социализации земли“ и что рента²⁾ „несправедлива по самому ея существу, какъ отжившая, самая грубая и самая вредная форма эксплуатации народнаго труда“.

На чемъ, однако, основано утвержденіе, что земельная рента не есть особая экономическая категория? С. Закъ признаетъ самъ недостаточность своего положенія, что „рента существуетъ потому, что землевладѣлецъ имѣетъ возможность заставлять либо потребителя, либо земледѣльца уплачивать ее ему“ (!)³⁾. С. Закъ признаетъ, что указаніе на полную безразличность источниковъ ренты — либо изъ заработной платы, либо изъ прибыли, либо отъ земледѣльца, либо отъ потребителя — далеко не рѣшаетъ вопроса о существѣ столь важнаго явленія, какимъ является рентный доходъ отъ земли; и, видя необходимость отыскать болѣе постоянный и болѣе спеціальныи источникъ ренты, указываетъ на то, что „по-

1) С. Закъ даже думаетъ, что тутъ „ни потребитель, ни арендаторъ, ни тѣмъ болѣе рабочій отъ реформы не выиграютъ ничего, такъ какъ для нихъ безразлично, кто будетъ выколачивать земельную ренту, самъ ли частный собственникъ или государство въ роли частнаго собственника“ (стр. 137) Последнее ужъ немного слишкомъ, ибо и С. Закъ при другихъ обстоятельствахъ, вѣроятно, признаетъ, что если для потребителя и рабочаго и безразлично, кто „выколачиваетъ“ ренту, то, напротивъ, весьма важно, на что она расходуется.

2) Очевидно, *взиманіе* ренты. См. „Земля — народу“, стр. 64.

3) „Соц. зем. и зем. р.“ стр. 135.

земельная рента имѣть непосредственную связь съ монопольными цѣнами на продукты земли“ (стр. 129), т.-е. констатируетъ, что ренту, — какъ правило, — уплачиваетъ не кто иной, какъ потребитель. И въ самомъ дѣлѣ иначе трудно было бы объяснить, изъ какихъ суммъ уплачиваетъ землевладѣльцу ренту капиталистъ-арендаторъ? Такого рода — нетрудовой — предприниматель не можетъ платить ренту изъ прибыли, иначе капиталъ его будетъ искать болѣе выгоднаго приложения, чѣмъ сельское хозяйство. Или, быть можетъ, онъ, какъ сельскій хозяинъ получить прибыль выше средней прибыли въ странѣ и изъ излишковъ выплатить аренду? Но это противорѣчило бы установившимся партійнымъ взглядамъ — и взглядамъ самого С. Зака — на свойства капиталистическаго земледѣлія: С. Закъ самъ внесъ свою лепту въ разработку вопроса о земледѣліи, какъ объ отрасли народнаго хозяйства, слишкомъ мало пригодной для проникновенія въ нее предпринимательскаго капитала, т.-е. слишкомъ мало доходной для капиталиста-арендатора. Въ силу этого же обстоятельства рента въ данномъ случаѣ не можетъ быть выплачена и изъ заработной платы земледѣльческихъ рабочихъ, такъ какъ именно при особо интенсивной эксплуатаціи рабочихъ, только благодаря ей капиталистъ-арендаторъ можетъ получить и прибыль, хоть сколько-нибудь способную его удовлетворить.

Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, необходимо искать особаго источника ренты, и С. Закъ нашелъ его въ монопольныхъ цѣнахъ. Монопольные цѣны вообще основываются или на неблагопріятномъ (для потребителя) соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ продукта — въ силу сложившихся экономическихъ отношеній, — или на установленіи государствомъ акциза на продукты, или же монопольные цѣны являются результатомъ особыхъ соглашеній предпринимателей: по монопольной цѣнѣ продукты продаются тогда, когда — вопреки установленному экономическому закону — они продаются выше цѣны ихъ производства, въ которую входитъ и прибыль на капиталъ (по монопольной цѣнѣ, слѣдовательно, продукты могутъ продаваться и въ томъ случаѣ, если они

продаются ниже ихъ *стоимости*). Откуда же берется моно-
польная цѣна на продукты земли? „Крайне ошибочно пред-
полагать, думаетъ С. Закъ, что рента существуетъ сама по
себѣ, вѣ того или иного воздѣйствія землевладѣльца“. Слѣ-
довательно, земельная рента, по скольку ее оплачиваетъ
потребитель, создается искусственно, вѣрнѣе — по Заку —
создалась въ тѣ времена, „когда землевладѣльцы обладали
дѣйствительной силой воздѣйствія на хозяйственную конъюнк-
туру“, „когда землевладѣлецъ былъ неограниченнымъ госпо-
диномъ положенія, имѣя неограниченный просторъ въ устано-
вленіи высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ“, когда „на помощь ему
приходило государство, являвшееся костью отъ его кости-
и... содѣйствовало землевладѣльцу устанавливать для его
ренты хлѣбныя цѣны“... А „нынѣшніе землевладѣльцы поль-
зуются результатами и пожинаютъ посѣвы прошлыхъ временъ“,
и рента „досталась капиталистическому времени, какъ на-
слѣдіе феодализма“. (см. цит. ст., стран. 130—2.). Намъ важно
изъ всего этого то, что для ренты по Заку необходимы моно-
польныя цѣны и что послѣднія являлись и являются резуль-
татами воздѣйствія государства. Это значитъ, что по мнѣнію
цитируемаго автора, образованіе и существованіе земельной
ренты, „если подъ рентой понимать не все то, что уплачиваетъ
земледѣлецъ землевладѣльцу за пользованіе собственностью
послѣдняго, а только излишекъ, остающійся отъ монопольной
цѣны продуктовъ земли надъ ихъ нормальной цѣной (136)“, —
зависитъ отъ чисто случайнаго фактора, котораго во многихъ
случаяхъ можетъ не быть налицо. И его дѣйствительно не
существуетъ въ странахъ хлѣбнаго экспорта и въ странахъ
свободной торговли хлѣбомъ. Да и въ странахъ, ввозящихъ
продукты земли, пошлины вовсе не обязательно должны со-
здавать монопольныя цѣны, а могутъ лишь поднимать цѣны
на дешевые ввозимые продукты экстенсивныхъ странъ до
уровня мѣстныхъ цѣнъ производства въ несравненно болѣе
интенсивномъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, земельная рента,
какъ результатъ монопольныхъ цѣнъ, въ большинствѣ странъ
можетъ сводиться и сводится къ нулю. Съ этимъ соглашается

и С. Закъ говоря¹⁾, что „въ Россіи и ей подобныхъ странахъ уже и теперь о поземельной рентѣ нельзя говорить, потому что ее всю успѣло поглотить то, что называютъ сельскохозяйственнымъ кризисомъ и что въ дѣйствительности есть борьба съ историческими пережитками, борьба свободнаго торговаго обмѣна съ остатками мѣновыхъ отношеній, опирающихся на разные произвольныя дѣйствія, искусственно вздувающія

¹⁾ Мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ ни возможности, ни надобности подвергать болѣе обстоятельному и специальному разбору статью С. Зака, которая, въ противоположность всѣмъ остальнымъ извѣстнымъ намъ и *замѣчательно интереснымъ* работамъ С. Зака, обладаетъ всѣми возможными недостатками и не обладаетъ никакими достоинствами. Вообще про нее надо сказать, что въ ученіе о земельной рентѣ она ничего кромѣ путаницы не вноситъ, что статья страдает многими и довольно странными логическими противорѣчіями, а также — въ иллюстраціяхъ — и фактическими неточностями. Напр., на стран. 130 значится, что землевладѣлецъ, будучи „какъ Прометей привожденъ (прикованъ?) со своей землей къ сельскому хозяйству, можетъ только пользоваться результатами монопольныхъ цѣнъ, но не можетъ создавать ихъ самъ... Если существуютъ условія, которыя вліяютъ на ренту невыгодно, землевладѣлецъ все-таки не имѣетъ возможности изъять землю изъ обработки, потому что тогда онъ потеряетъ всю ренту“. Съ другой же стороны, на стран. 128, мы наталкиваемся на „дороговизну поземельной ренты“ въ Англіи *при свободной торговлѣ*, и какъ на *результатъ* этой дороговизны ренты и „несговорчивости“ лордовъ — на упадокъ сельскаго хозяйства въ Англіи и на запущеніе полей. Далѣе, стремясь, напр., объяснить ренту, какъ „порожденіе феодализма“ и какъ обремененіе земли „наслѣдственностью“ (135 стран.; довольно неожиданный факторъ для объясненія экономическихъ явленій), С. Закъ утверждаетъ, что „по мѣрѣ того какъ старые штаты Сѣв. Америки подчиняются взгляду на землю, существующему въ странахъ старой культуры, сельское хозяйство и тамъ падаетъ, передвигаясь все болѣе на западъ и къ границѣ Канады“ (стран. 135). Мы ужъ не будемъ говорить о томъ, что прогрессирующее, „подчиненіе взгляду“ и т. д., а значить по Заку и появленіе и ростъ земельной ренты въ странѣ хлѣбнаго экспорта плохо вяжутся съ „наслѣдственностью“ и съ объясненіемъ ренты, какъ порожденія феодализма. Но откуда заключаетъ С. Закъ, что сельское хозяйство падаетъ въ старыхъ штатахъ Сѣверной Америки? Наоборотъ, именно въ старыхъ штатахъ земледѣліе прогрессируетъ и въ смыслѣ увеличенія обрабатываемой площади, и въ смыслѣ интенсификаціи; и какъ разъ въ *западномъ* районѣ наблюдается огромное и наибольшее

цѣны по соображеніямъ, съ экономикой ничего общаго не имѣющимъ“. — Надо замѣтить, что эти „произвольныя“ дѣйствія, очевидно, могутъ явиться не чѣмъ инымъ, какъ установленіемъ упоминаемыхъ у С. Зака пошлинъ и премій. Объ установленіи государствомъ акциза на хлѣбъ, повидимому, не можетъ быть рѣчи; акцизъ со стороны землевладѣльцевъ, мыслимый только при условіи соглашенія ихъ всѣхъ между собою, также не болѣе вѣроятенъ въ капиталистическомъ строѣ и при существованіи обычно громаднаго класса трудовыхъ земледѣльцевъ. Во всякомъ случаѣ въ дѣйствительности ни того ни другого нигдѣ не существуетъ.

Но все это значить, что мы опять теряемъ источникъ платы за пользованіе землей капиталистами — сельскими хозяйствами. Не намъ спорить противъ того, что капиталистическая аренда вообще обречена на исчезновеніе, но поскольку она существуетъ при отсутствіи монопольныхъ цѣнъ, постольку съ даннымъ явленіемъ надо считаться и надо его объяснить. Нельзя ссылаться на то, что арендаторы-капиталисты ведутъ съ нѣкоторыхъ поръ хозяйство въ убытокъ и, очевидно, платятъ аренду изъ прибылей, примѣры чего относительно

сокращеніе эксплуатируемой площади: по цензу 1880 года въ этомъ районѣ было подъ обработкой 59,4% всей площади, по цензу 1890 года — 48,7%, и по цензу 1900 года уже всего 29,0%. Наконецъ, какъ понимать такія фразы С. Зака: „не какое-нибудь исключительное плодородіе земель, не какія-нибудь особенныя усовершенствованія въ техникѣ, не какія-нибудь другія преимущества въ производствѣ и сбытѣ служатъ для такихъ странъ, какъ Россія, Америка (?), Аргентина, средствомъ конкуренціи на хлѣбныхъ рынкахъ западной Европы, а одна дешевизна земли и, какъ слѣдствіе этой дешевизны, низкія нормы поземельной ренты. Столкновеніе дорогого хлѣба съ дешевымъ — это не что иное, какъ столкновеніе высокихъ рентъ съ низкими рентами“ (стр. 129). Здѣсь — или какая то странная неуставленность терминовъ, или путаница понятій. Какъ можно, напр., говорить о низкихъ рентахъ въ Россіи съ точки зрѣнія теоріи Зака, когда рента, вопреки обычнымъ представленіямъ, не причина той или иной земельной цѣны, а „слѣдствіе“ ея?

Этой статьей мы будемъ пользоваться много разъ, ибо въ ней сконцентрированы возраженія противъ защищаемой нами теоріи.

Англіи приводить С. Закъ въ другой своей работѣ. Нельзя утверждать, что такое положеніе дѣлъ является переходнымъ отъ эпохи монопольныхъ цѣнъ къ полному исчезновенію капиталистическихъ арендаторскихъ хозяйствъ, которыя теперь держатся лишь надеждою на возвращеніе монопольныхъ цѣнъ. Питаться надеждами хоть сколько-нибудь продолжительное время можетъ развѣ только „пригвожденный“, по выраженію Зака, къ землѣ земельный собственникъ, но никакъ не представитель движимаго капитала — арендаторъ. Между тѣмъ та же Англія разсталась съ хлѣбными пошлинами уже съ 1869 года, уже съ 1849 года хлѣбныя пошлины въ Англіи были ничтожны, и о монопольныхъ цѣнахъ могутъ тамъ существовать лишь преданья старины глубокой. Въ странахъ же хлѣбнаго экспорта монопольныхъ цѣнъ никогда не могло быть, а между тѣмъ капиталистическая аренда, напр. въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя, конечно, и сокращается, но составляетъ пока еще очень значительный процентъ (до 25) всѣхъ арендаторскихъ хозяйствъ.

Кромѣ того, земля служить и арендуется, какъ извѣстно, не только для веденія на ней сельскаго хозяйства, а напирѣ еще для постройки на ней жилыхъ домовъ. Изъ какихъ источниковъ платять аренду домовладѣльцы? Здѣсь государство, повидимому, не можетъ прійти землевладѣльцу „на помощь съ предупредительнымъ содѣйствіемъ“. Можетъ быть здѣсь землевладѣльцы *сами* приходятъ къ себѣ на помощь и „произвольнымъ дѣйствіемъ“ *здесь* устанавливають акцизъ на квартиры черезъ посредство домовладѣльцевъ. Однако, для установленія подобнаго рода акциза опять-таки необходимо сплоченіе предпринимателей въ синдикаты и установленіе общей цѣны продукта и общей нормы дохода, т.-е. необходима та же искусственно созданная монополія, какъ и при предупредительномъ содѣйствіи государства. Въ данномъ же случаѣ мы ничего подобнаго не видимъ. Каждый землевладѣлецъ, обычно, фиксируетъ цѣну своего товара самостоятельно, и доходы земельныхъ собственниковъ, — сдающихъ земли подъ жилые дома, — весьма различны: собственникъ

участка въ г. Москвѣ, на улицѣ Петровкѣ, на углу Кузнецкаго переулка, можетъ за 1 кв. сажень получать ежегодно 202,5 руб. (принимая во вниманіе продажную цѣну этой земли, предложенную правительственной комиссіей владѣльцу въ цѣляхъ расширенія Кузнецкаго переулка — въ 4950 руб. за 1 кв. сажень), въ уѣздныхъ же городахъ Московской губ. арендная плата за землю подъ жилыя и торговыя постройки колеблется между 3 руб. 63 коп. и 11 коп. за 1 кв. сажень; въ отдаленныхъ деревняхъ плата за землю подъ жилыя постройки еще несравненно ниже, если тамъ вообще кто-либо снимаетъ землю для данной цѣли. Почему же „акцизъ“ на квартиры налагается такъ неравномѣрно? Почему землевладѣльца, который въ уѣздномъ городѣ объявилъ бы арендную плату за 1 кв. сажень земли въ 200 руб. сочли бы не въ здоровомъ умѣ и не въ твердой памяти?

Очевидно, акцизъ и арендная плата здѣсь устанавливаются не „произвольными дѣйствіями, съ экономикой ничего общаго не имѣющими“. Очевидно, монополія здѣсь не искусственна, а экономически необходима и — такъ сказать — естественна. Повидимому, рента здѣсь создается помимо непосредственнаго или посредственнаго воздѣйствія со стороны землевладѣльцевъ, и, слѣдовательно, источникъ ренты надо искать не въ правовыхъ отношеніяхъ, а въ экономическихъ. Ясно, что та сумма дохода, которая уплачивается землевладѣльцу, въ силу тѣхъ или иныхъ условій *получается въ данномъ предпріятіи* независимо отъ какихъ бы то ни было дѣйствій, а значитъ, и отъ самаго существованія земельного собственника. Правовыя отношенія лежатъ, повидимому, лишь въ основѣ *уплаты* данной суммы изъ предпринимательскаго дохода землевладѣльцу, самая же уплачиваемая сумма создается „естественно въ силу существующихъ экономическихъ отношеній и, очевидно, представляетъ собой нѣкую особую категорію дохода въ современномъ хозяйственномъ строѣ. И если данная сумма *получается въ предпріятіи* помимо воздѣйствія и существованія землевладѣльца, то, очевидно, „институтъ земельной собственности самъ по себѣ не создаетъ ренты, а вліяетъ

только на прикрѣпленіе къ земельному собственнику земельной ренты, которая существуетъ независимо отъ того, какимъ формамъ обладанія земля подчинена“.

Желая найти подтвержденія для своей теоріи въ ученіяхъ о рентѣ прежнихъ экономистовъ, С. Закъ замѣчаетъ, что всѣ эти экономисты, разрабатывая свои несостоятельныя теоріи, безсознательно „учитываютъ... непосредственную связь поземельной ренты съ рыночными цѣнами на сельскохозяйственные продукты“, хотя сами же, не замѣчая своей непослѣдовательности, „противъ этого возстаютъ особенно упорно“ (стр. 126). Совершенно вѣрно: большинство экономистовъ признаютъ неразрывную связь между цѣнами на продукты земли и рентой, и мы даже, признаться, не знаемъ, гдѣ именно они „упорно возстаютъ“ противъ этой связи. Но тѣмъ не менѣе въ выводахъ, дѣлаемыхъ изъ признанія указанной зависимости, между С. Закомъ и прежними экономистами существуетъ большая и принципиальная разница: С. Закъ считаетъ монопольныя цѣны, а слѣдовательно и ренту, результатомъ воздѣйствія, съ экономикой ничего общаго не имѣющаго, — результатомъ „предупредительнаго содѣйствія государства“ и т. п.; всѣ же упоминаемые у С. Зака экономисты считаются съ цѣнами, вліяющими на образованіе ренты, какъ съ результатомъ естественнаго экономического развитія, какъ съ явленіемъ, лежащимъ въ существѣ экономическихъ отношеній. А изъ этого слѣдуетъ, что для того своего вывода, который намъ въ данномъ случаѣ интересенъ, — для того вывода, что существованіе земельной ренты органически связано съ институтомъ земельной собственности, С. Закъ не находитъ себѣ опоры въ ученіяхъ виднѣйшихъ представителей экономической науки.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, какую позицію занимаютъ послѣдніе въ данномъ пунктѣ ихъ теоріи земельной ренты. О представителяхъ школы фیزیократовъ говорить не приходится: ихъ „чистый продуктъ“, — какъ источникъ платы землевладельцу и какъ результатъ неизбежнаго превышенія цѣны земледѣльческаго продукта надъ издержками по его добыванію

(въ противоположность цѣнѣ продукта индустріи, ремесла) — не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что они не видѣли причинной зависимости между институтомъ земельной собственности и земельной рентой.

Что касается Адама Смита, то онъ связываетъ земельную ренту — высоту и самое появленіе ея — съ состояніемъ цѣнъ на продукты земли, но вопреки утвержденію С. Зака (стр. 110), не съ „обращеніемъ земли въ частную собственность“. Какъ слѣдуетъ изъ приводимой С. Закомъ въ доказательство своего утвержденія цитаты, Смитъ связываетъ съ институтомъ собственности на землю не появленіе, а *платежъ* ренты, что разумѣется само собою и чего С. Закъ не отличаетъ отъ появленія ренты въ силу своего предвзятаго мнѣнія. Въмѣсто указанія на земельную собственность, какъ на причину образованія ренты, мы находимъ у Адама Смита слѣдующее заявленіе: „Земля, *при всякомъ почти состояніи*, производитъ большее количество хлѣба, чѣмъ сколько нужно для содержанія всего труда, принимающаго участіе въ снабженіи хлѣбомъ рынка, если бы даже содержаніе это было несравненно болѣе щедро, чѣмъ то, какое получается такого рода трудомъ. Излишекъ въ производимомъ хлѣбѣ *постоянно* болѣе, чѣмъ достаточенъ для выручки съ прибылью капитала, приложеннаго къ этому труду. Поэтому, за всѣми расходами (очевидно плюсъ прибыль на капиталъ. Н. С.) *постоянно* получается *остатокъ* для уплаты ренты поземельному собственнику“. Изъ приведенной цитаты ясно, что *остатокъ* получается въ хозяйствѣ въ силу особыхъ *экономическихъ* свойствъ земледѣлія; и онъ, конечно, получился бы и въ томъ случаѣ, если бы никакого собственника у земли не существовало: тогда остаткомъ воспользовался бы самъ сельскій хозяинъ. На слѣдующей страницѣ „Богатства народовъ“ Смитъ объясняетъ причины и существо этого остатка, т.-е. излагаетъ свой взглядъ на природу земельной ренты, который въ данномъ случаѣ насъ по существу не интересуетъ. Но изъ разсужденій Смита вполне явствуетъ, что считая земельную ренту, высокую или низкую, *слѣдствіемъ* высокой или низкой

цѣны товаровъ, которая обусловливаетъ самую возможность уплаты аренды землевладѣльцу, — Смитъ не связываетъ цѣну товаровъ, дающую ренту, ни съ какими искусственными мѣрами, а связываетъ съ естественной экономической эволюціей, онъ считаетъ (и, замѣтимъ кстати, — совершенно ошибочно, что сейчасъ намъ, впрочемъ, не важно), что одни продукты земли *необходимо* даютъ ренту, другіе продукты даютъ ее условно, и что дѣло здѣсь именно въ характерѣ продукта. И это доказываетъ, что по Адаму Смигу рента можетъ существовать, возрастать и падать внѣ всякой зависимости отъ института земельной собственности.

Далѣе слѣдуетъ Рикардо. По С. Заку, Рикардо отмѣчаетъ „фактъ обращенія земли въ собственность и связь съ этимъ фактомъ возникновенія ренты“ (стран. 112). Но и здѣсь С. Закъ правъ лишь въ томъ, что — по признанію Рикардо „институтъ земельной собственности имѣетъ извѣстное отношеніе къ вопросу о рентѣ“ (тамъ же). И это „извѣстное отношеніе“ Рикардо видитъ только въ фактѣ *уплаты* ренты, въ фактѣ *прикрѣпленія* ренты за землевладѣльцемъ, который появился лишь съ институтомъ земельной собственности; что же касается факта *возникновенія* ренты, то на связь его съ установленіемъ даннаго правового института у Рикардо не имѣется никакихъ намековъ, и напротивъ, имѣются самыя несомнѣнныя и отчетливыя указанія на признаніе имъ земельной ренты особой экономической категоріей.

С. Закъ пишетъ: „Рикардо какъ будто готовится разобрать, какое вліяніе на ренту указываетъ установленіе института земельной собственности... считая условіями, при которыхъ нельзя было бы ничего требовать за пользованіе землею... кромѣ одинаковыхъ свойствъ земли и однороднаго качества, еще безграничное ея пространство... Но когда Рикардо переходитъ къ анализу поземельной ренты, онъ совершенно отбрасываетъ то обстоятельство, что *количество земли ограничено*, и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на ея разнообразіи“. Въ этомъ С. Закъ видитъ „методологическое недоразумѣніе“, которое „является одной изъ основныхъ причинъ односторон-

ности всей рикардовской теории поземельной ренты“ (112—113). Ни о какомъ методологическомъ недоразумѣніи у Рикардо не можетъ быть рѣчи, но приведенная цитата лучше всего доказываетъ, что Рикардо не видитъ никакой связи между фактомъ существованія ренты и институтомъ собственности на землю. Въ самомъ дѣлѣ, Рикардо признавалъ, что ограниченность пространства земли находится въ непосредственной связи съ захватомъ земли въ частную собственность, а слѣдовательно, и съ требованіемъ платы за пользованіе землей, но что эта ограниченность земли вообще *сама по себѣ* не имѣетъ никакого отношенія къ *возникновенію* ренты; поэтому, перейдя къ анализу послѣдней, онъ съ полнымъ основаніемъ и не вспоминаетъ о фактѣ ограниченности земли, а „сосредоточиваетъ все свое вниманіе на ея разнообразіи“, какъ на одномъ изъ факторовъ, отъ котораго по мнѣнію Рикардо, зависитъ возникновеніе ренты, независимо отъ существованія земельного собственника и отъ того, въ чьихъ рукахъ останется рента. Если Рикардо и могъ признавать зависимость между появленіемъ земельной ренты и установленіемъ института земельной собственности, то—зависимость чисто внѣшнюю, временную: ограниченность земли вообще и земли однороднаго качества въ особенности служить причиной эксплуатаціи земель иного качества, а вмѣстѣ съ тѣмъ служить и стимуломъ къ захвату земли въ собственность, начиная съ первыхъ; такимъ образомъ собственность на землю и рента имѣли основаніе появиться одновременно, но рента, очевидно, появилась бы и въ томъ случаѣ, если бы развитіе правовыхъ отношеній пошло въ другомъ направленіи.

Съ ясностью, не оставляющей ни малѣйшихъ сомнѣній, подтверждается все сказанное о теоріи Рикардо и тѣмъ характеромъ связи между цѣнами на продукты земли и рентой, который Рикардо выдвигаетъ. „Совершенно правильно замѣчено, говоритъ онъ, что цѣнность пшеницы нисколько не понизилась бы въ томъ случаѣ, если бы землевладѣльцы отка-

¹⁾ См. „Изслѣдованіе о причинахъ и природѣ богатства народовъ“ т. I, стран. 321. Курсивъ мой. См. и стран. 322.

зались отъ ренты. Слѣдствіемъ подобной мѣры было бы только то, что нѣкоторые фермеры стали бы жить господами“. Неизбѣжность появленія ренты, какъ особаго дохода въ хозяйствѣ, внѣ всякой зависимости отъ существованія собственности на землю, здѣсь подчеркнута съ такой категоричностью, которая не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

И здѣсь предвзятость взглядовъ С. Зака на земельную ренту „является одной изъ основныхъ причинъ“ недостаточнаго уясненія имъ тѣхъ теорій, которыя онъ самъ излагаетъ.

Что касается Кэри и Бастіа, то, рѣшая проблему о земельной рентѣ отрицаніемъ этой проблемы и видя въ рентѣ не что иное, какъ обычнаго рода прибыль на капиталъ, затрачиваемый землевладѣльцемъ, который, согласно ихъ теоріи, eo ipso является предпринимателемъ, — названные экономисты не связываютъ, конечно, появленіе ренты съ монопольными цѣнами и считаютъ, что рента находится въ такомъ же отношеніи къ институту земельной собственности, въ какомъ вообще данная экономическая категорія (прибыль) находится къ собственности на капиталъ всякаго вида.

Относительно Родбертуса также никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Родбертусъ признавалъ связь между монопольными цѣнами и существованіемъ земельной ренты вотъ въ какомъ смыслѣ: продукты вообще продаются, по его мнѣнію, по ихъ трудовой стоимости; стоимость и продажныя цѣны земледѣльческихъ продуктовъ необходимо выше продажныхъ цѣнъ продуктовъ индустріи, добытыхъ въ индустріи съ тѣми же затратами капитала, — выше вслѣдствіе того, что земледѣльческій капиталъ всегда лишенъ необходимой составной части индустріальнаго капитала — сырья, не являющагося — по Родбертусу — овеществленнымъ трудомъ и не увеличивающимъ стоимость продукта. Монопольныя — съ точки зрѣнія предпринимателя — цѣны на продукты земли и большая норма земледѣльческаго дохода (часть котораго и образуетъ ренту), слѣдовательно, по Родбертусу, лежатъ въ неотвратимыхъ условіяхъ современнаго экономическаго строя, и земельная рента есть результатъ необходимыхъ свойствъ земледѣльческаго ка-

питала. Ясно, что Родбертусъ менѣе, чѣмъ кто-либо, далъ основаніе думать, что фактъ возникновенія и существованія земельной ренты находится въ какомъ бы то ни было отношеніи къ институту земельной собственности.

Наконецъ, Марксъ, какъ извѣстно, различая два вида земельной ренты, съ одной стороны, повторяетъ Рикардо, съ другой стороны, близко примыкаетъ къ Родбертусу. Слѣдуя за Рикардо, Марксъ, примѣнительно къ интересующему насъ въ данный моментъ пункту своей теоріи, замѣчаетъ: „Земельная собственность есть только причина передачи части товарной цѣны, возросшей *безъ ея содѣйствія*, и которая сводится къ добавочной прибыли, — передачи этой части цѣны однимъ лицомъ другому, капиталистомъ — землевладѣльцу. Земельная же собственность не есть при этомъ причина, которая создаетъ такую составную часть цѣны, или — повышенія цѣны, которое она предполагаетъ“¹⁾. Но слѣдуя за Родбертусомъ въ отысканіи другихъ источниковъ ренты, помимо указанныхъ Рикардо, Марксъ предусматриваетъ случай, когда „сама земельная собственность произвела ренту“. Однако, само дальнѣйшее изложеніе Маркса не оправдываетъ этого утвержденія. Собственность на землю, какъ мы знаемъ, можетъ „сама“ создавать ренту путемъ искусственнаго установленія монопольных цѣнъ. Но Марксъ спрашиваетъ: „слѣдуетъ ли изъ земельной ренты... что цѣна земледѣльческихъ продуктовъ есть непремѣнно монопольная цѣна въ обычномъ смыслѣ, или цѣна, въ которую входитъ рента, какъ налогъ, съ тою только разницей, что такой налогъ взимается не государствомъ, а землевладѣльцемъ?... входитъ ли рента... тѣмъ же самымъ способомъ, какъ входитъ налогъ въ цѣну того товара, который имъ обложенъ, т.-е. въ видѣ элемента, независимаго отъ его стоимости?“ И отвѣчаетъ: „этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ непремѣнно и утверждается только потому, что до сихъ поръ не постигнута разница между стои-

¹⁾ См. „Капиталъ“, III, стран. 622. Курсивъ мой.

мостью товара и цѣною его производства¹⁾. Это значитъ, что монопольную цѣну, не регулируемую *экономическими* законами, а зависящую отъ земельной собственности и неизбѣжныхъ „воздѣйствій“ и „содѣйствій“, Марксъ только допускаетъ, какъ возможность (да и какъ такой возможности не допускать?); но ту земельную ренту, которую Марксъ имѣетъ здѣсь въ виду, онъ связываетъ не съ акцизомъ на земледѣльческіе продукты, независимымъ отъ экономическихъ отношеній, а связываетъ лишь съ такимъ уровнемъ цѣнъ, который находится непременно *между* стоимостью продукта и цѣною его производства (т.-е., употребляя терминъ Маркса, связываетъ не съ „настоящей“ монопольной цѣной). А такой

¹⁾ См. „Капиталъ“, III, стран. 624—5. Напоминаемъ, что подъ стоимостью продукта разумѣется количество овеществленнаго въ немъ *работы времени*, затраченнаго на производство продукта при среднихъ, общественно необходимыхъ условіяхъ. Стоимость продукта только въ конечномъ счетѣ опредѣляетъ его рыночную цѣну, такъ какъ предприниматель, не уплачивая рабочему стоимости произведеннаго рабочимъ продукта, а лишь часть этой стоимости, сообразуется, при назначеніи цѣны продукта, только со своими издержками производства и съ необходимостью получить извѣстную прибыль, предѣлы которой ставятся конкуренціей. *Издержки* производства (состоящіе изъ заработной платы рабочимъ и изъ ремонта и погашенія всякаго рода инвентаря) плюс нормальная *прибыль* образуютъ *цѣну производства*, равную рыночной цѣнѣ.

Органическое строеніе капитала есть соотношеніе между постоянной частью затрачиваемаго предпринимателемъ капитала (расходы на ремонтъ и амортизацію инвентаря) и между переменнѣйшей его частью (заработною платою). Капиталъ, въ которомъ отношеніе первой изъ этихъ частей капитала ко второй *велико*, — капиталъ высокаго строенія; капиталъ же, гдѣ это отношеніе мало — капиталъ низкаго строенія. Такъ какъ новыя цѣнности въ рукахъ предпринимателя могутъ образоваться только изъ неоплаченнаго труда рабочихъ, то этихъ цѣнностей (прибавочной стоимости) въ рукахъ предпринимателя оказывается тѣмъ больше, чѣмъ большее количество живого труда приводитъ въ движеніе постоянную часть капитала, т.-е. чѣмъ больше въ его предпріятіи переменная часть по сравненію съ постоянной, чѣмъ органическое строеніе капитала *ниже*. Прибавочная стоимость есть источникъ *прибыли*, норма которой опредѣляется конкуренціей, и которая можетъ быть больше меньше прибавочной стоимости.

уровень цѣнъ есть — при наличности института земельной собственности — результатъ своеобразнаго строенія земледѣльческаго капитала, подобно тому какъ мы уже видѣли у Родбертуса. Такимъ образомъ земельная собственность не „сама“ создаетъ ренту, а лишь при содѣйствіи необходимаго экономического фактора, съ которымъ — и дѣйствительно — Марксъ органически связываетъ существованіе той формы земельной ренты, о которой онъ ведетъ рѣчь въ 75-й главѣ III тома „Капитала“. „Для той формы ренты, которую мы изучаемъ въ данное время и которая можетъ существовать только при указанномъ предположеніи (о строеніи земледѣльческаго капитала), достаточно сдѣлать, слѣдовательно, такое предположеніе. Тамъ, гдѣ оно сдѣлано быть не можетъ, исчезаетъ также и соотвѣтствующая ему форма ренты“¹⁾. Очевидно, и Марксъ далекъ отъ представленія о земельной рентѣ, какъ о результатѣ „искусственно вздутыхъ цѣнъ по соображеніямъ, съ экономикой ничего общаго не имѣющимъ“, но вполне отвѣчающимъ цѣлямъ правового института земельной собственности.

Мы видимъ, что по вопросу о взаимоотношеніи института собственности на землю и земельной ренты С. Закъ остается при особомъ мнѣніи, и среди наиболѣе выдающихся экономистовъ, создавшихъ теоріи ренты, предшественниковъ себѣ не имѣетъ.

Итакъ, не касаясь до сихъ поръ вопроса о существѣ, об истинной природѣ и источникѣ земельной ренты, мы тѣмъ не менѣе выше имѣли возможность убѣдиться, что ренту надлежитъ разсматривать какъ особую получаемую въ хозяйствѣ категорію дохода, какъ результатъ естественной экономической эволюціи и какъ явленіе, существующее внѣ всякой зависимости отъ института земельной собственности; и теперь въ работахъ виднѣйшихъ представителей экономической науки, поскольку послѣдніе, по крайней мѣрѣ, закладывали фун-

¹⁾ Тамъ же, стран. 626—7.

даментъ и намѣчали пути къ созданію правильной теоріи ренты, мы видимъ полное подтвержденіе этому взгляду.

Если земельная рента есть неизбежный элементъ современныхъ экономическихъ отношеній и существуетъ не потому, что существуетъ собственность на землю, то социализация земли, какъ перестройка земельныхъ отношеній на иныхъ правовыхъ основаніяхъ, какъ отрицаніе земельной собственности, очевидно, не есть отрицаніе земельной ренты. Рента, — не какъ плата земельному собственнику, а какъ особый доходъ, получаемый въ хозяйствѣ, — очевидно, будетъ существовать и послѣ социализации земли, если существуетъ теперь, и на вопросъ, поставленный въ началѣ этой главы: *возможно ли установить рентный налогъ на землю послѣ ея социализации, какъ отрицанія земельной собственности*, — мы должны отвѣтить утвердительно. Будущее государство — въ широкомъ смыслѣ, — не становясь „на мѣсто частнаго эксплуататора“, не оказывая никакого давленія ни на обычную въ странѣ заработную плату (ибо рента берется не изъ заработной платы), ни на норму предпринимательской прибыли (ибо рента берется не изъ прибыли), не влияя никакимъ образомъ на интересы потребителя (ибо рента не есть искусственно устанавливаемый къмъ бы то ни было акцизъ на продукты), — можетъ установить рентный налогъ на социализованную землю. Если же рента все-таки *какимъ бы то ни было образомъ* входитъ въ цѣны продуктовъ¹⁾ земли и берется изъ доходовъ потребителя, и если заработная плата, какъ единственный доходъ рабочаго, есть грубая его эксплуатация, то взиманіе или оставленіе на мѣстѣ земельной ренты здѣсь ничего не измѣнитъ, ибо уничтожить ренту лишь уничтоженіе современнаго хозяйственнаго строя, уничтоженіе товарно-капиталистическихъ отношеній, чего не предполагаетъ социализация земли.

¹⁾ Подъ продуктами земли мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ не только земледѣльческіе продукты, но и все, что оплачивается потребителемъ въ размѣрѣ, дающемъ земельную ренту, напр. и квартиры.

III.

Критика нѣкоторыхъ попытокъ объясненія ренты.

Для насъ, однако, еще недостаточно выяснить, не исключаетъ ли понятіе социализаціи земли существованія земельной ренты, недостаточно прійти къ заключенію, что рентный налогъ *возможно* установить при полномъ отсутствіи института земельной собственности. Намъ необходимо выяснить, *должно ли* установить рентный налогъ на социализированную землю; ибо, можетъ-быть, понятіе социализаціи земли *въ его цѣломъ* противорѣчитъ взиманію рентнаго налога съ земли, можетъ-быть, относится къ нему безразлично, и вопросъ объ установленіи рентнаго налога на социализированную землю есть только вопросъ финансовой политики будущаго государства и вопросъ практической цѣлесообразности, или, можетъ-быть, напротивъ, социализація земли необходимо требуетъ установленія рентнаго налога и немыслима безъ него, и рентное обложеніе является однимъ изъ необходимыхъ элементовъ, изъ которыхъ слгаается понятіе социализаціи земли?

Поэтому мы не можемъ, конечно, ограничиться тѣмъ выводомъ о рентѣ, который мы сдѣлали въ предыдущей главѣ, — что рента не есть результатъ условій, „ничего общаго съ экономикой не имѣющихъ“, а есть особая экономическая категория. Мы должны для нашей цѣли посмотрѣть, каково происхожденіе и какова природа этой категоріи дохода въ товарно-капиталистическомъ строѣ.

Прежде всего, не лежить ли источникъ ренты во внутреннихъ свойствахъ земледѣльческаго капитала? Какъ извѣстно, здѣсь источника ренты искали фізіократы, ученіе которыхъ о неизбѣжномъ земледѣльческомъ „produit net“ мы оставимъ, однако, въ сторонѣ, какъ ученіе, такъ сказать, донаучное и не имѣющее въ данный моментъ ни малѣйшаго теоретическаго значенія. Но въ особыхъ свойствахъ земледѣльческаго капитала искалъ, какъ мы видѣли, источника ренты и Марксъ вмѣстѣ съ другимъ гигантомъ экономической мысли — Родбертусомъ. Здѣсь Марксъ видѣлъ условія для образованія той формы земельной ренты, которую онъ называлъ „абсолютной рентой“, и мы должны посмотрѣть, дѣйствительно ли не что иное, какъ особенности, лежащія *внутри* сельскохозяйственнаго производства, порождаютъ интересующую насъ экономическую категорію.

Абсолютную ренту, какъ необходимую категорію земледѣльческаго дохода, Марксъ считаетъ необходимымъ отыскать потому, что безъ нея онъ не видитъ возможности объяснить *всѣхъ случаевъ* арендныхъ отношеній. Мы вопреки Марксу¹⁾, какъ это будетъ выяснено дальше, не видимъ возможности существованія арендныхъ отношеній всегда и вездѣ при наличности частнаго землевладѣнія, и не признаемъ необходимымъ объяснять возможность аренды вообще, принципиально. Но отысканіе спеціальныхъ источниковъ ренты для объясненія конкретныхъ случаевъ арендныхъ отношеній мы считаемъ вполне законнымъ и необходимымъ, и именно на этой точкѣ зрѣнія мы стояли выше, когда иллюстрировали необходимость считать ренту особой экономической категоріей. Марксъ, совершенно правильно, не видитъ возможности объяснить уплату аренды изъ обычной заработной платы и обычной прибыли, а также и изъ монопольныхъ цѣнъ, искусственное установленіе которыхъ, независимо отъ стоимости продуктовъ, онъ считаетъ явленіемъ случайнымъ. Источникъ абсолютной ренты заключается, по Марксу, въ высокой стоимости земледѣльче-

1) См. „Капиталъ“, III, стран. 618—620.

скаго продукта, которая неизбежно превышает цѣну его производства: рента всегда можетъ быть уплачена изъ высокой прибавочной стоимости, которая, по предположенію Маркса, является результатомъ болѣе низкаго строенія земледѣльческаго капитала, нежели строеніе средняго общественнаго капитала. Капитальъ такого низкаго органическаго строенія „производитъ большую прибавочную стоимость, такъ какъ употребляетъ, при одинаковой степени эксплуатаціи труда, большее количество живого труда, а слѣдовательно производитъ и большую прибыль, чѣмъ такой же величины соотвѣтственная часть средняго общественнаго капитала“¹⁾.

Однако, одного только строенія капитала, какъ бы оно ни было низко, еще недостаточно для объясненія остатковъ сверхъ нормальной прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ, — остатковъ, которые и образуютъ земельную ренту. Почему, въ самомъ дѣлѣ, высокая прибавочная стоимость даетъ здѣсь высокую норму прибыли? Почему норма прибыли не уравнивается здѣсь кочеваніемъ капиталовъ изъ отраслей промышленности съ низкой нормой прибавочной стоимости въ отрасли съ высокой ея нормой? Въѣдъ если въ данной отрасли промышленности (въ сельскомъ хозяйствѣ) прибавочная стоимость и норма прибыли высока только временно, только до тѣхъ поръ, пока въ нее не перетекутъ капиталы изъ другихъ отраслей, то можно ли считать это временное превышеніе „абсолютной рентой“, получаемой въ земледѣліи, а не явленіемъ, свойственнымъ любой отрасли промышленности съ низ, кимъ строеніемъ капитала? Г-ну Маслову, который не дочиталъ или не понялъ главы „Капитала“ объ абсолютной рентѣ, поэтому, естественно „рѣзко бросилось въ глаза противорѣчіе теоріи абсолютной ренты всей теоріи распредѣленія, изложенной въ III томѣ“²⁾. На самомъ же дѣлѣ, противъ положеній Маркса можно спорить по существу, логическаго же противо-

¹⁾ „Капиталь“, III, стр. 625.

²⁾ П. Масловъ, „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи“, С.-Пб. 1903, стр. 126.

рѣчія между марксовой теоріей абсолютной ренты и остальнымъ содержаніемъ третьяго тома — нѣтъ: строеніе земледѣльческаго капитала ниже средняго — это одно изъ основаній абсолютной ренты, безъ котораго „исчезаетъ и соотвѣтствующая ему форма ренты“, но Марксъ самъ признаетъ его недостаточнымъ и объясняетъ, почему законъ уравниванія прибылей здѣсь не имѣетъ силы. Мы уже знаемъ, что *въ частной собственности на землю* Марксъ видитъ препятствіе для свободнаго перетеканія капиталовъ въ сельское хозяйство: „чуждой силой, говоритъ онъ, и препятствіемъ при затратахъ капитала въ землю является земельная собственность, или — противъ капиталиста выступаетъ землевладѣлецъ“¹⁾; эта чуждая сила и препятствуетъ войти излишку прибавочной стоимости въ процессъ уравниванія прибылей, слѣдовательно, излишекъ этотъ остается въ хозяйствѣ и переходитъ въ земельную ренту.

Теорія абсолютной ренты Маркса, однако, абсолютно несостоятельна. И Марксъ, хотя и назвалъ данный видъ ренты, выводимый имъ изъ особенностей земледѣльческаго производства, абсолютной рентой, но самъ понималъ всю ея условность и самъ обставилъ свою аргументацію такими ограниченіями, которыя почти до конца уничтожаютъ его выводы. Это, впрочемъ, не помѣшало его послѣдователямъ, идя дальше Маркса въ аргументаціи, уничтожающей абсолютную ренту, объявить ее чѣмъ-то дѣйствительно абсолютнымъ, а многочисленнымъ писателямъ различнаго толка — перенять терминъ „абсолютная рента“ и вкладывать въ него, совершенно забывая о Марксѣ, какое имъ угодно содержаніе.

Посмотримъ, сначала, какъ обстоитъ дѣло съ первымъ факторомъ, образующимъ абсолютную ренту: съ органическимъ строеніемъ земледѣльческаго капитала, которое должно быть ниже средняго общественнаго капитала. Самъ Марксъ писалъ²⁾, что вопросъ о томъ, ниже ли строеніе земледѣль-

¹⁾ „Капиталъ“, стран. 628.

²⁾ Тамъ же, стран. 626.

ческаго капитала, чѣмъ строеніе средняго общественнаго, „представляется вопросомъ, который можно рѣшить только статистическимъ путемъ“, и тутъ же Марксъ признаетъ „несомнѣнный и давно извѣстный фактъ, что развитіе самаго земледѣлія выражается въ непрерывномъ относительномъ ростѣ постоянной части капитала сравнительно съ переменною“¹⁾. Послѣдователи Маркса, сдѣлавъ въ интересахъ своей неуязвимости официальное признаніе объ особенностяхъ эволюціи сельскаго хозяйства по сравненію съ эволюціей индустріи, но тѣмъ не менѣе при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ стремясь подчеркивать полное сходство въ этихъ эволюціяхъ, — естественно должны часто дѣлать заявленія, аналогичныя только что цитированному заявленію Маркса. Такъ, Каутскій пишетъ: „весьма сомнительно, чтобы интенсивное сельское хозяйство въ настоящее время по органическому строенію капитала все еще стояло ниже средняго уровня. Если сельское хозяйство потребляетъ меньше сырого матеріала, то, съ другой стороны, затраты его на машины и постройки — амбары, стойла, оросительныя работы и т. п. — съ прогрессомъ техники постоянно увеличиваются“²⁾. И вмѣстѣ съ тѣмъ Каутскій настаиваетъ на абсолютной рентѣ и излагаетъ по Марксу ея теорію.

„Предположеніе“ Маркса о низкомъ строеніи земледѣльческаго капитала дѣйствительно не оправдывается, и превышеніе постоянной части капитала надъ переменной дѣйствительно оказывается „несомнѣннымъ фактомъ“. Единственно правильный статистическій путь для выясненія этого вопроса испробовалъ С. Закъ, удѣлившій ему — и даже не въ одной работѣ — много вниманія и труда. Не повторяя здѣсь данныхъ, приводимыхъ С. Закомъ, отсылаемъ читателя къ его работамъ, окончательно устанавливающимъ *болѣе высокое строеніе* земледѣльческаго капитала по сравненію со среднимъ общественнымъ, а слѣдовательно, весьма неблагоприятное для полученія прибавочной стоимости.

¹⁾ „Капиталъ“, III, стран. 626. То же повторяется и на стран. 631.

²⁾ Каутскій, „Агр. вопросъ“, изд. подъ ред. Н. Рожкова, стран. 69.

Мы видимъ, что одинъ факторъ, изъ двухъ образующихъ абсолютную ренту, оказывается совершенно фиктивнымъ, и этого уже достаточно для того, чтобы „исчезла соответствующая форма ренты“, какъ плодъ совершенно беспочвенныхъ предположеній Маркса. Но не лучше обстоятъ дѣло и съ другимъ факторомъ — съ „чуждой силой“, препятствующей перетеканію капиталовъ въ земледѣліе.

Какимъ образомъ частное землевладѣніе могло бы поддерживать существованіе излишка прибавочной стоимости, если бы онъ получался отъ низкаго строенія капитала? Если рента для землевладѣльца не получается ни изъ какихъ иныхъ источниковъ, и предпріятіе не даетъ капиталисту ничего, кромѣ прибыли, то „для землевладѣльца это рѣшительно не представляется основаніемъ, чтобы онъ ссудилъ его землею даромъ“, и здѣсь владѣніе землею „даетъ собственнику власть не обрабатывать землю до тѣхъ поръ, пока экономическія условія не позволяютъ ему пользоваться ею такимъ образомъ, что онъ получитъ избытокъ... Абсолютныхъ размѣровъ такой отрасли дѣятельности (земледѣлія и использованія земли подъ постройки) ни увеличить ни уменьшить онъ не можетъ, но онъ можетъ оказывать вліяніе на количество земли, находящейся на рынкѣ“¹⁾. Допустимъ даже такъ. Но вѣдь земля есть только средство или условіе той или иной „отрасли дѣятельности“, и сама она потребителю ни на что не нужна. Важно, чтобы землевладѣлецъ могъ регулировать не „количество земли, находящейся на рынкѣ“, а важно, чтобы онъ именно могъ „увеличить или уменьшить абсолютные размѣры той или иной отрасли дѣятельности“: вѣдь только тогда экономическія условія позволяютъ ему получить избытокъ. А оказывать вліяніе на размѣры дѣятельности (напр., сельского хозяйства) землевладѣлецъ дѣйствительно не можетъ. Согласно дальнѣйшимъ признаніямъ опять-таки самого Маркса²⁾, не можетъ потому, что „земельная собственность, какъ препят-

¹⁾ „Капиталъ“, стран. 624.

²⁾ Тамъ же, стран. 630.

ствіе, оказываетъ абсолютное вліяніе только въ томъ случаѣ, если допущеніе къ землѣ вообще, какъ сферѣ затраты капитала, обусловливается данью землевладѣльцу. Если таковое допущеніе совершилось, то послѣдній уже не можетъ болѣе противопоставить какихъ-нибудь абсолютныхъ ограниченій количественному размѣру затраты капитала на данномъ земельномъ участкѣ. Постройкѣ домовъ вообще ставятся ограниченія владѣніемъ третьяго лица тою землею, на которой долженъ быть построенъ домъ; но разъ такая земля арендована съ цѣлью постройки на ней домовъ, то уже отъ арендатора будетъ зависѣть, соорудитъ ли онъ на ней высокій домъ или низкій. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, въ земли, находящіяся уже на рынкѣ, въ какомъ бы то ни было количествѣ, не могутъ быть вложены капиталы въ громадныхъ размѣрахъ? Вѣдь въ абсолютной рентѣ Марксъ видитъ только одну изъ двухъ формъ земельной ренты, и въ иныхъ случаяхъ у арендатора есть и еще источники для уплаты аренды землевладѣльцу; кромѣ того, предпринимателями — фактически — бываютъ и сами землевладѣльцы — и крестьяне, и крупные собственники; слѣдовательно, земли, какъ объекта хозяйства, на рынкѣ можетъ находиться изрядное количество и безъ уплаты землевладѣльцу той дани, которая представляетъ изъ себя по Марксу абсолютную ренту. Чтò мѣшаетъ капиталамъ перетекать въ эти земли до тѣхъ поръ, пока увеличенная „отрасль дѣятельности“ въ силу самой обычной и самой нормальной конкуренціи не понизитъ цѣны на продукты земли до уровня цѣны ихъ производства и не сведетъ къ нулю какой бы то ни было излишекъ надъ нормальной прибылью, взятый изъ стоимости продукта? Конечно, для перетеканія капиталовъ въ сельское хозяйство не можетъ быть ни малѣйшихъ препятствій въ частной собственности на землю, и капиталы могутъ перетекать въ земледѣліе до тѣхъ поръ, пока затраты ихъ въ одну и ту же землю будутъ давать нормальную прибыль, а слѣдовательно, и никакой абсолютной ренты въ земледѣльческомъ хозяйствѣ получиться не можетъ.

Но, можетъ-быть, и весьма интенсивное перетеканіе капи-

тала въ землю не въ состояніи насытить рынка, опустить цѣны на продукты земли до цѣнъ ихъ производства и поглотить цѣликомъ абсолютную ренту — вслѣдствіе понижающейся производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала въ одинъ и тотъ же участокъ земли? Однако, таковую понижающуюся производительность или такъ наз. „убывающее плодородіе почвы“ Марксъ не считалъ закономъ и неизбѣжнымъ явленіемъ: стоитъ вспомнить, какъ отчиталъ Ленинъ Булгакова за навязываніе послѣднимъ Марксу признанія этого „закона“. И самъ Ленинъ, считая „законъ убывающаго плодородія почвы“ „безсодержательнѣйшей абстракціей“, долженъ бы понимать, что для перетеканія капиталовъ въ земледѣліе и для поглощенія всякихъ избытковъ надъ нормальной прибылью никакихъ препятствій не имѣется; но вмѣсто того онъ, конечно, заявляетъ, что „необходимо признать существованіе ренты“¹⁾. Но если и признать понижающуюся производительность послѣдовательныхъ затратъ въ земледѣліи, то не ясно ли, что капиталы все-таки стали бы перетекать въ землю, имѣющуюся на рынкѣ, до тѣхъ поръ, пока давали бы нормальную прибыль, хотя бы капиталовъ для сведенія къ нулю излишковъ надъ прибылью потребовалось громадное количество, и хотя бы послѣднія затраты давали абсолютно ничтожное количество продукта: вѣдь послѣднее не имѣетъ для капиталиста ни малѣйшаго значенія, и только недостатокъ самаго капитала въ странѣ могъ бы остановить капитализацію благодатной „отрасли дѣятельности“, которая сверхъ нормальной прибыли даетъ еще нѣкую абсолютную ренту. Но о недостаткѣ капиталовъ въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ, гдѣ капиталы ищутъ и не находятъ себѣ приложенія, говорить не приходится. И если земледѣліе все-таки не капитализируется, и не можетъ капитализироваться, то для этого существуютъ особыя причины, которыя не хотятъ въ настоящее время признать одни соціаль-демократы; а именно это озна-

¹⁾ См. брошюру Н. Л е н и н а „Аграрный вопросъ и критики Маркса“. Цитаты стр. 4 и 20.

часть, что земледѣльческій частно предпринимательскій капиталъ не способенъ давать не только какіе бы то ни было избытки надъ прибылью, не только какую бы то ни было абсолютную ренту, но неспособенъ давать и достаточную для капиталиста прибыль.

Да и, наконецъ, могутъ ли дѣйствительно землевладѣльцы „оказать вліяніе на количество земли, находящейся на рынкѣ“? Если бы это случилось въ какой-либо странѣ, и какимъ бы то ни было сверхъестественнымъ способомъ произвело то дѣйствіе, на какое разсчитываетъ Марксъ, т.-е. задержало бы приложеніе капитала къ землѣ — то вѣдь продукты земли, необходимые для удовлетворенія потребностей этой страны, повезли бы изъ другихъ странъ, гдѣ земли, находящейся на рынкѣ, въ силу тѣхъ или иныхъ неизбѣжныхъ условій, — сколько угодно, и гдѣ даже капитала въ единицу земледѣльской площади вкладывается совсѣмъ не много, т.-е. хозяйство ведется экстенсивно. Земледѣльческіе продукты и ввозятся фактически въ громадномъ количествѣ изъ экстенсивныхъ странъ въ страны болѣе высокихъ цѣнъ. Какъ всѣмъ извѣстно, этотъ ввозъ земледѣльческихъ продуктовъ, давая на мѣстныхъ цѣны, разоряетъ мѣстныхъ хозяевъ-капиталистовъ, не давая имъ возможности выручать сдѣланные затраты и дѣлая помѣщицы имѣнія жертвой аукціона. При такихъ условіяхъ говорить о власти землевладѣльца не пускать излишка прибавочной стоимости (если бы онъ былъ) въ процессы уравниванія прибылей, — говорить объ абсолютной рентѣ, какъ объ особой категоріи дохода, коренящейся въ особо благоприятныхъ условіяхъ земледѣльского производства — пожалуй, даже наивно.

О томъ, какъ плохи дѣла сельскохозяйственныхъ капиталистовъ, а съ ними и такового капитализма, „ортодоксы“ обычно умалчиваютъ: Каутскій, напр., обрекая на погибель крестьянство и говоря о его задолженности, ни словомъ не обмолвился, что задолженность крупнаго сельскаго хозяйства несравненно больше. Но не изъ такихъ, которые не смотрятъ правдѣ въ глаза, приватъ-доцентъ Рожковъ. Съ добро

совѣстностью истиннаго ученаго онъ пишетъ: „извѣстно, что при современныхъ условіяхъ сельскохозяйственнаго рынка прибыль отъ земледѣльческихъ предірій ниже прибыли отъ предірій индустріальныхъ“. Конечно, въ этомъ своемъ заявленіи Рожковъ болѣе, чѣмъ скроменъ, но и такого положенія дѣлъ перенести ему невозможно. *Pereat mundus, vivat doctrina!* — необходимо принять мѣры къ тому, чтобы такихъ препятствій не было „на пути къ развитію капитализма“. И что же предлагаетъ приватъ-доцентъ Рожковъ? Онъ убѣждаетъ не „уничтожать путемъ спеціального налога“, не отбирать у землевладѣльцевъ-предпринимателей... *абсолютной ренты*, съ тѣмъ, чтобы она компенсировала имъ прибыли. Все это такъ смѣхотворно и такъ безграмотно, что будетъ даже излишне вдаваться въ оцѣнку даннаго предположенія съ точки зрѣнія социалистической этики¹⁾...

¹⁾ Этотъ приватъ-доцентъ могъ бы, по справедливости, присвоить себѣ наименованіе *enfant terrible* россійской социаль-демократіи, ибо едва ли кто больше его послужилъ дѣлу дискредитированія социаль-демократическихъ воззрѣній на аграрный вопросъ. Въ данномъ случаѣ Рожковъ отстаиваетъ для помѣщиковъ ренту, конечно, „въ интересахъ пролетаріата“ и „въ интересахъ необходимой для наступленія будущаго строя капитализации и концентраціи земледѣлія“ (отъ послѣдней, впрочемъ, и Марксъ, и Каутскій, и Плехановъ, и многіе другіе неоднократно отказывались подъ давленіемъ неопровержимыхъ фактовъ, съ тѣмъ, чтобы вновь вернуться къ стереотипнымъ фразамъ о ней въ брошюрахъ и статьяхъ, предназначенныхъ для широкихъ массъ); до ходатайствъ о субсидіяхъ помѣщикамъ дѣло не дошло, но кто знаетъ, чего въ будущемъ потребуютъ отъ г. Рожкова „интересы пролетаріата“? И этотъ пассажъ съ абсолютной рентой, конечно, не единственный, гдѣ приватъ-доцентъ обнаруживаетъ свою невинность по части Маркса, термины котораго онъ употребляетъ, и Каутскаго, книги котораго выходятъ въ русскихъ переводахъ подъ его „редакціей“ (что такое по Марксу абсолютная рента, Рожковъ могъ бы уяснить себѣ и по „редактированному“ имъ „аграрному вопросу“ Каутскаго). Еще, напримѣръ, Рожковъ пишетъ въ популярной брошюрѣ со свойственной ему прямоотъ: „Дешевый заморскій хлѣбъ понизилъ, уменьшилъ цѣны на хлѣбъ, многіе помѣщики стали терпѣть убытки и уменьшать свои хозяйства. Это и называется земледѣльческимъ кризисомъ“. Но потомъ немедленно успокоиваетъ читателя насчетъ судебъ земледѣльческаго капитализма: „понятно, что когда

Однако, грѣхъ утаить, что и тѣ, для кого нежизненность капиталистическаго земледѣлія — въ силу неспособности земледѣльческаго капитала давать необходимую прибыль — не

народу будетъ больше и хлѣба понадобится больше, тогда прекратится и земледѣльческій кризисъ, такъ что эта причина уменьшенія среднихъ размѣровъ хозяйствъ — временная“. И дѣла нѣтъ г. Рожкову до того, что Каутскій, въ вышедшей съ предисловіемъ г. Рожкова книгѣ, видитъ причины аграрнаго кризиса, которому самъ г. Рожковъ приписываетъ рѣшающее значеніе для развитія капитализма въ земледѣліи, совсѣмъ не въ томъ, что „народу“ мало. И дѣла нѣтъ г. Рожкову до утвержденій Каутскаго, что „аграрный кризисъ можетъ закончиться только при всеобщемъ кризисѣ всего капиталистическаго общества“ и „представляетъ собой одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ существованія“ послѣдняго, что по Каутскому „мы должны считатьъ съ аграрнымъ кризисомъ, не какъ съ преходящимъ, а какъ съ постояннымъ явленіемъ, которое измѣняетъ всю экономическую и политическую жизнь“. Дѣло плетъ о вопросѣ центральномъ для выясненія правильности взглядовъ с.-д. на аграрную эволюцію; и если г. Рожковъ не посчитался такъ или иначе — въ своей ли брошюрѣ или въ переводѣ Каутскаго — съ утвержденіемъ послѣдняго, то вѣдь это — или невѣжество, или... авось не разберутъ; брошюра-то вѣдь популярная. (См. Рожковъ „Агр. вопросъ въ Россіи и его рѣш. въ прогр. разл. партій“. М. 1906 г., стран. 23; и Каутскій „Агр. вопр.“ пер. под. ред. Рожкова, стран. 226.) Любопытно еще, съ какимъ наивнымъ и опять-таки только дискредитирующимъ его партію рвеніемъ старается г. Рожковъ вдолбить неподготовленному читателю понятіе капитализаціи, совершенно независимо отъ его содержанія. Капитализація, нужная соціаль-демократамъ, характеризуется, какъ извѣстно, процессомъ отдѣленія непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства: только такая капитализація могла бы дать г. Рожкову право утверждать, что „законъ экономическаго развитія, выведенный Марксомъ, имѣетъ такое же значеніе для земледѣлія, какъ и для индустріи“, и что „будущій экономическій и соціальный строй подготовляется капиталистическимъ развитіемъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйства“. Но о такой капитализаціи земледѣлія, конечно, не можетъ быть и рѣчи, и всякая попытка сослаться въ подтвержденіе ея на цифры привела бы къ обратнымъ результатамъ. И вотъ г. Рожковъ „исключительно ясно выразившуюся“ въ Соед. Штатахъ капитализацію выводитъ изъ „ясно обозначившагося процесса интенсификаціи системъ земледѣлія“ и изъ приобрѣтенія мѣстными фермерами улучшеннаго инвентаря. (Эти утвержденія объ интенсификаціи и о „ростѣ цѣнности фермъ“ въ Соед. Штатахъ сами по себѣ совершенно не верны. Интересующихся отсылаемъ, напр.,

подлежитъ сомнѣнію, и тѣ иногда бываютъ склонны оперировать съ понятіемъ абсолютной ренты. Какое содержаніе вкладывается тутъ въ этотъ терминъ, взятый у Маркса, сказать трудно. Своей абсолютной рентой Марксъ, какъ извѣстно, хотѣлъ объяснить возможность арендныхъ отношеній въ тѣхъ случаяхъ, когда иныхъ источниковъ для уплаты аренды, кромѣ образующихъ его абсолютную ренту, не имѣется; и Марксъ сдѣлалъ совершенно фантастическое „предположеніе“, съ полной очевидностью опровергнутое фактами. Тѣмъ, кто не можетъ разстаться съ абсолютной рентой, не проще ли и не основательнѣе ли сдѣлать „предположеніе“, что Марксъ взялъ совершенно фиктивный и не существующій въ дѣйствительности случай арендныхъ отношеній? Абсолютная рента Маркса есть фикція, самый терминъ этотъ надлежитъ упразднить и это понятіе — изъять изъ обращенія.

Итакъ, самая солидная попытка найти источникъ земельной ренты въ особенностяхъ земледѣльческаго капитала должна быть признана совершенно неудачной. На аналогичной попыткѣ Родбертуса мы долго останавливаться не будемъ.

Прежде всего, какъ мы уже знаемъ, Родбертусъ предполагаетъ, что „мѣновая цѣнность каждаго законченнаго продукта и каждой части продукта равна затраченному на него

къ цитированной книгѣ Грея, гдѣ читатель найдетъ и прямыя поправки къ этимъ заявленіямъ г. Рожкова.) Въ другихъ странахъ такъ же „ясно выражается капитализація, сводящаяся къ ряду меліорацій, къ заведенію улучшенныхъ орудій и машинъ, къ выпискѣ улучшенныхъ сѣмянъ, и введенію интенсивныхъ системъ хозяйства и т. д.“ Такъ и будемъ знать теперь: если рѣшить общинный сходъ болото осушить или молотилку завести міромъ — это значить капитализація и „подготовленіе будущаго строя по закону, выведенному Марксомъ“; а самое капитализированное хозяйство — это, навѣрное, хозяйство мелкаго огородника, который вкладываетъ громадное количество своего личнаго труда въ свой клочекъ земли... Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ-быть, подозревать здѣсь недобросовѣстность г. Рожкова, было бы на самомъ дѣлѣ неосновательно: можетъ-быть, приватъ-доцентъ дѣйствительно не отдаетъ себѣ отчета въ тѣхъ терминахъ которые онъ употребляетъ. (См., Рожковъ, Къ агр. вопр.“ М. 1905. Всѣ цитаты стран. 8—10. Насчетъ абсолютной ренты — тамъ же, стран. 18—19.)

Труду; что не только готовые продукты, но и сырой и промышленный продукты, каждый въ отдѣльности, обмѣниваются сообразно этому затраченному труду; что такимъ образомъ, если сырой продуктъ стоилъ вдвое больше труда — непосредственнаго и потребленнаго въ орудіяхъ, — чѣмъ промышленный продуктъ, то онъ и стоитъ вдвое дороже. Соотвѣственно этому, по мнѣнію Родбертуса, на величину предпринимательскаго дохода „могли бы имѣть (положительное) вліяніе только тѣ части капитала, которыя заключаются въ орудіяхъ и въ заработной платѣ“, въ „посредственномъ и непосредственномъ“ трудѣ; „но такого вліянія,“ думаетъ Родбертусъ, „никогда не можетъ имѣть та часть капитала, которая заключается въ цѣнности матеріала, ибо эта послѣдняя никогда не можетъ имѣть вліянія на трудъ, затраченный на добавочный продуктъ промышленности, напр. трудъ на особый продуктъ въ видѣ пряжи или ткани, не можетъ опредѣляться, между прочимъ, трудомъ, затраченнымъ на шерсть, какъ сырой продуктъ“, — а между тѣмъ цѣнность сырого продукта, матеріала „фигурируетъ такъ же, какъ затрата капитала“, такъ что высчитывать доходъ предпріятія приходится и на сырой продуктъ, какъ на составную часть затраченнаго капитала. Такъ какъ „сельское хозяйство не нуждается въ продуктѣ какого-либо предшествовавшаго ему производства, какъ въ матеріалѣ, но вообще только начинается производство“, а количество посредственнаго и непосредственнаго труда, потребное для созданія и промышленнаго и „сырого“ продукта, въ среднемъ одинаково, то ясно, что норма доходности сельскаго хозяйства должна быть естественно выше таковой въ индустріи. Норма *прибыли на капиталъ* для всѣхъ отраслей хозяйства опредѣляется, по Родбертусу, нормой ея въ индустріи, „потому что въ промышленности доходъ съ имущества можетъ высчитываться только на капиталъ и не на что другое и, кромѣ того, въ промышленности прилагается гораздо большая часть національнаго капитала, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. Слѣдовательно, та часть земледѣльческаго дохода, „которая остается послѣ исчисленія прибыли на вложенный въ сель-

скомъ хозяйствѣ капиталъ, разсматривается (Родбертусомъ) какъ земельная рента¹⁾.

И этотъ выводъ относительно источника ренты въ самомъ сельскохозяйственномъ производствѣ также несостоятеленъ, ибо ни одна изъ предпосылокъ къ нему не имѣетъ подѣ собою фактической почвы. Во-первыхъ, если под� сырьемъ, под� матеріаломъ понимать — въ отличіе отъ орудій производства — такія дѣлимые вещества, каждая единица которыхъ потребляется въ хозяйственномъ процессѣ одновременно и безвозвратно, — то земледѣліе такъ же нуждается въ сырьѣ, въ продуктѣ предшествовавшаго производства, какъ и любая отрасль промышленности: сѣмена, удобреніе, кормовыя средства, деготь, веревки и т. п. — все это продукты предшествовавшаго производства, земледѣлія или индустріи, и все это невозможно отграничить отъ шерсти, льна, желѣза и т. п., какъ отъ сырья и матеріала для индустріальнаго производства. Далѣе, непонятно, почему „та часть капитала, которая заключается въ цѣнности матеріала, не можетъ имѣть вліянія на трудъ, затраченный на добавочный продуктъ промышленности“, т.-е. почему трудъ, затраченный на созданіе сырья, не входитъ въ составъ вновь созданнаго продукта, не увеличиваетъ его цѣнности и — съ точки зрѣнія Родбертуса — нормы доходности промышленнаго предпріятія? Если „изношенныя орудія опредѣляютъ количество посредственнаго труда“ и вмѣстѣ съ непосредственнымъ трудомъ „образуютъ цѣнность продукта“, — то какимъ же образомъ эта цѣнность можетъ находиться внѣ всякой зависимости отъ труда, овеществленнаго въ сырьѣ? Но если бы даже это и было правильно, то послѣ нашего перваго замѣчанія дѣлается непонятнымъ, почему шерсть нисколько не прибавляетъ цѣнности ткани, а сѣмена прибавляютъ цѣнности пшеницѣ, и почему норма доходности ткацкой фабрики должна высчитываться на весь затраченный капиталъ, а при исчисленіи нормы доходности сельскаго хозяйства расходы на сѣмена

¹⁾ См. К. Родбертусъ, „Къ освѣщенію соціальнаго вопроса“. Третье письмо къ Кирхману. С.-Пб. Изд. Глаголева. Всѣ цитаты см. стран. 144, 147, 149 и 150.

не должны приниматься въ расчетъ? Въ противномъ же случаѣ никакихъ излишковъ въ нормѣ дохода сельское хозяйство не получить. Затѣмъ, какъ извѣстно, совершенно неосновательно то предположеніе, что продукты обмѣниваются по ихъ трудовой стоимости, и что, слѣдовательно, прибавочный (неоплаченный) трудъ является вообще доходомъ предпринимателя: напротивъ, конкуренція сама создаетъ норму дохода въ каждой отрасли хозяйства, совершенно независимо отъ какого бы то ни было строенія капиталовъ. И наконецъ, при наличности этого послѣдняго условія, какимъ образомъ норма прибыли на капиталъ въ индустріи можетъ опредѣлять такую для земледѣлія? При наличности конкуренціи и капиталовъ, ищущихъ себѣ приложенія и прибылей гдѣ бы то ни было, нельзя, конечно, раздѣлять земледѣліе и индустрію на двѣ чуждыя другъ другу области, а наоборотъ, необходимо считать земледѣліе отраслью народнаго хозяйства, совершенно сходной съ любой отраслью промышленности, — съ точки зрѣнія капиталиста и въ смыслѣ помѣщенія въ нее капитала. А если такъ, то — будь все предположенія Родбертуса о высшей нормѣ доходности земледѣлія и правильны, капиталы опять-таки потекли бы въ сельское хозяйство, — до тѣхъ поръ, пока помѣщеніе капиталовъ въ земледѣліи было бы выгоднѣе, чѣмъ въ индустріи. Это опять-таки свело бы къ нулю какой бы то ни было излишекъ въ доходахъ сельскаго хозяина, по сравненію съ промышленникомъ, и сдѣлало бы земельную ренту такой же фикціей, какой является абсолютная рента Маркса. И это было бы тѣмъ болѣе — съ точки зрѣнія Родбертуса — легко и тѣмъ болѣе неизбежно, что къ „закону убывающаго плодородія почвы“ Родбертусъ относился отрицательно.

Надо замѣтить, что вообще Родбертусъ, какъ теоретикъ политической экономіи, является узловой станціей, — является необходимымъ этапомъ и базисомъ для дальнѣйшихъ построеній экономической науки, но ни въ какомъ вопросѣ Родбертусъ не является и не считается конечнымъ пунктомъ въ развитіи экономической мысли. Въ частности, теорія земельной ренты Родбертуса не пользуется популярностью, и намъ, напр., извѣ-

стенъ въ Россіи единственный послѣдователь ея — А. Сковрцовъ¹⁾. Однако, послѣдній не только не приводитъ въ пользу ея какихъ-либо новыхъ доводовъ и не углубляетъ старыхъ аргументовъ автора этой теоріи, но наоборотъ, ограничиваетъ даже положенія Родбертуса: между прочимъ, г. Сковрцовъ полагаетъ, что „въ земледѣліи норма прибавочной цѣнности въ среднемъ должна быть ниже, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности“, такъ какъ „земледѣлецъ можетъ въ гораздо болѣе рѣдкихъ случаяхъ примѣнять мертвые двигатели... и увеличивать норму прибавочной цѣнности“²⁾. Одно это уже должно было бы на-

¹⁾ Не слѣдуетъ путать г-на профессора А. Сковрцова съ извѣстнымъ социалдемократомъ П. Сковрцовымъ, — тѣмъ самымъ, который складывалъ рабочихъ людей съ рабочими днями, неудержимо стремясь доказать, что въ одномъ изъ уѣздовъ Евр. Россіи сельско-хозяйственные рабочіе, нанимаемые крестьянами—общинниками, составляютъ не меньше, какъ 75% всего населенія уѣзда.

²⁾ См. А. Сковрцовъ, „Основы экономики земледѣлія“, ч. II, С.-Пб. 1902, стран. 124—5 и 122. Утвержденіе г. Сковрцова о зависимости нормы прибавочной стоимости отъ состоянія техники производства, впрочемъ, совершенно невѣрно. Это положеніе г. Сковрцова развили И. Грей и положили въ основу своей теоріи, согласно которой норма доходности предпріятія (пока капиталъ еще не овладѣлъ данной отраслью вполне и конкуренція не уравнила норму ея доходности съ другими отраслями производства) тѣмъ выше, чѣмъ *выше* — въ противоположность Марксу — строеніе капитала. На основаніи этого И. Грей, принимая на вѣру опять-таки ошибочное „предположеніе“ Маркса о болѣе низкомъ строеніи земледѣльческаго капитала, заключалъ, что сельское хозяйство есть отрасль крайне малопродуктивная и потому непригодная для проникновенія въ нее капитала, для „капитализаціи“. Строеніе же капитала находится въ зависимости отъ того, насколько позволяетъ данная отрасль производства воспользоваться прогрессомъ техники: „чѣмъ большая есть возможность пользоваться машинами и вообще лучшими условіями производства, тѣмъ трудъ будетъ успѣшнѣе, тѣмъ большая получится экономія по сравненію съ общественно-нормальными условіями производства. Чѣмъ больше сбереженіе труда (при помощи машины и т. п.), тѣмъ больше будетъ сумма мѣншовой стоимости, вырабатываемой въ извѣстный періодъ времени, и тѣмъ меньшую долю въ общей стоимости произведеннаго продукта составитъ заработная плата, слѣдовательно тѣмъ большая доля продукта пойдетъ въ пользу капиталиста“. (См. И. Грей, стран. 40.) Все это разсужденіе, которое, будь оно правильнымъ, уничтожало бы одну изъ

нести въ глазахъ г. Скворцова рѣшительный ударъ защищаемой имъ теоріи: вѣдь болѣе низкая норма прибавочной цѣнности должна парализовать выгоды земледѣльца отъ отсутствія сырья въ его капиталѣ; впрочемъ, г. Скворцовъ думаетъ, что съ этимъ послѣднимъ утвержденіемъ Родбертуса объ отсутствіи сырья въ земледѣліи, „конечно, нельзя согласиться“, и дѣйствительно дальше онъ это утвержденіе самъ почти сводитъ на нѣтъ, чѣмъ и обнаруживаетъ, что теорію Родбертуса онъ защищаетъ только по недоразумѣнію.

И на самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что теорія Родбертуса, вся основанная на ложныхъ предположеніяхъ, должна быть признана архаической и раздѣлить участь своего корректива —

основъ теоріи Маркса, основано однако на ошибкѣ: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше можетъ употребляться въ производствѣ машинъ и всякихъ усовершенствованій, тѣмъ больше сбереженіе труда, и тѣмъ больше вырабатывается *продукта* въ данный періодъ времени, — *продукта*, но не мѣновой стоимости: послѣдняя, будучи овеществленнымъ рабочимъ временемъ, остается та же, и каждая единица продукта — съ прогрессомъ техники и съ повышеніемъ строенія капитала — заключаетъ въ себѣ все меньше и меньше мѣновой стоимости. Такъ какъ мѣновая стоимость въ конечномъ счетѣ оказываетъ вліяніе на рыночную цѣну, то прогрессъ техники выражается въ удешевленіи товаровъ. Слѣдовательно совершенство технического оборудованія предпріятія само по себѣ не окажетъ никакого вліянія на ту *долю* продукта, которая составитъ заработную плату, а окажетъ вліяніе на абсолютное *количество* этой доли продукта. И норма прибавочной стоимости нисколько не измѣнится, а въ пользу капиталиста пойдетъ лишь абсолютно большее количество единицъ продукта. Если, напр., рабочій элементарно необходимыми орудіями вырабатывалъ 10 единицъ продукта въ 1 день, а со введеніемъ совершенныхъ машинъ сталъ вырабатывать 1000 единицъ въ 1 день, то вѣдь это значить, что стоимость единицы продукта понизилась въ 100 разъ. Если раньше дневная заработная плата составляла 6 единицъ, а прибавочный продуктъ — 4 единицы, то развѣ теперь заработная плата также поглощаетъ 6 единицъ, а прибавочный трудъ сталъ равенъ 994 единицамъ? Нѣтъ, конечно, эти 6 единицъ теперь уже ничего не стоятъ, и если заработная плата не понизилась, то она равна теперь 600 единицамъ, а прибавочный продуктъ — 400. На самомъ дѣлѣ, на норму прибавочной стоимости оказываетъ вліяніе только соотношеніе между всѣмъ произведеннымъ продуктомъ и его *долей*, составляющей заработную плату, и совершенно не зависитъ отъ производительности труда, опредѣляемой уровнемъ техники.

абсолютной ренты Маркса. И эта вторая попытка найти источник земельной ренты в особенностях земледельческого капитала должна быть признана еще менее удачной, чем попытка автора „абсолютной ренты“.

Намъ представляется болѣе интересной гипотеза о происхожденіи и сущности земельной ренты, сдѣланная — увы! — буржуазными экономистами: Кэри, а потомъ повторенная Бастіа и уже отмѣченная нами выше. Бастіа видитъ въ земельной рентѣ прибыль землевладѣльца на капиталъ, затраченный имъ или его предками на приведеніе земли въ пригодный для эксплуатаціи видъ. С. Закъ своимъ единственнымъ аргументомъ, въ видѣ такъ понравившагося ему беллетристическаго примѣра¹⁾, не только не опровергаетъ гипотезы Бастіа, но насколько и не касается ее, говоря о предметѣ совершенно постороннемъ и доказывая то, противъ чего Бастіа вовсе и не сталъ бы спорить. С. Закъ доказываетъ, что всякій видъ постоянного капитала, напр. машина, есть дѣло рукъ человеческихъ, земля же есть даръ природы, и потому ее нельзя разсматривать какъ обыкновенный капиталъ. Это, собственно говоря, даже не требуетъ доказательствъ, развѣ только беллетристическихъ. Но что „нельзя разсматривать доходъ землевладѣльца какъ обыкновенную прибыль“, это С. Закъ доказалъ бы только тогда, когда бы показалъ, что землевладѣлецъ не затрачиваетъ никакого капитала — конечно, не на созданіе самой земли, не на „цѣлесообразное видоизмѣненіе“ вещества земли и не на „приданіе этому веществу полезной формы“, — а на созданіе такихъ условій, которыя для капиталиста сдѣлаютъ возможнымъ тотъ или иной видъ эксплуатаціи земли, какъ хозяйственнаго блага, созданнаго природою. Однако,

¹⁾ См. „Соціализація земли“ вып. I, стран. 117, а также С. Закъ, „Земля и капитализмъ“ 2-е изд., стран. 38, а также „Соціализмъ и аграрный вопросъ“, М. 1906, стран. 60. Примѣръ, долженствующій иллюстрировать, то, что, по мнѣнію С. Зака, совершенно упустилъ изъ виду одинъ изъ представителей школы Бастіа — Молинали, а именно, „что для того, чтобы можно было открыть капиталъ, онъ долженъ существовать до открытія“.

С. Закъ и не думаетъ доказывать, что для этой послѣдней цѣли не требуется никакихъ затратъ капитала: онъ говоритъ только, что и любой видъ капитала, созданнаго трудомъ, не можетъ быть использованъ непосредственно, а также требуетъ особыхъ затратъ на созданіе необходимыхъ для его использованія условій. Для того, чтобы можно было пустить въ ходъ машину, С. Закъ видитъ необходимость двоякихъ затратъ капитала: во-первыхъ, на созданіе самой машины и, во-вторыхъ, на „открытіе, занятіе и разработку ея“, т.-е. на отысканіе машины нуждающимся въ ней капиталистамъ, на перевозку ея и на установку; если бы какая либо комиссіонная фирма имѣла своей спеціальностью эти „открытіе, занятіе и разработку“, то она вѣдь получала бы дѣйствительно обыкновенную прибыль на затрачиваемый ею капиталъ. Земля не требуетъ затратъ капитала на ея созданіе, но Молиари, цитируемый С. Закомъ, въ значительной мѣрѣ правъ, когда говоритъ о необходимости предварительныхъ затратъ въ землю — на ея открытіе, занятіе и разработку, безъ чего ее не сможетъ использовать капиталистъ — сельскій хозяинъ, домовладѣлецъ и т. п. Если функціи занятія, открытія и разработки земли лежатъ на землевладѣльцѣ — частномъ лицѣ, компаніи или государствѣ — то землевладѣлецъ дѣйствительно является капиталистомъ или наслѣдникомъ капиталиста, получающимъ обыкновенную прибыль на затраченный капиталъ. И затраты капитала на созданіе условій, необходимыхъ для использованія земли подъ то или иное хозяйство, на самомъ дѣлѣ должны быть произведены землевладѣльцемъ: на совершенно не извѣданной землѣ, лишенной какихъ бы то ни было путей сообщенія, находящейся въ совершенно дикомъ состояніи и т. д., хозяйства вести нельзя. Вопросъ только въ томъ, дѣйствительно ли эти предварительныя затраты въ землю порождаютъ тотъ видъ дохода, который характеризуется какъ земельная рента? Дѣйствительно ли земельная рента есть не что иное, какъ прибыль на эти затраты капитала?

Признавая въ данномъ случаѣ за Бастиа и его послѣдователями солидную долю остроумія и наличность многихъ фак-

тических поводовъ для ихъ гипотезы о сущности земельной ренты, — мы должны, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса отнестись отрицательно и къ этой гипотезѣ: доходъ земельного собственника съ эксплуатируемой земли дѣйствительно во многихъ случаяхъ является прибылью на капиталъ, но, повидимому, у землевладѣльца, какъ такового, есть и особые доходы съ земли, помимо этой прибыли, и гипотеза Бастіа не считается какъ разъ съ наиболѣе характерными элементами и свойствами интересующей насъ экономической категоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего расходы по „разработкѣ“ земли, т.-е. расходы на выкорчеваніе, осушеніе, орошеніе и на другія меліораціи — не могутъ быть причислены къ необходимымъ расходамъ землевладѣльца, какъ такового: такіе расходы могутъ совершенно и никогда имъ не производиться; когда же земельный собственникъ производитъ подобные расходы, онъ здѣсь явно выступаетъ какъ предприниматель, и относительно сущности его дохода никакихъ сомнѣній быть не можетъ: это прибыль на затраченный имъ капиталъ, — въ той своей части, которая соотвѣтствуетъ обычной нормѣ прибыли. Такъ что неперемѣннымъ доходомъ землевладѣльца — съ точки зрѣнія разбираемой теоріи — должна быть прибыль на капиталъ, затраченный только на „открытіе“ и „занятіе“ земли, каковыя расходы можно считать — *mutatis mutandis* — необходимыми расходами земельного собственника. Но, во-первыхъ, на „открытіе“ и „занятіе“ земли капиталъ затрачивается одновременно, и, рано или поздно, онъ долженъ быть съ прибылью погашенъ. Во-вторыхъ, если земельная рента есть прибыль на этотъ капиталъ и не что иное, то необходимо должна наблюдаться обычная пропорціональность между доходами землевладѣльцевъ и капиталами, затраченными — либо ими самими, либо ихъ близкими или далекими предками — на „открытіе“ и „занятіе“ ихъ земли. Между тѣмъ дѣйствительность рѣзко противорѣчитъ всему этому. Капиталы, затраченные на „открытіе“ и „занятіе“ земель, не только не погашаются, но наоборотъ, приносятъ зачастую тѣмъ болѣе большой доходъ,

чѣмъ ранѣе они были затрачены, и во всякомъ случаѣ, какъ правило, капиталы, раньше затраченные на „занятіе“ и „открытіе“ земель, приносятъ большій доходъ, чѣмъ затраченные позже: стоитъ вспомнить, напр., доходы отъ земель въ новыхъ колоніяхъ и старыхъ метрополіяхъ. Упоминавшійся выше участокъ земли въ центрѣ г. Москвы былъ „открытъ“ и „занятъ“ уже въ началѣ XII вѣка, а можетъ, быть, и гораздо раньше; нѣкогда, недолго спустя послѣ „открытія“ и „занятія“, этотъ участокъ приносилъ грошовый доходъ, не большій, чѣмъ участокъ подъ любой сибирской деревней; черезъ 800 лѣтъ каждая квадратная сажень московскаго участка стала приносить, какъ мы видѣли, по 200 руб. ежегоднаго дохода; мыслима ли подобная „прибыль“ съ капитала, сравнительно недавно затраченнаго на „открытіе“ и „занятіе“ земель гдѣ-нибудь на островѣ Новой Зеландіи? — Или можетъ-быть, капиталъ, затраченный на „открытіе“ и „занятіе“ московскаго участка, былъ несравненно большій, нежели капиталы, затраченные съ тою же цѣлью въ сибирскихъ степяхъ, въ американскихъ пампасахъ, и въ австралійскихъ лѣсахъ? Ясно, что нѣтъ ни одного шанса — за это, и весьма многіе въ пользу противнаго. И кромѣ того, колебанія въ доходахъ отъ земли и постоянно наблюдаемая возрастанія этихъ доходовъ подѣ вліяніемъ такихъ факторовъ, какъ ростъ городовъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и т. п. — также никакимъ образомъ не могутъ быть объяснены возмѣщеніемъ сдѣланныхъ затратъ, ибо ни затраты капитала землевладѣльцами или ихъ предками, ни вообще какая бы то не было предпринимательская дѣятельность собственниковъ земли, при такого рода возрастаніи ихъ доходовъ, совершенно ни имѣютъ мѣста. На этихъ общеизвѣстныхъ фактахъ, рѣшительно протестующихъ противъ попытки буржуазной школы Бастіа отождествить доходъ землевладѣльца съ доходами капиталиста-предпринимателя, намъ останавливать нѣтъ нужды, именно въ виду ихъ общеизвѣстности.

Итакъ, мы должны признать, что доходъ землевладѣльца можетъ дѣйствительно, явиться результатомъ затратъ имъ капитала

въ какой бы то ни было формѣ, можетъ явиться предпринимательской прибылью, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно очевидно, что эта прибыль землевладѣльца получается (если получается) параллельно и независимо отъ особаго вида землевладѣльческаго дохода, управляемаго совершенно иными законами и иными факторами экономической жизни. Въ доходахъ землевладѣльца совершенно ясно присутствіе особой экономической категоріи, не подчиняющейся законамъ прибыли на капиталъ, — той экономической категоріи, которая и есть земельная рента, и источника которой не раскрыла ни одна изъ разобранныхъ въ этой главѣ теорій.

Но въ чемъ же, наконецъ, источникъ земельной ренты?

IV.

Источникъ и природы земельной ренты.

Природу и источникъ земельной ренты раскрылъ Давидъ Рикардо. Теорія ренты Рикардо, правда, не созданная имъ вполне самостоятельно, нуждается, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и комментаріяхъ, но не въ поправкахъ. Многочисленныя возраженія, которыя дѣлались противъ теоріи Рикардо и которыя мы вкратцѣ разберемъ ниже, надо въ громадномъ большинствѣ считать просто основанными на недоразумѣніяхъ; и всѣ попытки отыскать новые источники ренты, вмѣсто указаннаго Рикардо или на ряду съ нимъ, были вполне безплодны, ибо иныхъ источниковъ ренты (какъ особой экономической категоріи, а не какъ арендной платы въ нѣкоторыхъ случаяхъ арендныхъ отношеній) — не существуетъ.

Къ сожалѣнію, Рикардо, заложивъ безспорныя основанія теоріи ренты, не изслѣдуетъ съ достаточной систематичностью различныхъ условій и различныхъ факторовъ образованія ренты, различныхъ формъ ея проявленія, различныхъ причинъ ея роста и паденія. Изложеніе Рикардо представляетъ изъ себя скорѣе иллюстраціи, чѣмъ систематическую обосновку центральныхъ положеній автора, и для этихъ иллюстрацій онъ обращается то къ одной комбинаціи условій, то къ другой, отчего изложеніе его серіозно страдаетъ и даетъ поводы къ недоразумѣніямъ. Поэтому, не отступая ни на шагъ отъ основъ теоріи ренты Рикардо, мы позволимъ себѣ

очень кратко и лишь в той мѣрѣ, в какой это требуется для нашей практической цѣли — обосновать эту теорію, не придерживаясь плана изложенія ея автора.

Источникъ земельной ренты заключается въ различной производительности одинаковыхъ затратъ труда и капитала въ равновеликіе участки земли. Если не существуетъ никакой разницы въ производительности отдѣльныхъ частей капитала, вкладываемыхъ въ землю, то не можетъ существовать и никакой особой экономической категоріи, никакого особаго вида капиталистическаго дохода, помимо заработной платы и прибыли на капиталъ; но какъ только въ силу какой бы то ни было общественно-необходимой причины, связанной съ участіемъ въ хозяйствѣ земли¹⁾, возникаетъ разница въ доходахъ, получаемыхъ отъ приложенія къ единицѣ земли единицы труда и капитала, такъ неизбѣжно появляется новая категорія предпринимательскаго дохода — земельная рента, которая „постоянно возникаетъ вслѣдствіе употребленія большаго количества труда и относительно меньшею выручкою“. Что является причиной различной производительности прилагаемыхъ къ землѣ отдѣльныхъ частей капитала? И существуютъ ли дѣйствительно общественно-необходимыя причины этой разницы?

Существуютъ три общественно-необходимыхъ фактора, способныхъ породить разницу въ производительности равныхъ прилагаемыхъ къ землѣ частей капитала, а черезъ это, и земельную ренту: 1) естественныя свойства того участка земли, на которомъ расположено хозяйство, т.-е. богатство почвы, климатъ, условія орошенія и т. п.; 2) мѣсто расположенія земельного участка, въ смыслѣ стоимости доставки на рынокъ продуктовъ хозяйства, расположеннаго на данномъ участкѣ, или въ смыслѣ стоимости сношеній жителей, населяющихъ

¹⁾ Мы подчеркиваемъ, что подъ общественно-необходимыми причинами мы разумѣемъ, въ данномъ случаѣ, причины, по выраженію Маркса не зависящія отъ „случайностей процесса обращенія и... отъ капитала“ („Капиталъ“ III, 536—7), а зависящія отъ участія въ хозяйствѣ особаго фактора — земли.

участокъ, съ центрами ихъ тяготѣнія; 3) невозможность полученія равнаго количества продукта при послѣдовательномъ приложеніи къ одному и тому же участку земли равныхъ частей капитала. Всѣ эти факторы могутъ въ различныхъ условіяхъ дѣйствовать самостоятельно, и могутъ независимо другъ отъ друга, порождая разницу въ производительности труда и капитала, влагаемыхъ въ землю, вліять на образованіе ренты; но они могутъ дѣйствовать и совмѣстно, и взаимодѣйствіе различныхъ изъ указанныхъ факторовъ можетъ различно вліять на состояніе ренты, смотря по тому, увеличивается или уменьшается, или же совершенно парализуется въ силу этого взаимодѣйствія разница въ производительности влагаемыхъ въ землю затратъ.

Какъ же именно образуется земельная рента?

До тѣхъ поръ, пока потребность населенія въ продуктахъ земли можетъ быть вполне удовлетворена при помощи такихъ затратъ труда и капитала, которыя представляются населенію наиболѣе производительными, — до тѣхъ поръ земельной ренты не существуетъ: ибо — въ силу того, что безъ нужды никто не станетъ дѣлать менѣе производительныя затраты — всѣ затраты въ землю будутъ одинаково производительны. При ростѣ населенія и при увеличеніи потребности въ продуктахъ земли, населеніе принуждено дѣлать въ землю новыя затраты, уже не считаясь съ тѣмъ, что эти послѣдующія затраты могутъ оказаться менѣе производительными. Такъ, населеніе можетъ быть принуждено дѣлать новыя затраты въ такіе участки земли, которые въ силу своихъ естественныхъ — почвенныхъ и т. п. — свойствъ могутъ возмѣстить эти новыя затраты лишь меньшимъ количествомъ продукта¹⁾ по сравненію съ тѣмъ, которымъ возмѣщались старыя затраты на прежнихъ участкахъ. Или, быть можетъ, необходимо будетъ эксплуатировать такіе участки, которые по своимъ естественнымъ свойствамъ не отличаются отъ прежнихъ или въ данномъ отношеніи представляются лучшими, но отстаютъ дальше отъ

¹⁾ Конечно, — или какого-либо, напр., денежнаго его эквивалента.

мѣсть потребленія продуктовъ: равныя прежнимъ затраты капитала въ эти участки могутъ быть такъ же менѣ производительны, ибо часть капитала придется израсходовать на транспортъ, а значить, получить меньшее количество продукта. Или же представится необходимымъ сдѣлать новыя затраты въ старый участокъ земли, при чемъ при послѣдующей равновеликой затратѣ не удастся получить того же количества продукта, какое получено при первой затратѣ. Когда вновь вложенная въ единицу земли единица труда и капитала оказалась, въ силу какого-либо изъ трехъ указанныхъ факторовъ или въ результатѣ ихъ взаимодействія, менѣ производительной, чѣмъ прежнія соотвѣтствующія затраты, — то это значить, что прежнія затраты давали излишекъ продукта по сравненію со сдѣланной вновь: этотъ излишекъ продукта и будетъ земельной рентой съ тѣхъ земель, на которыхъ дѣлались эти болѣе производительныя затраты. Если бы по-чему-либо случилось, что послѣдующія затраты на новыхъ или на старыхъ участкахъ оказались болѣе производительными, чѣмъ первыя, то это ничего не измѣнило бы: земельную ренту давали бы все-таки болѣе производительныя, — теперь послѣдующія, — затраты, т.-е. рента все-таки получалась бы съ тѣхъ земель, на которыхъ эти затраты производятся.

При дальнѣйшемъ ростѣ населенія и потребностей въ продуктахъ земли, должны производиться дальнѣйшія и дальнѣйшія затраты въ землю: онѣ могутъ давать уже сравнительно ничтожное количество продукта съ равновеликихъ участковъ, но все-таки будутъ производиться, чтобы на какую бы то ни было величину увеличить количество продукта, необходимаго для населенія. Чѣмъ большая образуется разница между количествомъ продуктовъ, получаемыхъ отъ отдѣльныхъ затратъ въ землю труда и капитала, тѣмъ болѣе большой излишекъ продукта получается въ результатѣ каждой изъ болѣе производительныхъ затратъ по сравненію съ наименѣ производительной, т.-е. тѣмъ выше дѣлается земельная рента, которая получается все съ большаго и большаго количества

земель: ибо затраты на эти земли хотя могут давать прежнее количество продукта, но могут стать уже болѣе производительными, чѣмъ новыя затраты. Слѣдовательно, *земельная рента есть излишекъ продукта, получаемый въ результатъ каждой изъ болѣе производительныхъ затратъ единицы труда и капитала въ единицу земли по сравненію съ количествомъ продукта, полученнаго въ результатъ соответствующей наименѣе производительной затраты*¹⁾. Ясно, что земельная рента получается во всѣхъ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ дѣлаются болѣе производительныя затраты, и не получаютъ ренты тѣ хозяйства, въ которыхъ каждая часть капитала, вкладываемаго въ землю, даетъ одинаковое количество продукта и притомъ наименьшее изъ всѣхъ, получаемыхъ съ равновеликихъ участковъ при тѣхъ же затратахъ труда и капитала. Ясно, что въ зависимости отъ различныхъ условий рента можетъ получаться *съ каждаго* эксплуатируемаго участка, и напротивъ, можетъ не получаться съ самыхъ прекрасныхъ по своему естественному качеству и по своему расположенію земель.

Что вліяетъ на колебанія земельной ренты, на ея ростъ и паденія? Конечно, только то, что увеличиваетъ или уменьшаетъ разницу въ производительности отдѣльныхъ частей капитала, вкладываемаго въ земли. „Если бы можно было въ теченіе неопредѣленнаго времени употреблять капиталъ безъ уменьшенія выручки на старыхъ земляхъ, то рента вовсе не могла бы возрастать“... „Все, что уменьшаетъ неравенство между продуктами, полученными посредствомъ употребленія послѣдовательныхъ частей капитала на одномъ и томъ же или на новыхъ участкахъ земли, стремится понизить ренту, между тѣмъ какъ все, что увеличиваетъ это неравенство, необходимо производить противоположное дѣйствіе и стремится повысить ее“. „Въ числѣ многихъ причинъ, обуславливающихъ это „уменьшеніе неравенства между про-

¹⁾ По менѣ точной формулировкѣ Рикардо, „рента есть всегда разни- ца между продуктомъ, полученнымъ при употребленіи двухъ одинаковыхъ количествъ капитала и труда“.

дуктами“ и пониженіе ренты, наиболѣе важное значеніе имѣють: искусственныя мѣры, смягчающія или парализующія тѣ естественныя свойства земельныхъ участковъ, которыя дѣлають затраты на эти участки мало производительными,— поскольку, однако, капиталъ, затраченный на подобныя меліорациі, погашенъ съ соотвѣтствующимъ процентомъ; затѣмъ, удешевленіе транспорта, появленіе мѣстныхъ рынковъ, децентрализація городской жизни — внутри городовъ и между городами, изыятіе отдѣльныхъ (конечно, на практикѣ менѣе производительныхъ) частей капитала изъ данной отрасли хозяйства, подѣ влияніемъ уменьшенія потребности въ продуктѣ вообще, или, главнымъ образомъ, въ продуктѣ мѣстнаго производства, и т. п. На возрастаніе же земельной ренты, какъ на результатъ увеличенія „неравенства между продуктами“, полученными при одинаковыхъ затратахъ на равновеликихъ участкахъ, вліяють: дальнѣйшее приложеніе къ землѣ все менѣе производительныхъ частей капитала, централизація жизни, ростъ производительности труда — главнымъ образомъ, подѣ влияніемъ технического прогресса, — если, однако, этотъ ростъ производительности труда не влечетъ за собой упомянутое изыятіе капиталовъ изъ отрасли хозяйства, способное парализовать ростъ земельной ренты, — и т. д.¹⁾.

¹⁾ Предположимъ, что потребности въ продуктахъ земли заставили произвести три послѣдовательныя затраты въ землю, изъ которыхъ первая — въ 20 руб. дала 60 пуд. продукта, вторая — въ 20 руб. на томъ же участкѣ или на новомъ дала 40 пуд., а третья (также въ 20 руб. и такъ же безразлично на какомъ участкѣ), оказавшаяся наименѣе производительной изъ существующихъ, дала 20 пуд. Слѣдовательно первая часть капитала дала 40 пуд. земельной ренты, вторая — 20 пуд. третья же ренты не дала.

При прогрессѣ техники и ростѣ производительности труда *вдвое*, тѣ же затраты въ 20 руб. дадутъ на тѣхъ же участкахъ продукта 120 пуд., 80 пуд. и 40 пуд., при чемъ рента отъ 1-й затраты возрастетъ (такъ же вдвое) до 80 пуд. отъ 1-й (120—40), а отъ 2-й до 40 пуд. (80—40). Однако, если потребности населенія возрастуть только со 120 пуд. (60+40+20) до 200 пуд. (120+80), то при возросшей производительности труда

Сказаннаго достаточно для уясненія природы и источника земельной ренты *вообще*: приводить для иллюстраціи вышеизложеннаго элементарные цифровые расчеты здѣсь было бы, надо думать, излишне. Но подчеркнувъ снова, во избѣжаніе обычных недоразумѣній, что земельную ренту порождаетъ разница въ производительности влагаемыхъ въ землю отдѣльных частей *капитала* и *труда*, при чемъ совершенно безразлично, какой изъ трехъ указанныхъ факторовъ обусловливаетъ эту разницу, — подчеркнувъ снова этотъ источникъ земельной ренты *вообще*, мы должны посмотрѣть, какимъ образомъ рента нормально проявляется и какую роль она играетъ — въ частности — въ условіяхъ современнаго товарно-капиталистическаго строя? И какимъ образомъ земельная рента является особой категоріей капиталистическаго дохода?

Ростъ потребностей въ продуктахъ земли долженъ сопровождаться ростомъ ихъ производства и перетеканіемъ капиталовъ въ данную отрасль хозяйства. Однако, если послѣдующія затраты капитала въ землю неизбѣжно должны быть менѣе производительны, то перетеканіе капиталовъ въ землю будетъ затруднено, ростъ потребностей въ продуктахъ обогнать ихъ предложеніе и долженъ будетъ сопровождаться, въ условіяхъ товарно-капиталистическихъ отношеній, ростомъ цѣнъ на продукты земли. Этотъ ростъ цѣнъ, конечно, будетъ стихійнымъ, лежащимъ въ „естественномъ“ ходѣ вещей, и независящимъ ни въ какой степени отъ воздѣйствія предпринимателей или собственниковъ земли. Такое воздѣйствіе вообще вполне мыслимо и основанныя на немъ монопольныя цѣны наблюдаются нерѣдко въ дѣйствительности, напр., при установленіи хлѣбныхъ пошлинъ; но такого рода возрастаніе рыночныхъ цѣнъ, возможное въ любой отрасли производства, мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ не имѣющее ни малѣйшаго отношенія къ появленію и росту земельной ренты. Мы беремъ

третья затрата вовсе не будетъ производиться: а это значить, что вторая затрата не дастъ уже ренты, рента же отъ первой части капитала попрежнему будетъ равна 40 пуд. См. „Сочиненія Рикардо“, пер. Зибера стран. 40. Оттуда же и предыдущія цитаты.

тотъ случай, когда свободная конкуренція предпринимателей, наоборотъ, будетъ препятствовать росту цѣнъ выше цѣны производства продуктовъ, и тѣмъ не менѣе, въ силу неблагоприятнаго для потребителя соотношенія между спросомъ и предложениемъ продуктовъ, цѣны должны возрасти: ибо здѣсь общественно-необходимыми экономическими факторами былъ бы отрѣзанъ путь къ расширенію производства необходимыхъ продуктовъ, если бы рыночная цѣна каждой единицы этого продукта опредѣлялась цѣною производства при болѣе производительныхъ затратахъ въ землю. И только неизбежное и стихійное повышеніе цѣнъ поверхъ существующей цѣны производства дастъ возможность увеличить необходимое предложение продукта. До какого же уровня должны повыситься рыночныя цѣны? Конечно, до того уровня, чтобы послѣдняя затрата капитала дала предпринимателямъ обычную прибыль, — только тогда новыя затраты могутъ быть произведены и увеличить общее количество продукта. При дальнѣйшемъ превышеніи спроса надъ предложениемъ и при дальнѣйшемъ ростѣ цѣнъ явится возможность дальнѣйшихъ все менѣе производительныхъ затратъ; и эти затраты *непремѣнно будутъ производиться*, какъ только ростъ цѣнъ дастъ возможность получить нормальную прибыль на послѣднюю затраченную въ землю часть капитала: такъ что, съ одной стороны, всѣ болѣе производительныя затраты дадутъ сверхъ-прибыль, которая и явится здѣсь особой категоріей предпринимательскаго дохода; съ другой же стороны, наименѣе производительная, послѣдняя затрата дастъ одну только нормальную прибыль, такъ какъ, въ случаѣ полученія съ послѣдней части капитала дохода выше обычной нормы, въ землю будутъ вкладываться новыя части капитала, до тѣхъ поръ, пока послѣдняя часть не дастъ ничего кромѣ обычной прибыли. Такимъ образомъ, съ одной стороны, рыночныя цѣны будутъ опредѣлять возможность новыхъ затратъ капитала въ землю и регулировать высоту сверхъ-прибыли, т. е. земельной ренты; съ другой же стороны, цѣна производства продукта при наименѣе производительной затратѣ капитала будетъ „регулирующей“ рыночныя цѣны. Ясно,

что земельная рента, не входя въ цѣну производства продукта, не можетъ ни въ какой степени вліять на состояніе рыночныхъ цѣнъ, но сама всецѣло зависитъ отъ нихъ въ товарно-капиталистическихъ отношеніяхъ. Правда, мы уже видѣли, что на состояніе и ростъ земельной ренты вліяетъ не только вложеніе въ землю новыхъ и все менѣе производительныхъ частей капитала, но, напр., и ростъ производительности труда, подъ вліяніемъ технического прогресса, увеличиваетъ разницу въ выручкѣ отъ болѣе и менѣе производительныхъ частей капитала; слѣдовательно, земельная рента и рыночныя цѣны могутъ возрастать и падать непропорціонально, ростъ ренты можетъ далеко перегонять ростъ цѣнъ и можетъ наблюдаться при прежнемъ уровнѣ цѣнъ. Но колебанія послѣднихъ всегда окажутъ вліяніе на состояніе ренты, и говорить, что цѣны высоки или низки вслѣдствіе высокаго или низкаго уровня ренты, это равно утвержденію, что передвиженіе стрѣлки барометра порождаетъ дурную или хорошую погоду. Наоборотъ, въ товарно-капиталистическихъ отношеніяхъ, въ каждомъ хозяйствѣ, въ которомъ получается земельная рента, она берется изъ существующихъ рыночныхъ цѣнъ, каковыя естественный ходъ вещей и стихійно сложившіяся отношенія на рынкѣ сдѣлали выше цѣны производства въ данномъ хозяйствѣ. Земельная рента съ cadaго участка земли тутъ есть рыночная цѣна всего продукта, добытаго съ этого участка, минусъ цѣна производства этого продукта.

Однако, рыночныя цѣны выше цѣны производства — это монопольныя цѣны, и слѣдовательно, продукты земли въ современномъ строѣ продаются вообще, какъ правило, по монопольнымъ цѣнамъ. Какъ же связать это съ тѣмъ установленнымъ положеніемъ экономической науки, что продукты въ среднемъ продаются по цѣнамъ ихъ производства? И не правъ ли въ своей ироніи Левъ Бухъ, когда онъ говоритъ, что „было бы очень наивно ссылаться на возможность примѣненія подобнаго „исключенія“ къ разряду товаровъ, которые по своему количеству на рынкахъ подавляютъ всѣ остальные товары, т.-е. къ продуктамъ земледѣльче-

ской промышленности¹⁾? Конечно, если бы правильна была гипотеза Рикардо о томъ, что рыночныя цѣны вообще опредѣляются цѣною производства продукта при наихудшихъ условіяхъ, то цѣны на продукты земли были бы только блестящимъ подтвержденіемъ гипотезы Рикардо и не возбуждали бы никакого особаго вопроса. Но теперь эта гипотеза не заслуживаетъ даже серіознаго опроверженія. Всѣмъ извѣстно, что въ индустріи конкуренція должна сводить рыночныя цѣны къ цѣнамъ производства въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи²⁾, и что этотъ процессъ — въ виду прогресса техники и удешевленія производства въ лучше оборудованныхъ предпріятіяхъ — связанъ вообще съ пониженіемъ цѣнъ на продукты индустріи. Почему тѣ же процессы не опредѣляютъ рыночныхъ цѣнъ на продукты земли? Какая же существуетъ въ данномъ отношеніи принципиальная разница между условіями индустріи и сельскаго хозяйства?

Принципиальная разница та, что индустріальное производство не прикрѣплено къ тому или иному участку земли, и лишь въ самой ничтожной степени зависитъ вообще отъ естественныхъ условій. Силы природы не ставятъ никакихъ преградъ одинаковому развитію производительныхъ силъ во всѣхъ хозяйствахъ данной отрасли индустріи, въ результатѣ чего пропорціонально понижаются издержки производства, а свободная конкуренція понижаетъ и рыночныя цѣны. Напротивъ, въ сельскомъ хозяйствѣ рѣшающую роль играютъ естественныя условія и силы природы, и производство здѣсь неразрывно связано со свойствами земли вообще и со свойствами даннаго участка въ особенности, какъ въ смыслѣ природныхъ качествъ его, такъ и въ смыслѣ его мѣстоположенія. И здѣсь на пути свободного развитія производительныхъ силъ всей отрасли производства въ цѣломъ стоитъ земля, которая является, внѣшней, особой преградой для одинаковой производительности всѣхъ существующихъ сельскихъ хозяйствъ. Въ индустріи каждая одинаковая и одинаково

¹⁾ См. „Земля народу“, стран. 16.

²⁾ Разумѣется рѣчь идетъ лишь о существованіи таковой тенденціи.

приложенная часть капитала даетъ одинаковый продуктъ, въ сельскомъ хозяйствѣ—въ силу указаннаго фактора—послѣдовательныя приложенія равныхъ частей капитала будутъ всѣ менѣе производительны. Между тѣмъ продукты земли дѣйствительно должны подавлять по своему количеству всѣ остальные продукты: спросъ на продукты земли не можетъ ни въ какой степени отставать не только отъ роста населенія, но и отъ разносторонняго развитія его потребностей, ибо продукты земли представляютъ изъ себя не только предметъ первой необходимости для непосредственнаго потребленія, но и предметъ переработки индустрии. Процессъ сведенія рыночныхъ цѣнъ къ цѣнамъ производства въ каждомъ хозяйствѣ, наблюдаемый въ обрабатывающей промышленности, могъ бы имѣть мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ только тогда, когда и здѣсь наблюдалась бы тенденція къ уравниенію издержекъ производства во всѣхъ предпріятіяхъ отрасли посредствомъ конкуренціи и вытѣсненія менѣе производительныхъ хозяйствъ. Но именно такой тенденціи и не можетъ существовать въ сельскомъ хозяйствѣ, при наличности неопредолимаго внѣшняго фактора и при невозможности вытѣсненія менѣе производительныхъ затратъ капитала, которыя и производятся только въ силу настоятельной потребности въ нихъ. Напротивъ, чѣмъ больше идетъ здѣсь ростъ потребностей, тѣмъ — *ceteris paribus*—болѣе должна увеличиваться разница въ издержкахъ производства въ отдѣльныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ. Слѣдовательно, цѣны на продукты земли могли бы стоять, какъ и въ индустрии, на уровнѣ цѣны производства только тогда, когда были бы возможны существенныя и вполнѣ устойчивыя различія въ уровнѣ цѣнъ на одинъ и тотъ же продуктъ на одномъ и томъ же рынкѣ,—что однако, явно противорѣчитъ элементарной и безспорной истинѣ экономической науки; или же — тогда, когда прогрессъ агрономической науки и техники совершенно уничтожилъ бы значеніе естественныхъ условій для сельскаго хозяйства и необходимость — въ силу этихъ условій — менѣе производительныхъ приложений капитала: конкретно, — если бы агрономическая наука и

техника сдѣлала возможнымъ *безграничное и равно производительное* приложеніе отдѣльныхъ частей капитала къ одному и тому же участку земли (конечно, наилучшему во всѣхъ отношеніяхъ). Только тогда, при ростѣ потребностей, исчезла бы необходимость для цѣнъ роста выше существующихъ цѣнъ производства, чтобы сдѣлать возможной слѣдующую затрату капитала въ землю; тогда, при всѣхъ одинаково производительныхъ затратахъ, исчезла бы и земельная рента.

Законъ конкуренціи, конечно, существуетъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, и на существующія цѣны не могутъ не давить не только лучше оборудованныя и технически болѣе совершенныя хозяйства (подобно тому какъ въ индустріи), но и вообще всѣ тѣ хозяйства, въ которыхъ, — въ виду благоприятной комбинаціи указанныхъ выше факторовъ, влияющихъ на образованіе ренты, — затраты капитала являются болѣе производительными. Эти хозяйства, конечно, давятъ на цѣны и понижаютъ ихъ, но эта конкуренція только тогда имѣла бы тѣ же результаты, что и въ индустріи, только тогда свела бы цѣны къ цѣнамъ производства, когда конкурирующія, обладающія преимуществами (рентою) хозяйства могли вполне насытить рынокъ: иначе ихъ давленію на цѣны поставленъ исполнѣ опредѣленный предѣлъ, такъ какъ эти хозяйства не могутъ спускать цѣны ниже того, что имъ согласны платить потребители, а послѣдніе согласны дать этимъ хозяйствамъ сверхъ-прибыль, съ тѣмъ чтобы вызвать менѣе производительныя затраты и насыщеніе рынка. Поэтому, конкуренція хозяйствъ высокой ренты съ хозяйствами болѣе низкой ренты или съ вовсе не имѣющими ея не можетъ оказать никакого вліянія на высоту ренты, если продукты, получаемые отъ наименѣе производительныхъ затратъ, все еще нужны на рынокъ. Сдѣлать же эти продукты уже ненужными, конечно, не могутъ болѣе производительныя, обладающія болѣе рентою хозяйства, ибо предполагается, что каждое хозяйство развиваетъ свою производительность насколько это возможно¹⁾.

¹⁾ На уровень рыночныхъ цѣнъ и на высоту земельной ренты можетъ оказать вліяніе конкуренція тѣхъ районовъ и странъ, гдѣ рынокъ исполнѣ

Итакъ, мы видимъ, что основною земельной ренты въ товарно-капиталистическомъ строѣ являются монопольныя цѣны, но что эти монопольныя цѣны и земельная рента обуславливаются естественной экономической эволюціей и лежатъ въ приподъ существующихъ экономическихъ отношеній. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства монопольныя цѣны не суть привилегія всей отрасли хозяйства въ цѣломъ, и рента не свойственна одинаково каждому хозяйству данной отрасли. Рента есть монополія тѣхъ хозяйствъ, которыя имѣютъ возможность получать отъ земли большій продуктъ безъ болѣшихъ затратъ, и монополія тѣмъ большая для хозяйства, чѣмъ относительно производительнѣе могутъ быть въ немъ затраты капитала въ зависимости отъ свойствъ его земельного участка. Рента, слѣдовательно, получается въ хозяйствѣ въ результатѣ расположенія его на

насыщается продуктами, полученными отъ затратъ сравнительно весьма производительныхъ, и которые ввозомъ своихъ продуктовъ заставляютъ ввозящую страну изъять изъ сельскаго хозяйства менѣе производительныя части капитала. Тогда цѣна производства каждой потребляемой во ввозящей странѣ единицы продукта *въ среднемъ* понижается, рыночныя цѣны и земельная рента падаютъ. Все это мы видимъ въ результатѣ конкуренціи и привоза продуктовъ земли изъ экстенсивныхъ странъ и районовъ, и все это подтверждаетъ излагаемую теорію ренты. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, напр., потребности въ продуктахъ земли удовлетворяются вполнѣ путемъ приложенія къ единицѣ земли сравнительно немногихъ и весьма производительныхъ частей капитала, благодаря чему, несмотря на высокую оплату труда, цѣна производства тамъ сравнительно очень низка, и европейскія цѣны покрываютъ и цѣну производства и транспортъ продукта. Привозъ хлѣба изъ многоземельныхъ и экстенсивныхъ Соед. Штатовъ заставляетъ, напр., Англію извлекать наименѣе производительныя части капитала изъ земли, запускать поля и понижаетъ англійскую ренту. Совершенно исчезла бы рента въ Англіи или спустилась бы до ничтожныхъ размѣровъ американской ренты тогда, когда Америка вполнѣ насытила бы англійскій рынокъ и оставила бы тамъ въ землѣ лишь капиталы, равныя по производительности своимъ. Въ Соед. Штатахъ же рента незначительна именно потому, что ростъ потребностей, естественный ходъ вещей не заставилъ еще тамъ дѣлать въ землю затраты, значительно отличающіяся отъ первыхъ по своей производительности.

данномъ участкѣ, каковое и является монополіей хозяйства, такъ какъ количество земли, какъ объекта хозяйства, ограничено вообще, а даннаго качества — тѣмъ болѣе. Возможность веденія хозяйства на участкѣ, лучшемъ по своимъ естественнымъ свойствамъ, или на участкѣ, позволяющемъ меньше затрачивать на доставку продукта потребителю, является монополіей даннаго предпринимателя, его привилегіей: ибо его участокъ не только даетъ ему большій продуктъ (или эквивалентъ) съ меньшими затратами, но и позволить дѣлать въ ту же землю новыя, хотя бы и менѣе производительныя затраты, и извлечь изъ даннаго участка весь тотъ доходъ, который получается и въ каждомъ изъ менѣе благопріятно расположенныхъ хозяйствъ, до расположенныхъ на наихудшихъ участкахъ включительно. Монополія хозяйства, расположеннаго на данномъ участкѣ, и выразится въ полученіи имъ земельной ренты. Такъ, предположимъ, что цѣны на продукты земли возросли до того уровня, что затрата 1 руб. для добыванія 1 пуда продукта стала давать нормальную прибыль на капиталъ; на 1 дес. земли тогда будетъ затрачено 20 руб., если она даетъ 20 пуд.; если другой равновеликій участокъ при тѣхъ же затратахъ даетъ 60 пуд., то земельной рентой второго хозяйства будетъ прежде всего 40 пуд. или рублей; но второе хозяйство получить и доходъ каждаго изъ менѣе благопріятно расположенныхъ хозяйствъ: оно сдѣлаетъ новую затрату въ свой участокъ и, даже получивъ отъ новыхъ 20 руб. только 40 пуд. (вмѣсто 60-ти), оно извлечетъ изъ земли, помимо прибыли, еще 20 пуд. или рублей земельной ренты; разсчитавъ, что новая затрата 20 руб. въ тотъ же участокъ дастъ еще 20 пуд. продукта, предприниматель затратить въ землю еще 20 руб. и, получивъ 20 пуд. или рублей, ренты уже не получить, но получить нормальную прибыль; такимъ образомъ его участокъ даетъ ему возможность вложить въ землю 60 руб., и получить на нихъ обычный процентъ прибыли, а кромѣ того 60 пуд. или рублей земельной ренты, тогда какъ первый участокъ можетъ дать только прибыль на капиталъ въ 20 руб. Если

разница между двумя участками заключается не въ ихъ естественныхъ свойствахъ (первая затрата въ 20 руб. даетъ на обоихъ участкахъ по 60 пуд.), а въ большей стоимости доставки на рынокъ продуктовъ перваго участка (доставка съ него 20 пуд. стоитъ 40 руб. или пудовъ), то дѣло нисколько не мѣняется: во второмъ хозяйствѣ, которое не затрачиваетъ ничего на транспортъ, будетъ послѣдовательно сдѣлано 3 затраты по 20 руб., и получено также, кромѣ прибыли, 60 пуд. или рублей земельной ренты, въ первомъ же хозяйствѣ можетъ быть сдѣлана только одна затрата въ 20 руб., которая даетъ только нормальную прибыль.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду земледѣльческую ренту. Но и какое бы то ни было предпріятіе: жилой домъ, магазинъ, фабрика и т. п. — если ихъ мѣсто расположенія для нихъ не безразлично и если они могутъ извлечь *изъ него* экономическія выгоды по сравненію съ другими соотвѣтствующими предпріятіями, — также будутъ обладать монополіей и также будутъ давать земельную ренту. Если на продукты какой бы то ни было хозяйственной дѣятельности на однихъ участкахъ предъявляется населеніемъ болѣе шій спросъ, чѣмъ на тѣ же продукты, получаемые потребителемъ на другихъ участкахъ, — то веденіе хозяйства на первыхъ участкахъ будетъ также монополіей, и эти хозяйства также даютъ земельную ренту. Если, напр., спросъ на квартиры въ данной мѣстности почему-либо особенно великъ, между тѣмъ какъ размѣры участковъ постоянны, то цѣны на квартиры, построенныя на данномъ участкѣ при обычныхъ затратахъ, стихійно возрастутъ, и домовладѣлецъ получитъ земельную ренту. Или владѣлецъ магазина въ той мѣстности, гдѣ плотность населенія особенно велика (въ городѣ, въ центрѣ его), и куда обычно стекаются покупатели, также извлечетъ изъ своего предпріятія особыя выгоды, по сравненію съ владѣльцемъ магазина въ мѣстахъ меньшаго спроса на тѣ же товары (на окраинѣ города, въ деревнѣ): хозяйство перваго предпринимателя, въ силу его расположенія на опредѣленномъ участкѣ земли, также даетъ его владѣльцу особый доходъ —

земельную ренту. О рентѣ, получаемой съ земли подъ всякаго рода постройкими, намъ придется, впрочемъ, говорить подробнѣе дальше.

Мы разобрали вкратцѣ условія образованія и природу земельной ренты, какъ особой категоріи предпринимательскаго дохода въ современномъ экономическомъ строе. Мы знаемъ, что современные правовыя отношенія обычно закрѣпляютъ земельную ренту за собственникомъ земли. Въ условіяхъ капиталическаго хозяйства, при условіи отдѣленія предпринимателя-капиталиста отъ землевладѣльца, послѣдній стремится присвоить себѣ *всю* результаты болѣе производительныхъ затратъ капиталиста, оставивъ предпринимателю только необходимую нормальную прибыль на каждую часть капитала. При этомъ ясно, что никакой иной видъ дохода *отъ земли*, кромѣ разсмотрѣннаго, немислимъ въ чисто *капиталистическихъ* условіяхъ, и аренда такой земли, приложенія къ которой отдѣльных частей капитала будутъ одинаково и наименѣе производительны, здѣсь невозможна. Для насъ, однако, неважно въ данномъ случаѣ, кто именно присваиваетъ земельную ренту въ силу существующихъ правовыхъ отношеній: мы не задаемся здѣсь цѣлью агитаціи противъ института земельной собственности, а *ultra*-паразитизмъ земельныхъ собственниковъ, надо думать, не требуетъ особыхъ доказательствъ. Но для насъ важно отмѣтить и подчеркнуть, что земельная рента создается естественнымъ экономическимъ развитіемъ, — создается всей народной жизнью, *всѣмъ* народомъ въ *цѣломъ* и дѣятельностью и жизнью *каждаго* человѣка въ отдѣльности, ибо ни одинъ предприниматель и ни одинъ землевладѣлецъ, какъ таковые, ни въ какой степени не въ силахъ повліять на *всѣ* тѣ условія, отъ которыхъ зависятъ появленіе, ростъ и паденіе земельной ренты. И не менѣе важно помнить, что въ современномъ строе рента, какъ особый видъ денежнаго дохода, уплачивается капиталисту или землевладѣльцу ни *къ* какому иному, какъ потребителю.

Съ нѣкоторыми комментаріями и иллюстраціями, поясняю-

щими выше изложенное, мы встрѣтимся дальше, когда — попутно съ разборомъ возраженій, сдѣланныхъ различными экомистами противъ теоріи ренты Рикардо — мы бѣгло разсмотримъ различныя условія различныхъ проявленій земельной ренты, — поскольку это необходимо для нашей практической цѣли.

V.

Нѣкоторые комментаріи къ теоріи земельной ренты и разборъ возраженій.

Какія могутъ быть возраженія противъ изложенной теоріи ренты? Весьма многочисленные оппоненты Рикардо, съ одной стороны, направляютъ свои возраженія противъ *основъ* его теоріи ренты, съ другой же стороны, доказываютъ, что рента Рикардо, по выраженію С. Зака, „не оправдывается фактическимъ положеніемъ вещей“, т.-е. что, даже при правильности теоретическихъ предпосылокъ Рикардо, фактическое значеніе установленной имъ категоріи совершенно ничтожно.

Прежде всего, С. Заку, несмотря на многочисленные разъясненія, разошедшіяся и по популярнымъ брошюрамъ, все-таки кажется непонятнымъ, изъ какихъ источниковъ возьмется арендная плата за наихудшій участокъ земли¹⁾? Такъ какъ даромъ его не сдадутъ, то „очевидно, все, что даетъ теорія поземельной ренты Рикардо, это, во всякомъ случаѣ, лишь объясненіе, почему однѣ земли даютъ большую ренту, а другія меньшую, но не почему вообще существуетъ рента“²⁾: ибо С.Закъ полагаетъ, что, не будучи сданъ, наихудшій участокъ не можетъ быть эксплуатируемъ, и наихудшимъ изъ

¹⁾ Подъ наихудшимъ участкомъ С. Закъ здѣсь разумѣетъ такой, который не даетъ земельной ренты, какъ ее понимаетъ Рикардо. Вообще же мы знаемъ, что рента можетъ получиться со *всѣхъ* земель, эксплуатируемыхъ въ данный моментъ.

²⁾ См. „Соціализация земли“, вып. I, стран. 115.

эксплуатируемыхъ участковъ будетъ слѣдующій—лучшій; по Рикардо, этотъ послѣдній опять-таки не даетъ ренты, а по Заку, опять-таки не будетъ сданъ и эксплуатируемъ и т. д. Изъ этого С. Закъ и выводилъ, что наихудшій участокъ необходимо долженъ давать ренту и что одно основаніе признать теорію Рикардо несостоятельной уже есть.

На этомъ пунктѣ намъ останавливаться уже нѣтъ нужды. Мы видѣли, что Марксъ, исходя изъ тѣхъ же соображеній, что и С. Закъ, счелъ необходимымъ сдѣлать дополненіе къ теоріи Рикардо и предложилъ свою фиктивную „абсолютную ренту“, долженствующую объяснить возможность капиталистической аренды и наихудшихъ участковъ. Совершенно очевидно, что прежде, чѣмъ давать научное объясненіе тому или иному явленію, необходимо доказать, что таковое явленіе въ дѣйствительности существуетъ, — иначе научныя теоріи приобрьтаютъ видъ досужихъ фантазій. Въ данномъ случаѣ, С. Заку вмѣсто необходимости полученія ренты съ наихудшаго участка (мы видѣли, что взятая таковой рентѣ рѣшительно неоткуда) было бы гораздо естественнѣе сдѣлать иные выводы: или что наихудшій участокъ будетъ сданъ не давая ренты, или что, не будучи сданъ, онъ можетъ быть эксплуатируемъ. Первое вполне возможно и постоянно наблюдается внѣ чисто капиталистическихъ отношеній, т.-е. участокъ можетъ быть сданъ предпринимателю, способному обойтись безъ нормальной прибыли и выплатить аренду изъ своей прибыли на капиталъ и даже изъ заработной платы (трудовому крестьянину); или же участокъ можетъ быть эксплуатируемъ самимъ землевладѣльцемъ, какъ предпринимателемъ, при чемъ хозяйство можетъ дать только нормальную прибыль на капиталъ; или, наконецъ, можетъ быть случай, предусмотрѣнный Марксомъ, что наихудшіе участки будутъ сданы, какъ отдѣльныя полосы въ составѣ аренднаго участка, и фактически не будутъ оплачены и т. д.¹⁾ Если же С. Закомъ не будетъ предварительно доказано, что капиталистъ-предприниматель, которому необхо-

¹⁾ См. „Капиталъ“, III, стран. 619.

димо прибыль удержать у себя, имѣть особые источники для уплаты аренды за наихудшій участокъ (а этого, какъ видѣли мы изъ II и III главъ, ни С. Закъ ни кто другой не доказали), то ясно, — здѣсь нисколько не поколеблена теорія Рикардо, а, просто, взять немислимый случай аренды.

Затѣмъ, С. Закъ находитъ, что теорія Рикардо находится въ противорѣчii съ установленной (Марксомъ) теоріей цѣнности, и что Марксъ, повторяя Рикардо въ его ученіи о рентѣ, впадаетъ въ „жестокое противорѣчіе“ самъ съ собой. Такъ какъ цѣнность, по Марксу, опредѣляется общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, т.-е. временемъ, необходимымъ для созданія продукта при *среднихъ* общественныхъ и производственныхъ условіяхъ, то „только этотъ трудъ и долженъ опредѣлять цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ“, а въ такомъ случаѣ средняго качества участки не могутъ давать ренты, какъ ее понимаетъ Рикардо, — а могутъ ее давать „только участки съ землей качества выше средняго“, т.-е. рента Рикардо „должна быть разсматриваема... какъ исключительное явленіе“¹⁾.

Въ основѣ подобныхъ утвержденій, приводимыхъ С. Закомъ (опять-таки не въ одной его работѣ), лежитъ какая-то странная и необъяснимая... настойчивость. Сколько разъ писалось и повторялось, и сколько разъ специально комментировалась та элементарная истина, что общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ опредѣляется цѣнность или, лучше, *стоимость* продукта; а „цѣна производства товара, говоритъ Марксъ, никоимъ образомъ не тождественна съ его стоимостью, хотя цѣны производства товаровъ, взятыхъ въ совокупности, регулируются только ихъ общею стоимостью... Цѣна производства можетъ быть выше или ниже его стоимости, а совпасть съ нею можетъ только въ исключительныхъ случаяхъ“, и тотъ фактъ, что въ „среднемъ продукты обрабатывающей промышленности продаются по цѣнѣ ихъ производства, никоимъ образомъ не доказываетъ, что они продаются по ихъ

1) См. „Соц. Земли“, I, стран. 121.

стоимости“¹⁾. Рента же образуется въ результатѣ *превышенія рыночной цѣны продуктовъ земли надъ цѣной ихъ производства*. Во всемъ этомъ надо отдавать себѣ полный отчетъ, прежде чѣмъ опровергать теорію ренты Рикардо. Марксъ въ томъ же мѣстѣ замѣчаетъ, что „тотъ фактъ, что земледѣльческіе продукты продаются выше цѣны ихъ производства, никоимъ образомъ еще не доказываетъ, что они продаются *вмѣстѣ съ тѣмъ* выше ихъ стоимости“. Но ясно, что для образованія ренты не имѣетъ *никакого* значенія отношеніе цѣны производства къ стоимости, ибо рента получится *въ каждомъ* хозяйствѣ, гдѣ цѣна производства ниже рыночной цѣны; а такъ какъ послѣднее отношеніе является, согласно изложенному въ предыдущей главѣ, необходимымъ условіемъ для требуемаго рынкомъ расширенія производства, — то рента дѣйствительно получится со всѣхъ эксплуатируемыхъ участковъ земли, кромѣ наихудшихъ²⁾. Но этого мало. Только въ условіяхъ товарно-капиталистическаго хозяйства, въ условіяхъ хозяйства *вполнѣ* денатурализованнаго и капитализированнаго рента связывается съ высотой рыночныхъ цѣнъ; *логически же, принципиально* рынокъ и его условія не находятся ни въ какомъ отношеніи къ образованію, росту и паденію земельной ренты: логически, если бы цѣны на рынкѣ стояли въ 10 разъ ниже цѣны производства продукта при наиболѣе производительной затратѣ, а въ землю все-таки произвели бы 10 равновеликихъ затратъ съ послѣдовательно уменьшающейся производительностью, — то и тутъ 9 затраченныхъ въ землю частей капитала дали бы ренту, ибо рента есть всегда не что иное, какъ „разница между продуктомъ, полученнымъ отъ употребленія двухъ (или нѣсколькихъ) одинаковыхъ количествъ капитала и труда“. Излагать здѣсь подробнѣе разницу между цѣною и цѣпностью (стоимостью), съ цѣлью обнаружить „жестокіе“ недосмотры тѣхъ, кто упрекаетъ теорію Рикардо въ противорѣчіи основнымъ исти-

¹⁾ См. „Капиталъ“ III, стран. 625.

²⁾ Т.-е. кромѣ тѣхъ, затраты на которые капитала могутъ быть только одинаково и наименѣе производительными.

намъ экономической науки, мы не имѣемъ ни возможности, ни — надѣмся — надобности.

Такъ какъ насъ интересуютъ сейчасъ не работы отдѣльныхъ оппонентовъ Рикардо, а вообще существующіе и мыслимые доводы противъ его теоріи, — то мы въ планѣ нашего изложенія будемъ придерживаться именно характера этихъ доводовъ, независимо отъ ихъ авторовъ, и сейчасъ, оставивъ на время С. Зака, обратимся къ другимъ экономистамъ.

О Марксѣ надо сказать, что къ теоріи Рикардо онъ „въ третьемъ томѣ „Капитала“, въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ его имѣемъ, не прибавляетъ ничего, заслуживающаго вниманія“. Намъ приходится утверждать это, невзирая на всю ту ярость, съ какой обрушился Ленинъ за эти самыя слова на С. Булгакова. И чѣмъ энергичнѣе лирическія реплики Ленина, тѣмъ, конечно, мизернѣе доказательства по существу того положенія, что истинную теорію ренты создалъ Марксъ, а не Рикардо: ибо потому и лирика и сугубая развязность Ленина явились на сцену, что существенныхъ аргументовъ не хватаетъ. Для насъ, конечно, важно существо теоріи, и не такъ существенно, кто ее создалъ; но зачѣмъ же такая „без... без... безцеремонность“¹⁾ по отношенію къ истинѣ?

„Кто хоть съ капелькой вниманія читалъ третій томъ „Капитала“, тотъ не могъ не замѣтить того, въ высшей степени „заслуживающаго вниманія“ обстоятельства, что именно Марксъ освободилъ теорію дифференціальной ренты отъ всякой связи съ пресловутымъ „закономъ убывающаго плодородія почвы“. Марксъ показалъ, что для образованія дифференціальной ренты необходимъ и достаточенъ фактъ различной производительности различныхъ приложений капитала къ землѣ“, при чемъ безразлично, „совершается ли переходъ отъ лучшей земли къ худшей, или, наоборотъ, понижается ли производительность добавочныхъ вложеній капитала въ землю, или повышается“. Для того чтобы ознакомиться съ ученіемъ Маркса, надо про-

¹⁾ См. „Агр. вопросъ и „критики“ Маркса“. О. 1905. стр. 11. Слѣдующая цитата оттуда же.

честь *его* сочиненія, но для того чтобы знать, что онъ внесъ и что прибавилъ къ теоріи другого автора, надо хоть съ капелькой вниманія ознакомиться съ трудами послѣдняго. Если бы Ленинъ удѣлилъ эту капельку вниманія Рикардо, то онъ зналъ бы, что и Рикардо не связывалъ своей теоріи ренты съ „закономъ убывающаго плодородія почвы“, и, изслѣдуя *лишь формально* условія образованія ренты, онъ также считаетъ необходимымъ и достаточнымъ для образованія ренты только фактъ различной производительности вложенныхъ въ землю частей капитала, въ силу какого бы изъ перечисленныхъ нами выше факторовъ ни существовала эта разнища. Это мнѣніе Рикардо и послужило причиной того, что второй изъ (двухъ) социаль-демократическихъ столбовъ-аграрниковъ, П. Масловъ, впрочемъ, такъ же мало знакомый, конечно, съ работами Рикардо, считаетъ теорію послѣдняго „совершенно несостоятельной“ на основаніи какъ разъ противоположныхъ соображеній, — на основаніи того, что Рикардо слишкомъ пренебрегаетъ „закономъ убывающаго плодородія почвы“, тогда какъ Масловъ считаетъ необходимымъ положить эту — по выраженію Ленина — „бесодержательнѣйшую абстракцію“ въ основу теоріи ренты.

На самомъ дѣлѣ, у насъ нѣтъ никакихъ указаній на то, что паденіе производительности послѣдующихъ затратъ капитала на ту же землю Рикардо считалъ незыблемымъ закономъ или неотъемлемымъ особымъ свойствомъ земледѣлія; напротивъ, какъ то потомъ сдѣлалъ и Марксъ, Рикардо разсматривалъ это паденіе только какъ *возможный* случай и какъ одинъ изъ возможныхъ факторовъ образованія ренты. „Случается, и даже бываетъ обыкновенно, пишетъ Рикардо, что прежде, чѣмъ поступаютъ въ обработку (участки) № 2, 3, 4, 5 или почвы низшаго качества, капиталъ можетъ быть употребляемъ съ большею производительностью на тѣхъ участкахъ, которые уже состоятъ въ обработкѣ. *Можетъ оказаться*, что при удвоеніи первоначальнаго капитала, затраченнаго на № 1, продуктъ можно если не удвоить (первая затрата даетъ въ примѣръ Рикардо 100 кварталовъ), то довести до 85 кварт. Въ этомъ

случаѣ капиталъ (затраченный) на старомъ участкѣ также доставлялъ бы ренту... въ 15 кварт.¹⁾ Эта цитата и подчеркнутыя нами ея мѣста, повидимому, не должны оставлять сомнѣній — въ томъ какъ относился Рикардо къ „закону убывающаго плодородія почвы“, и требовалось ли „освободить“ его теорію отъ связи съ этимъ „закономъ“.

Отношеніе Рикардо къ „закону“ паденія производительности равныхъ затратъ на томъ же участкѣ земли надо признать вполне правильнымъ: не считая данное явленіе неустранимой особенностью земледѣлія, Рикардо считается съ нимъ, какъ съ существующимъ въ дѣйствительности въ современныхъ условіяхъ. Утверждать, что паденіе производительности затратъ на ту же землю обусловлено законами природы, что земля вообще не можетъ вознаграждать за послѣдующія затраты такъ же, какъ за одинаковыя предыдущія затраты на ту же площадь земли, — утверждать это можно не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ отрицать вообще возможность телефоннаго сообщенія между Европой и Америкой. Быть можетъ, maximum, что можно утверждать, — это „что плодородіе какой бы то ни было почвы, какъ говорить г. Скворцовъ, не можетъ возрастать безгранично“ и что, „наоборотъ, существуетъ абсолютный естественный предѣлъ производительности почвы“²⁾. Успѣхи агрономической науки и техники въ недалекомъ будущемъ могутъ позволить производить послѣдовательныя затраты равныхъ частей капитала на одинъ и тотъ же участокъ земли безъ какого бы то ни было уменьшенія продукта отъ каждой затраты, и тогда „убывающее плодородіе почвы дѣйствительно станетъ если не „безсодержательнѣйшей абстракціей“, то анахронизмомъ. Но до поры до времени, пока теорія и — что гораздо важнѣе — практика сельскаго хозяйства (въ смыслѣ популяризаціи и фактическаго использованія всѣхъ результатовъ прогресса) еще не достигли извѣстнаго уровня, — до тѣхъ поръ примѣнительно если не къ отдѣльнымъ хозяй-

1) См. Рикардо, „Сочиненія“, стран. 31—2.

2) См. А. Скворцовъ, „Основы экономики земледѣлія“, вып. II, стран. 116.

ствамъ, то къ національному земледѣлію каждой страны, приходится признавать существующимъ фактъ убывающаго плодородія земли, при послѣдовательныхъ затратахъ въ нее труда и капитала. Въ противномъ случаѣ было бы невозможно объяснить многихъ явленій современной хозяйственной жизни: такъ, былъ бы совершенно непонятенъ фактъ громаднаго „разсѣянiя“ земледѣлія и громадное развитіе міровой торговли продуктами земли. Почему, напр., Франція, съ ея прекрасными для земледѣлія естественными условіями и съ ея 46% земледѣльческаго населенія, ввозитъ хлѣбъ? Какимъ образомъ Америка, съ ея невиданной въ европейскихъ странахъ высотой заработной платы¹⁾ можетъ заваливать своимъ хлѣбомъ Европу, которая принуждена поддерживать свое земледѣліе искусственными мѣрами? Какъ объяснить, что въ *вывозящихъ* странахъ, какъ правило, урожай съ единицы земли гораздо *меньше*, чѣмъ въ странахъ *ввозящихъ*?²⁾ Всѣ эти, какъ и многіе другіе, парадоксальные факты явно свидѣтельствуютъ о томъ, что современные сельскіе хозяева, хотя бы во Франціи, не могутъ при современныхъ условіяхъ добывать со своей земли больше хлѣба, чѣмъ они добываютъ; что дальнѣйшія затраты въ землю, интенсификація хозяйства имъ при данныхъ условіяхъ невыгодны; что въ экстенсивномъ хозяйствѣ хлѣбъ дешевле, чѣмъ въ интенсивномъ, т.-е. что паденіе производительности послѣдующихъ затратъ на тѣ же участки — на лицо. То обстоятельство, что прогрессъ техники, наоборотъ, удешевляетъ производство хлѣба, и что цѣна производства хлѣба въ интенсивныхъ странахъ можетъ оказаться даже ниже, чѣмъ въ экстенсивныхъ (въ дѣйствительности этого, конечно, не наблю-

¹⁾ Заработная плата сельско-хозяйственному рабочему равняется въ день: въ Англіи 2 фр. 50 сант., во Франціи 2 фр. 21 сант., въ Пруссіи 1 фр. 80 сант., между тѣмъ, какъ въ Соед. Штатахъ Сѣв. Ам. — 4 фр. 70 сант. см. С. 3 а къ „Соціализмъ и аграрный вопросъ“ стран. 21.

²⁾ Въ 80-хъ годахъ на 1 гектаръ урожай пшеницы въ гектолитрахъ былъ: въ Великобританіи 26,0, въ Бельгіи — 22,0, въ Германіи — 17,8, во Франціи 15,6, между тѣмъ какъ въ вывозящихъ странахъ: въ С. Штатахъ — 10,5, въ Австраліи — 11,3, въ Россіи — 6,8. См. тамъ же.

дается), разумѣется, нисколько не противорѣчить сдѣланнымъ выводамъ, такъ какъ всѣмъ (кромѣ Ленина) понятно, что учесть на практикѣ вліяніе какого-либо фактора возможно, только изолируя его и принимая прочія условія равными: ибо если указывать на то, что цѣна производства пуда хлѣба въ экстенсивной Россіи, при работѣ первобытными орудіями, можетъ оказаться и не ниже, чѣмъ въ интенсивной Англіи, использовавшей всѣ завоеванія агрономической науки и техники, — то это будетъ, просто, повтореніемъ исторіи съ Каутскимъ, который для доказательства полной нежизненности и нераціональности мелкаго хозяйства сравнивалъ наихудшія крестьянскія хозяйства съ наилучшими помѣщичьими.

Рикардо въ своемъ изложеніи не ставитъ теорію ренты въ неразрывную связь съ фактомъ убывающаго плодородія земли при послѣдующихъ затратахъ. И Рикардо вполне правъ; — но *вполнѣ* правъ лишь постольку, поскольку онъ, какъ и Марксъ, рассматриваетъ только *формальныя* условія образованія, роста и паденія ренты, а не изслѣдуетъ матеріальныхъ условій и факторовъ, вліяющихъ на ренту. При разсмотрѣніи же той реальной обстановки, въ которой возникаетъ земельная рента, Рикардо (такъ же, какъ и Марксу) рѣшительно пришлось бы въ спорѣ между Масловымъ и Ленинымъ относительно факта паденія производительности послѣдующихъ затратъ въ ту же землю — стать на сторону Маслова.

Масловъ, по его словамъ, внесъ въ теорію ренты „нѣкоторыя свои положенія“. На самомъ дѣлѣ, положенія Маслова, вопреки его собственнымъ представленіямъ, не только не являются выдвинутыми *взятыхъ* положеній Рикардо, но и совершенно не могутъ быть приняты какъ коррективы къ изложенной рикардовской теоріи ренты. Однако, стоя вполне на точкѣ зрѣнія Рикардо, Масловъ успѣшно пытается въ одномъ пунктѣ конкретизировать его теорію. Къ теоретическимъ выводамъ Рикардо положенія Маслова ничего не прибавляютъ, но они выясняютъ въ одномъ пунктѣ конкретную обстановку и конкретныя условія дѣйствія его теоріи ренты. То, чему Рикардо (а за нимъ и Марксъ), въ иллюстраціяхъ къ своимъ чисто формаль-

нымъ построеніямъ, придаетъ значеніе возможности, — Масловъ, изслѣдуя конкретныя условія образованія ренты, выставяетъ какъ необходимый фактъ. Рикардо, въ цѣляхъ отмѣтить одинъ изъ (*безразличныхъ для него*) факторовъ, порождающихъ разницу между продуктомъ, получаемымъ отъ приложенія къ землѣ равныхъ частей капитала, пишетъ: „Случается, и даже обыкновенно бываетъ, что прежде, нежели поступаютъ въ обработку... почвы низшаго качества, капиталъ можетъ быть употребленъ съ большею производительностью на тѣхъ участкахъ, которые уже состоятъ въ обработкѣ“, — и тогда, заключаетъ Рикардо, рента получится вслѣдствіе различной производительности труда *на старомъ участкѣ*. Масловъ же, стремясь выяснитъ, при какихъ условіяхъ *на практикѣ* возникаетъ рента, и въ какой степени каждый изъ указанныхъ Рикардо факторовъ влияетъ на ея образованіе, констатируетъ: „если на участкѣ А при затратѣ 15 руб. получается 60 пуд. хлѣба, а на участкѣ В при той же затратѣ получается 30 пуд., то нѣтъ основанія *при какихъ бы то ни было* условіяхъ распахивать участокъ В, если новыя затраты на участкѣ А будутъ не менѣе производительны, чѣмъ первая затрата. Какой смыслъ обрабатывать худшую землю, когда на лучшую землю можно затратить новый капиталъ? Иными словами, по мнѣнію Маслова, — передъ изслѣдованіемъ законовъ ренты предполагается уже фактъ паденія производительности труда въ послѣдовательныхъ затратахъ капитала противъ первыхъ затратъ“¹⁾. Этотъ фактъ Масловъ считаетъ необходимымъ условіемъ для образованія ренты, такъ какъ только „при этомъ условіи для увеличенія производства хлѣба необходимъ переходъ къ другимъ, хотя бы и худшимъ участкамъ или къ менѣе производительнымъ затратамъ капитала“.

Эти комментаріи Маслова къ теоріи Рикардо представляютъ несомнѣнный интересъ и имѣютъ значеніе въ указанномъ нами смыслѣ. И съ положительной частью разсужденій Маслова можно было бы вполне согласиться, если бы онъ *принци-*

¹⁾ П. Масловъ, „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи“, С.-Пб. 1903, стр. 110.

ниально не связывалъ существованіе ренты съ фактомъ „убывающаго плодородія почвы“, если бы онъ не считалъ, что вообще безъ этого факта „земельной ренты не можетъ существовать, если бы онъ, умаляя и неправильно истолковывая значеніе остальныхъ факторовъ, не сводилъ все дѣло къ факту „убывающаго плодородія почвы“ и не утверждалъ, что источникомъ ренты служить „различіе производительности труда экстенсивнаго и интенсивнаго хозяйства“¹⁾. На самомъ дѣлѣ, для образованія ренты вообще фактъ „убывающаго плодородія земли“ такого универсальнаго значенія, конечно, не имѣетъ, и земельная рента въ однихъ случаяхъ можетъ появиться при отсутствіи паденія производительности затратъ на ту же землю, — въ другихъ случаяхъ она не появится при наличности одного этого фактора. Прежде всего, — Масловъ, разсуждая примѣнительно къ условіямъ капиталистическаго хозяйства, вдается въ абстракцію. Земельной ренты, конечно, не существовало бы, если бы приложеніе капитала къ наилучшему (или одинаковымъ-наилучшимъ) участку земли могло бы удовлетворять потребности всего населенія, независимо отъ разстоянія между мѣстами производства и потребленія продукта: тогда, если бы доставка продукта съ наилучшаго по своимъ естественнымъ свойствамъ участка на отдаленный рынокъ стоила дешевле, чѣмъ добавочная затрата на худшей, прилежащей къ этому рынку землѣ, — то этотъ рынокъ вполне насыщался бы не уменьшающейся производительностью наилучшей земли; если бы, наоборотъ, производство на наилучшемъ участкѣ плюсъ доставка на отдѣльный рынокъ стоили дороже, чѣмъ производство на худшей землѣ, — то рынокъ вполне насыщался бы затратами на этой землѣ, соединенной съ рынкомъ; тогда цѣны продукта на различныхъ рынкахъ были бы различны — соответственно цѣнамъ производства и транспорта, но послѣднія для всего продукта, обращающагося на данномъ рынкѣ, были бы одинаковы, и потому никакой ренты нигдѣ не получалось бы.

¹⁾ Тамъ же, стран. 123 и 106.

Все это такъ. Но для того, чтобы каждый рынокъ дѣйствительно вполнѣ насыщался продуктами *только одного* участка земли, необходимы два условія: во-первыхъ, такая организація транспорта, при которой колоссальное передвиженіе продуктовъ земли не встрѣчало бы ни малѣйшихъ затрудненій и задержекъ; и, во-вторыхъ, возможность для крайне ограниченного числа предпринимателей распоряжаться неограниченнымъ количествомъ капитала. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что для насыщенія каждаго крупнаго рынка продуктами земли посредствомъ дѣятельности одного или нѣсколькихъ хозяйствъ необходимо не только преодолѣть паденіе плодородія почвы при послѣдовательныхъ затратахъ, но и сконцентрировать въ этихъ хозяйствахъ громадныя количества капитала. Даже въ индустріальномъ производствѣ, совершенно не зависящемъ отъ силъ природы, мы не видимъ такой концентраціи капиталовъ, которая позволяла бы одному или нѣсколькимъ предпріятіямъ насыщать рынокъ даже продуктами второстепенной необходимости; мы говоримъ, что такая концентрація неизбежно повлечетъ за собою *Zusammenbruch*, и пока вмѣсто нея видимъ, какъ правило, весьма большую раздробленность и многочисленныя конкурирующія между собою предпріятія въ каждой отрасли индустріи. Въ сельскомъ же хозяйствѣ такая концентрація капиталовъ встрѣчаетъ въ данномъ случаѣ непреодолимыя препятствія: для выпуска одинаковаго количества цѣнностей здѣсь требуется вообще концентрація гораздо большая, чѣмъ въ индустріи, въ виду того, что земледѣльческій капиталъ въ климатѣ громаднаго большинства цивилизованныхъ странъ можетъ обернуться только одинъ разъ въ годъ; но главное то, что намъ нужна въ данномъ случаѣ не концентрація капитала вообще, а концентрація его *въ рукахъ тѣхъ предпринимателей, которые владеютъ* — на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ — *наилучшими участками*. Въ предѣлахъ капиталистическаго строя мы можемъ представить такое положеніе дѣлъ только въ абстракціи, и несомнѣнно, что оно возможно только при обобществленіи земли и при общественной организаціи производства. А если такъ, — если въ силу

несовершенства транспорта или въ силу отсутствія достаточнаго количества капитала въ рукахъ собственниковъ или пользователейъ наилучшихъ участковъ, — на одномъ и томъ же рынкѣ будутъ обращаться продукты различныхъ участковъ земли, отличающихся другъ отъ другъ по тѣмъ или инымъ своимъ качествамъ, то возникновеніе земельной ренты неизбежно даже и при неуменьшающейся производительности послѣдующихъ затратъ на ту же землю.

Съ другой стороны, наоборотъ, „разница производительности экстенсивнаго и интенсивнаго хозяйства“, т. е. различіе производительности послѣдующихъ затратъ на ту же землю, само по себѣ можетъ явиться совершенно недостаточнымъ факторомъ для образованія ренты. И этотъ случай намъ особенно важно отмѣтить, такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто въ условіяхъ трудового (и тѣмъ болѣе, поскольку оно не выноситъ продуктовъ на рынокъ) земледѣльческаго хозяйства: именно, такія условія мы будемъ имѣть послѣ социализаціи земли. Въ самомъ дѣлѣ, предприниматель-капиталистъ, не будучи совершенно заинтересованъ въ абсолютномъ количествѣ добываемыхъ въ его хозяйствѣ продуктовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо нуждаясь въ полученіи нормальной прибыли отъ каждой части своего капитала, — только тогда будетъ вкладывать въ хозяйство новыя части капитала, сверхъ безусловно необходимой для производства, когда каждая изъ этихъ частей даетъ ему должный процентъ прибыли; — иначе, онъ эти новыя части будетъ эксплуатировать другими способами. Слѣдовательно, каждая единица капитала должна представлять для капиталиста самостоятельное цѣлое, обязанное приносить ему соотвѣтствующій процентъ чистаго дохода. Между тѣмъ, когда предпринимателемъ является *рабочій*, то для него вопросъ о полученіи прибыли есть вопросъ о большей или меньшей заработной платѣ; и при неимѣніи иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ своего участка земли и своей рабочей силы, трудовой крестьянинъ, въ цѣляхъ увеличенія своего заработка, можетъ производить новыя затраты труда на свой участокъ не только тогда, когда эта добавочная затрата, взятая

въ отдѣльности, дать ему то же количество цѣнностей, какъ и первая его затрата, но и тогда, когда вообще его заработокъ увеличится пропорціонально его рабочему времени, а можетъ-быть, и еще раньше,—когда его средства къ существованію, благодаря этой новой затратѣ, увеличатся на какую-либо сумму. Правда, отчужденіе рабочей силы на сторону было бы иногда выгоднѣе соотвѣтствующей добавочной затраты въ землю, но для крестьянина, „привожденнаго“ къ своей землѣ и къ своему хозяйству, оно далеко не всегда выполнимо на практикѣ, и крестьянинъ на отдѣльныя части своихъ затратъ, вопреки капиталисту, можетъ смотрѣть какъ на нѣчто нераздѣльное, увеличивающее его средства къ существованію. Тѣмъ болѣе все это относится къ трудовому хозяйству, поскольку продукты потребляются въ немъ самомъ: здѣсь новыя затраты будутъ производиться (если только крестьянинъ обладаетъ рабочей силой, орудіями производства, достаточными знаніями и т. п.) неуклонно по мѣрѣ того, какъ увеличивается нужда въ данномъ продуктѣ. А если такъ, то въ трудовомъ хозяйствѣ и при уменьшающейся производительности послѣдующихъ затратъ никакой ренты отъ первыхъ затратъ не получится, и такого рода хозяйства будутъ обладать земельной рентой только тогда, когда ихъ земля будетъ соединять въ себѣ тѣ или иныя преимущества по сравненію съ другими землями. Пояснимъ все это примѣромъ.

Предположимъ, что предприниматель-капиталистъ, дѣлая на 1 дес. земли первую затрату въ 15 руб., получаетъ 60 пуд. хлѣба; производство 1 пуда хлѣба стоитъ ему 25 коп.; при нормѣ прибыли 4% онъ будетъ продавать 1 пудъ по 26 коп. Вторая затрата на ту же землю капитала въ 15 руб. можетъ дать добавочныхъ только 40 пуд., и при второй затратѣ 1 пудъ хлѣба обойдется предпринимателю въ 37½ коп.; чтобы получить тотъ же % прибыли на новые 15 руб., хлѣбъ необходимо продавать по 39 коп. пудъ, и капиталистъ сдѣлаетъ вторую затрату не раньше, чѣмъ цѣна хлѣба поднимется до 39 коп. Тогда, продавая весь хлѣбъ по одной цѣнѣ, по 39 коп. за пудъ, онъ получитъ: $39 \text{ коп.} \times (60 + 40) = 39 \text{ руб.}$; за

тративъ всего (15 + 15) руб., онъ долженъ получить на нихъ 4%, т.-е. 1 руб. 20 коп. прибыли, и, слѣдовательно, первая затрата 15 руб. дастъ ему 39 руб. — (30 р. + 1 р. 20 к.), т.-е. 7 руб. 80 коп. ренты.

Предположимъ теперь, что трудовой земледѣлецъ дѣлаетъ первую затрату на 1 дес. въ 15 руб. 60 коп., при чемъ постоянный капиталъ и заработная плата представляютъ здѣсь равныя части (по 7 руб. 80 коп.); слѣдовательно, получая отъ этой затраты тѣ же 60 пуд. хлѣба, крестьянинъ (— допустимъ въ виду техническихъ несовершенствъ его хозяйства, —) на добываніе пуда хлѣба затрачиваетъ больше капиталиста: именно по 26 коп. (15 р. 60 к. : 60). Будучи принужденъ отдавать прибыль ростовщику или капиталисту-торговцу, крестьянинъ продаетъ хлѣбъ по 26 коп., получая одну заработную плату въ размѣрѣ 7 руб. 80 коп. Когда трудовой земледѣлецъ можетъ сдѣлать новую затрату въ 15 руб. 60 коп., способную дать добавочныхъ 40 пуд.? Цѣны на хлѣбъ возрастутъ не сразу съ 26 до 39 коп., и крестьянинъ можетъ сдѣлать добавочную затрату, когда цѣны будутъ стоять на уровнѣ 31,2 коп. Правда, эта новая затрата дастъ ему только 12 руб. 48 коп. ($31,2 \times 40$), и если постоянная часть новаго капитала равна, попрежнему, 7 руб. 80 коп., то на заработную плату здѣсь останется только 4 руб. 68 коп. (12 р. 48 к. — 7 р. 80 к.); при такомъ уровнѣ цѣнъ крестьянину было бы выгоднѣе не дѣлать новой затраты, а употребить свою рабочую силу на иную работу, чтобы за отдѣльно взятое добавочное рабочее время получить прежнюю заработную плату (7 р. 80 к.), а всего ($31,2 \times 60$) — 7 р. 80 к. (постоянная часть капитала) + 7 руб. 80 коп. (новая заработная плата) = 18 руб. 72 коп.). Но для трудового земледѣльца такой сторонній заработокъ, дающій эквивалентъ земледѣльческаго труда при наиболѣе производительной затратѣ — есть дѣло случая, и крестьянинъ можетъ сдѣлать добавочную затрату въ землю, при цѣнахъ въ 31,2 коп., потому, что и тутъ его заработокъ увеличится соотвѣтственно съ рабочимъ временемъ, а именно *вдвое*: теперь онъ будетъ имѣть

100 пуд. хлѣба съ десятины, которые продать за 31 руб. 20 коп., и при прежнемъ соотношеніи между постоянной и переменнѣйшими частями капитала получить заработной платы 15 руб. 60 коп. И тогда никакой ренты въ данномъ хозяйствѣ не получится, ибо $31,2 \text{ к.} \times (60 + 40) = 31 \text{ руб. } 20 \text{ коп.}$, т.-е. (15 р. 60 к. + 15 р. 60 к.), т.-е. затраченному капиталу.— Все это тѣмъ болѣе относится къ тѣмъ случаямъ, когда крестьянинъ не продаетъ хлѣба¹⁾ и заинтересованъ непосредственно въ абсолютномъ количествѣ добываемаго хлѣба, или когда для крестьянина важно въ какой бы то ни было степени повысить свой заработокъ;— и эти случаи, надо думать, не нуждаются въ иллюстраціи.

Итакъ, мы видимъ, что класть фактъ „убывающаго плодородія почвы“, обычно наблюдаемый въ современной практикѣ сельскаго хозяйства, въ основу теоріи ренты вообще, какъ то дѣлаетъ Масловъ, было бы ошибочно. Но, повторяемъ, „положенія“ Маслова удачно связываютъ съ этимъ фактомъ конкретныя условія образованія ренты въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Масловъ только напрасно думаетъ, что его „положенія“ должны замѣнить собою или, по крайней мѣрѣ, явиться коррективомъ къ теоріи ренты Рикардо: на самомъ дѣлѣ, даже поскольку они вѣрны, они только комментируютъ и дополняютъ эту теорію, но совершенно ея не исключаютъ и не опровергаютъ.

Но вспомнимъ сдѣланное нами раньше замѣчаніе, что Карлъ Марксъ „не прибавляетъ ничего „заслуживающаго вниманія“ къ теоріи Рикардо. Пока, провѣряя, насколько основательно негодованіе Ленина, вызванное этими словами, мы видѣли, что Марксъ „освободилъ“ теорію Рикардо отъ того, отъ чего она всегда была вполнѣ свободна, или отъ чего не была свободна въ равной мѣрѣ теорія ренты самого Маркса²⁾. Кромѣ

1) Повторяемъ, намъ важно это потому, что послѣ социализаціи земли мы будемъ имѣть только трудовыя земледѣльческія хозяйства, въ которыхъ часть продукта будетъ, какъ правило, оставаться для собственнаго потребленія.

2) Марксъ, разбирая полифе Рикардо возможные случаи образованія

того, мы видѣли, что дополненіе къ теоріи Рикардо, сдѣланное Марксомъ въ видѣ теоріи абсолютной ренты, хотя, можетъ-быть, и заслуживаетъ вниманія, но не выдерживаетъ критики, и что, слѣдовательно, терминъ „дифференціальная“ рента, употреблявшійся Марксомъ (впрочемъ, еще раньше — Родбертусомъ) примѣнительно къ рентѣ Рикардо, — оказывается ненужнымъ. Далѣе, Ленинъ, въ приведенной нами выше цитатѣ, говоритъ слѣдующее: „для образованія дифференціальной ренты... совершенно несущественно, совершается ли переходъ отъ лучшей земли къ худшей, или — наоборотъ“ и т. д. Это дѣйствительно добавленіе Маркса, но именно добавленіе, не заслуживающее вниманія, ибо оно относится не къ самой теоріи Рикардо, а къ ея изложенію послѣднимъ. Рикардо твердо установилъ основанія своей теоріи: „земельная рента, „постоянно возникая вслѣдствіе употребленія большаго капитала съ относительно меньшею выручкою... есть всегда разниа между продуктами, получаемыми отъ приложенія къ землѣ равныхъ количествъ капитала“; и „все, что уменьшаетъ неравенство между продуктами, полученными отъ употребленія послѣдовательныхъ частей капитала на одномъ и томъ же или на разныхъ участкахъ, — понижаетъ ренту, — все, что увеличиваетъ эту разницу, повышаетъ ренту“.

Свое изложеніе Рикардо поясняетъ примѣрами, въ родѣ того, что при всякомъ увеличеніи населенія, побуждающемъ приниматься за земли низшаго плодородія, рента на всѣ болѣе плодородныя земли возрастаетъ“; или „какъ только населеніе возрастаетъ до той степени, что сдѣлается необходимымъ приступить къ обработкѣ № 2 (участка по качеству), то для № 1 возникаетъ рента“. Примѣры эти, въ общемъ, вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣлъ, ибо населеніе, естественно, должно стремиться сначала использовать такіе

ренды, на самомъ дѣлѣ больше Рикардо повиненъ въ признаніи „закона убывающаго плодородія почвы“: у Маркса въ III томѣ есть, напр., дѣлая глава 44-я о „дифференціальной рентѣ съ наихудшей земли“, — гдѣ рента можетъ образоваться только при условіи паденія производительности затратъ, т.-е. — въ силу 3-го изъ указанныхъ нами факторовъ.

участки, на которыхъ трудъ будетъ производительнѣе и только по мѣрѣ необходимости переходить къ эксплуатаціи участковъ, худшихъ въ томъ или иномъ отношеніи. Но только что приведенная общая формулировка Рикардо, кажется, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что самая послѣдовательность затратъ (отъ болѣе производительныхъ къ менѣе производительнымъ, или обратно) не имѣетъ никакого значенія для формальныхъ основъ теоріи ренты, создать которыя имѣлъ цѣлью Рикардо, и что приведенные примѣры суть только примѣры. Марксъ изслѣдуетъ условія образованія ренты точно такъ же, только съ формальной стороны, но приведенныя положенія Рикардо онъ иллюстрируетъ несравненно подробнѣе, приводя въ поясненіе cadaго случая образованія ренты особыя цифровыя таблицы. Рикардо взялъ примѣры, болѣе подходящіе къ дѣйствительности, а Марксъ, кромѣ того, и болѣе абстрактные. Эти примѣры Маркса, казалось бы, еще болѣе подкрѣпляютъ теорію Рикардо, согласно которой рента постоянно возникаетъ, лишь бы возникла разниа въ производительности послѣдовательно прилагаемыхъ къ землѣ частей капитала; примѣры Маркса просто разжевываютъ теорію Рикардо, — даже, пожалуй, съ излишней, утомительной подробностью; но Ленинъ, не удѣливъ Рикардо капельки своего вниманія, увѣряетъ, что Марксъ „съ полнѣйшей опредѣленностью разоблачилъ ошибку Рикардо“¹⁾. Такъ и Ленинъ могъ бы съ полнѣйшей опредѣленностью разоблачить, напр., ошибку нашихъ выводовъ, сдѣланныхъ на предыдущей страницѣ, на томъ основаніи, что хлѣбъ никогда не продается по 26 коп. пудъ.

Этотъ аргументъ — относительно возможнаго и въ дѣйствительности существовавшаго перехода отъ худшихъ земель къ лучшимъ — вообще весьма распространенъ. Даже Масловъ, считающій теорію Рикардо несостоятельной, призналъ, что этотъ аргументъ, будучи направленъ противъ теоріи Рикардо, „попа-

¹⁾ См. Ленинъ, цит. соч., стран. 11. А

даетъ мимо цѣли“, и на самомъ дѣлѣ, если онъ что-либо доказываетъ, то только абсолютное непониманіе теоріи Рикардо всѣми, кто этотъ аргументъ приводитъ. Еще раньше Маркса Кэри указывалъ на то, что фактически не всегда лучшія земли сначала поступаютъ въ обработку, а бывало — напр., въ практикѣ расселенія въ Америкѣ — и наоборотъ. С. Закъ съ удовольствіемъ повторяетъ это замѣчаніе Кэри, какъ неоспоримый доводъ противъ теоріи Рикардо, опровергающій „то изъ положеній Рикардо, по которому рента постоянно возрастаетъ“¹⁾. Однако, подобныхъ утвержденій Рикардо, насколько намъ извѣстно, никогда не дѣлалъ²⁾, такъ какъ вполнѣ допускалъ возможность паденія ренты; да и не утверждалъ никогда, что сначала всегда обрабатывались лучшія земли, а потомъ худшія, а если бы и утверждалъ это, то это означало бы только, что Рикардо взялъ для иллюстраціи своихъ положеній примѣръ, не соотвѣтствующій дѣйствительности, — не больше: ибо на существо окончательныхъ выводовъ Рикардо, это, какъ мы знаемъ, нисколько не повліяло бы, такъ же, какъ нисколько не измѣнились бы выводы, сдѣланные нами изъ приведенныхъ выше цифровыхъ расчетовъ, если бы мы предположили, что 15 руб., затраченные на десятину земли, даютъ не 60 пуд., а 60 тысячъ пудовъ, и т. д. Кромѣ того, чтò значить этотъ переходъ отъ „худшихъ земель къ лучшимъ“? „Кэри устанавливаетъ, говоритъ С. Закъ, что подѣ обработку первоначально занимаются не лучшія земли, а худшія, такъ какъ худшія земли легко поддаются культурѣ и требуютъ наименьшихъ затратъ“ (!). Лучшія земли, слѣдовательно, не тѣ, которыя вознаграждаютъ бѣльшимъ продуктомъ за меньшій трудъ, а повидимому, тѣ, которыя... больше нравятся С. Заку или Кэри, или какому-либо иному экономисту. Ясно, что Кэри, со своими американскими поселенцами, не доказываетъ даже и того, что въ отдѣльныхъ случаяхъ подѣ обработку первоначально шли худшія земли;

¹⁾ См. „Соціализація земли“, I, стран. 115.

²⁾ Такое утвержденіе сдѣлалъ Адамъ Смитъ, да и то условно: по отношенію къ землямъ, занятымъ посѣвомъ хлѣбовъ.

но наоборотъ, такъ какъ „американскіе поселенцы прежде всего обрабатывали возвышенныя мѣста, гдѣ почва хотя менѣе плодородна, но зато болѣе удобна для обработки“, то Рикардо съ успѣхомъ могъ бы воспользоваться этимъ конкретнымъ примѣромъ для своихъ иллюстрацій возникновенія ренты при переходѣ отъ лучшихъ земель къ худшимъ, т.-е. отъ болѣе производительныхъ затратъ къ менѣе производительнымъ.

Вопросъ о томъ, въ какой послѣдовательности подвергались обработкѣ различныя земли, мы видимъ, вообще нисколько не связанъ съ теоріей Рикардо; лучшими же землями Рикардо, какъ видно изъ всѣхъ его разсужденій, могъ считать только такія земли, которыя вообще даютъ болѣе большой продуктъ съ меньшими затратами. Если же нѣкоторые экономисты понимаютъ подъ лучшими землями земли, превосходящія другія по своимъ естественнымъ свойствамъ, или даже такія земли, которыя — въ частности — способны дать болѣе большой продуктъ независимо отъ затратъ¹⁾, — то при уясненіи теоріи ренты Рикардо это можетъ повести къ путаницѣ и даже къ довольно куріознымъ недоразумѣніямъ. Такъ, Родбертусъ, который подобно Кэри опровергалъ теорію Рикардо указаніями на то, что зачастую худшія земли обрабатывались раньше лучшихъ, понимаетъ подъ лучшей землей — болѣе плодородную и пишетъ: „я утверждаю, что очень часто оказывалось физически и экономически невозможнымъ культивировать раньше самую плодородную землю“. Въ числѣ примѣровъ Родбертусъ приводитъ слѣдующіе: „нерѣдко случалось, что первоначально наибольшая и плодороднѣйшая часть владѣнія лежала въ такомъ отдаленіи отъ двора или деревни, что его обработка оказывалась невозможной“; или: „Адамъ Бременскій съ большою точностью описываетъ положеніе померанскаго города Деммина при устьѣ Пены, между тѣмъ какъ въ настоящее время этотъ городъ

¹⁾ Напр., земли „богатыя и тяжелыя, но неплодородныя въ данный моментъ“, когда „слѣдуетъ ожидать, что приложеніе большаго капитала вызоветъ въ ней большее повышеніе плодородія, чѣмъ такое же приложеніе капитала на болѣе легкой и въ данный моментъ болѣе плодородной почвѣ“. См. Скворцовъ, цит. соч., стран. 116.

лежить, правда, у Пены, но въ 8 миляхъ отъ ея устья... эта мѣстность въ XII вѣкѣ была еще покрыта моремъ, между тѣмъ какъ теперь на ней раскинуты богатѣйшія хлѣбныя поля¹⁾. Если бы даже теорія ренты Рикардо необходимо предполагала переходъ отъ болѣе производительныхъ затратъ къ менѣе производительнымъ, то даже и тогда неужели приведенные примѣры опровергали бы эту теорію? Неужели эта теорія только въ томъ случаѣ могла бы считаться правильной, если бы населеніе Помераніи съ XII вѣка приступило къ обработкѣ теперешнихъ „богатѣйшихъ хлѣбныхъ полей“, осушивъ предварительно море? Неужели нуждается въ комментаріяхъ тотъ фактъ, что для населенія Помераніи XII вѣка эти поля не только не представлялись наилучшими условіями для приложенія ихъ труда, но какъ экономическое благо равнялись нулю, какъ и всякій иной мыслимый объектъ хозяйства, но „физически“ недоступный населенію? И все-таки до сихъ поръ иные экономисты въ подобныхъ словесныхъ упражненіяхъ видятъ доводы противъ теоріи Рикардо.

Далѣе, Рикардо нерѣдко навязываютъ, будто бы источникомъ ренты онъ считалъ различіе плодородія земли и не что иное. Тотъ же Масловъ объявилъ теорію Рикардо „несостоятельной“ именно за то, что будто бы „Рикардо видѣлъ въ различіи плодородія участковъ не различіе производительности *труда* на нихъ, а различіе естественной производительности почвы“²⁾. Откуда могли взяться подобныя утвержденія? У Рикардо, правда, есть фраза, гдѣ земельную ренту онъ называетъ доходомъ, получаемымъ въ результатъ „первоначальныхъ и неистощимыхъ свойствъ земли“; но здѣсь же Рикардо вполне опредѣленно поясняетъ, что таковымъ доходомъ земельная рента должна считаться въ отличіе отъ иныхъ доходовъ землевладѣльца: плата за пользованіе постройками или плата за сдѣланные на землѣ улучшенія не можетъ считаться рентой. И кромѣ того, изъ всѣхъ выше приведен-

¹⁾ См. Родбертусъ, „Къ освѣщенію соціального вопроса“, вып. I., стран. 233 и 240.

²⁾ См. Масловъ, цит. соч., стран. 114 и 106. Курсивъ Маслова.

ныхъ цитатъ изъ Рикардо явствуетъ, что эти первоначальныя и неистощимыя свойства земли являются основой для образованія ренты постольку, поскольку они дѣлають трудъ на данной землѣ болѣе производительнымъ, чѣмъ на другихъ земляхъ, или поскольку эти свойства земли порождаютъ большую производительность однѣхъ затратъ по сравненію съ другими затратами на той же землѣ. Изъ приведенныхъ цитатъ это видно настолько ясно, что мы не будемъ сейчасъ останавливаться на доказательствахъ того, что Рикардо не давалъ ни малѣйшихъ поводовъ къ указанному вульгарному пониманію его теоріи. Между тѣмъ на такое пониманіе весьма часто сбиваются многіе писатели, и въ безчисленныхъ изложеніяхъ теоріи Рикардо постоянно можно встрѣтить утвержденія, что источникомъ ренты Рикардо считалъ не что иное, какъ различіе въ естественной производительности, плодородіи, богатствѣ почвы; а потомъ эти авторы, какъ водится, и опровергаютъ Рикардо, не давъ себѣ труда усвоить его теорію. Впрочемъ, что касается Маслова, то здѣсь едва ли можно констатировать недостаточное пониманіе Рикардо; здѣсь, повидимому, совсѣмъ не нечаянно и не случайно одно понятіе подмѣняется другимъ: столь рѣшительное подчеркиваніе Масловымъ того, что Рикардо вовсе не въ различіи производительности труда видѣлъ источникъ ренты, обнаруживаетъ явное незнакомство и даже какое-то демонстративное нежеланіе познакомиться съ ученіемъ Рикардо, и, не будь Масловъ социаль-демократомъ, такая его рѣшительность требовала бы особыхъ объясненій. Но вотъ г. Сковрцовъ, несомнѣнно, читалъ Рикардо, — однако и онъ пытается опровергнуть его теорію, между прочимъ, указаніемъ на то, что „сравненіе производительности разныхъ видовъ почвъ становится уже совершенно немыслимо; никто, вѣдь, не рѣшится, — восклицаетъ г. Сковрцовъ, — ствѣтить на вопросъ: какую почву слѣдуетъ считать болѣе производительной: ту ли, которая даетъ 100 пуд. пшеницы, или ту, которая даетъ 120 пуд. ржи съ десятины, или 1000 пуд. свекловицы?“¹⁾ Положеніе,

¹⁾ См. Сковрцовъ, цит. соч., стран. 116—117.

конечно, очень затруднительное, особенно если — подобно г-ну профессору — оставить совершенно без вниманія стоимость производства каждого из этих продуктовъ и забыть о существованіи въ современномъ строѣ товара, который на рынкѣ отлично уравниваетъ мажду собою опредѣленные количества пшеницы, ржи и свекловицы; и исчисленіе затратъ и выручекъ на каждой десятинѣ¹⁾ даетъ возможность опредѣлить съ каждого участка и земельную ренту. Но послѣдняго можно достигъ и при условіи потребленія всѣхъ упомянутыхъ продуктовъ на мѣстѣ, не вынося ихъ на рынокъ: принявъ во вниманіе стоимость производства единицы ржи и пшеницы, можно уравнивать эти продукты на основаніи ихъ потребительныхъ достоинствъ²⁾, что же касается свеклы (кормовой), то она должна считаться не чѣмъ инымъ, какъ средствомъ дальнѣйшаго производства ржи и пшеницы, и стоимость производства свеклы должна входить въ стоимость производства продовольственныхъ хлѣбовъ, потребляемыхъ въ хозяйствѣ. Если же сравнивать „производительность земли“, эксплуатируемой различными способами внѣ всякой зависимости отъ прилагаемаго къ землѣ труда, — то это будетъ трудъ, конечно, абсолютно непроизводительный, но... при чемъ тутъ Рикардо? Также и С. Закъ пишетъ, что, по Рикардо, „ренту образуетъ разница между плодородіемъ лучшихъ участковъ и худшихъ“; такъ же понималъ и излагалъ теорію Рикардо и фонъ Кирхманъ, котораго, впрочемъ, въ данномъ случаѣ рѣшительно поправилъ Родбертусъ. „Разница въ естественной силѣ почвы не есть „базисъ“ теоріи поземельной ренты Рикардо“, пишетъ Родбертусъ; особенностью рикардовской теоріи „является

¹⁾ Конечно, принимая во вниманіе, что каждая десятина эксплуатируется наиболѣе рациональнымъ въ данномъ случаѣ способомъ, т.-е., что предприниматель сдѣлалъ все возможное, чтобы получить большій продуктъ (или эквивалентъ) съ меньшими затратами: иначе политическая экономія вообще безсильна установить какіе-либо законы хозяйственныхъ отношеній.

²⁾ Относительныя потребительныя достоинства, напр., ржи и пшеницы по вычисленію д-ра Künig'a равны 100:103.

положеніе, что поземельная рента состоитъ *только въ большемъ* чистомъ доходѣ, *только въ большей* прибыли (Mehrgewinn), которую даетъ капиталъ, вложенный въ производство сырья при болѣе благопріятныхъ условіяхъ производства, по сравненію съ капиталомъ, приложеннымъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но необходимымъ еще для покрытія потребности“; ... „сущность теоріи Рикардо и заключается исключительно въ этомъ положеніи, а не въ различіи естественнаго плодородія почвы“¹⁾. — Формулировка положеній Рикардо, безусловно, правильная.

Таковы недоразумѣнія, скопившіяся вокругъ теоретическихъ основъ рикардовской теоріи ренты. Но есть другая сторона дѣла. Иные, независимо отъ своего отношенія къ этимъ теоретическимъ основамъ, утверждаютъ, что на практикѣ значеніе ренты, какъ понимаетъ ее Рикардо, должно быть ничтожнымъ, что рента не можетъ „составить самостоятельнаго вида національнаго дохода“, а съ прогрессомъ народнаго хозяйства и совершенно „аннулируется“. Съ такимъ мнѣніемъ также нельзя согласиться.

Прежде всего указываютъ на то, что различіе въ естественныхъ качествахъ земли, которое является, по Рикардо, однимъ изъ факторовъ, влекущихъ за собой образованіе ренты, есть явленіе устранимое и устраняемое. Особенно охотно указываютъ на это тѣ, кто приписываетъ Рикардо взглядъ на различіе плодородія земли, какъ на источникъ ренты. Напр. Масловъ, не желая уступать въ глубокомысліи профессору Скворцову, пишетъ: „различіе въ плодородіи различныхъ участковъ земли хотя и бываетъ довольно значительно, но зависитъ въ гораздо большей степени отъ характера интенсивности обработки, чѣмъ отъ почвенныхъ условій“²⁾. И въ доказательство того, что почвенныя, климатическія и т. п. условія не могутъ существенно повліять на ренту, Масловъ указываетъ, что въ Россіи урожаи получаются выше въ не-

¹⁾ См. Родбертусъ, цит. соч., стр. 79—90.

²⁾ См. Масловъ, цит. соч., стр. 107.

черноземной полосѣ съ болѣе интенсивной обработкой. Итакъ, естественныя условія для сельскаго хозяйства безразличны, — стоитъ обрабатывать землю интенсивнѣе, т.-е. затратить въ нее больше труда, и она даетъ болѣе урожаѣ. Но вѣдь все дѣло и заключается не въ урожаѣ, а въ трудѣ, котораго одна земля для полученія даннаго продукта требуетъ больше, а другая — меньше; вѣдь Маслову въ данномъ случаѣ, при доказательствѣ несостоятельности теоріи Рикардо, какъ разъ и требовалось доказать, что между различными участками земли разниа въ данномъ отношеніи несущественна, — Масловъ же безъ всякой связи съ вопросомъ о рентѣ доказываетъ здѣсь, что болѣешія приложенія къ землѣ капитала вообще даютъ и болѣе продуктъ. Или Масловъ, не въ избыткѣ, какъ мы видѣли, удѣлившій вниманія даже Марксу, думаетъ, что подобное отношеніе къ буржуазному экономисту можетъ быть сочтено въ какой-либо средѣ за признакъ хорошаго тона?

С. Закъ стоитъ въ данномъ случаѣ на гораздо болѣе правильномъ пути. Онъ думаетъ, что всевозможныя меліораціи, производимыя на худшихъ земляхъ, все болѣе и болѣе приближаютъ эти земли по качеству къ лучшимъ землямъ, и разниа между ними съ теченіемъ времени сглаживается. „Если при мало развитыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, — говоритъ онъ, — нѣкоторыя, хотя далеко не существенныя различія въ доходности разныхъ участковъ имѣются, то съ прогрессомъ сельскохозяйственной культуры уравнивается плодородіе различныхъ земель“. Однако, и эти соображенія (также, надо сказать, довольно распространенныя) нельзя считать вполне правильными — и со стороны фактовъ, и со стороны логики. Во-первыхъ, „при мало развитыхъ хозяйственныхъ условіяхъ“ различіе естественныхъ свойствъ различныхъ земель нельзя считать „несущественнымъ“. Если эти различія могутъ быть дѣйствительно несущественными въ предѣлахъ извѣстнаго района или небольшой сравнительно страны, напр., Велико-

¹⁾ См. „Соціализація земли“, стр. 138. Оттуда же и слѣд. цитаты статьи Зака.

британіи или Бельгіи, то вообще такія различія могутъ оказывать громадное вліяніе на относительную производительность труда на различныхъ земляхъ. Напр., въ Россіи различіе между естественными свойствами земель Крыма, гдѣ вырѣвается виноградъ, и земель Олонецкой губерніи, гдѣ при очень большихъ затратахъ скудно рождаются сѣрые хлѣба, — будетъ чрезвычайно велико; да и трудно отрицать, что единица хлѣба въ черноземныхъ губерніяхъ добывается съ несравненно меньшими затратами, чѣмъ въ нечерноземныхъ ¹⁾: объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ фактъ, что крестьянинъ Московской губ. почти не продаетъ хлѣба, несмотря на благопріятное положеніе его хозяйства и высокія мѣстные цѣны, — тогда какъ Москва питается, напр., самарскимъ хлѣбомъ, подвозимымъ — между прочимъ — черезъ Ярославль.

Во-вторыхъ, хотя всякаго рода меліораціи и могутъ въ громадной степени увеличивать производительность труда на худшихъ земляхъ, но не надо забывать, что эти меліораціи сами суть продуктъ труда и капитала; затраты на меліораціи должны будутъ входить въ стоимость добываемыхъ на данномъ участкѣ земледѣльческихъ продуктовъ; и только тогда полученіе большаго продукта съ меньшими затратами здѣсь можетъ быть приравнено къ подобнымъ же результатамъ хозяйства на лучшей землѣ, когда капиталъ, затраченный на меліораціи, будетъ вполне погашенъ²⁾. И совершенно не

¹⁾ Напр. урожай озимой ржи съ 1 десятины за періодъ 1895—1904 гг. равнялся: въ районахъ, гдѣ немыслимо хозяйство безъ удобрения, — въ Сѣверномъ—42,9 пуд., въ Озерномъ—43,1 пуд., въ Сѣв.-Зап.—40,0 пуд., въ районахъ же, гдѣ удобреніе распространено несравненно меньше; или гдѣ удобрения почти не знаютъ, — въ Средне-Волжскомъ—50,3 пуд., въ Дніпровско-Донскомъ—50,8 пуд., въ Волжско-Донскомъ—58,3 пуд. И притомъ это при гораздо большемъ процентѣ сѣмянъ къ сбору. При одинаковой оцѣнкѣ труда, разница будетъ весьма существенно. Данные взяты изъ „Сбора хлѣбныхъ и сѣна въ 1905 году“ Центр. Стат. Комит. С.-Пб. 1906.

²⁾ Ср. съ отрывкомъ „Изъ тетради, начатой въ половинѣ февраля 1876 г.“ Марксомъ, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „такая рента вполне становится вполне дифференціальной рентой, развѣ только затраченный ка-

отличать *естественныхъ* свойствъ земли отъ свойствъ, приданныхъ ей приложеніемъ капитала и труда — это значить смѣшивать элементы прибыли на капиталъ съ элементами земельной ренты.

Въ-третьихъ, если даже „съ прогрессомъ сельскохозяйственной культуры“ худшія земли приобретутъ всѣ тѣ свойства, которыми обладали лучшія земли, то вѣдь это не значить еще, что доходность всѣхъ этихъ земель (конечно, при одинаковыхъ затратахъ) *уравняется*: ибо если меліораціи будутъ производиться на худшихъ земляхъ, то онѣ будутъ производиться и на лучшихъ. Если въ Олонецкой губерніи будутъ производиться работы по осушенію почвы, то въ Крыму — по орошенію ея, и нужно ли говорить, что эти земли по качеству не уравнивать никогда? Итакъ, различіе естественныхъ свойствъ земли надо считать очень значительнымъ и не-легко — и далеко не всегда — устранимымъ факторомъ, порождающимъ иногда громадную разницу въ производительности труда и капитала, прилагаемыхъ къ различнымъ землямъ; а слѣдовательно, и возникшая отсюда земельная рента можетъ отличаться весьма большими размѣрами, и уничтожить, ее, очевидно, не „прогрессъ сельскохозяйственной культуры“¹⁾.

Но существуютъ и еще аргументы въ пользу того, что „дифференціальная рента не оправдывается фактическимъ положеніемъ вещей“. „Непоправимый ударъ всей рикардовской теоріи ренты“ наносить новое возраженіе Родбертуса, усиленно выдвигаемое С. Закомъ. „Такъ какъ доходность земли опредѣляется не только ея плодородіемъ, но и рядомъ другихъ факторовъ, то... разные факторы сельскохозяйственной доходности взаимно уничтожаются, уравнивая тѣмъ самымъ доходность различныхъ земельныхъ участковъ“. С. Закъ здѣсь

питаль погашенъ. Иначе тотъ же самый капиталъ имѣлся бы вдвойнѣ“. См. „Капиталъ“, III, стран. 615.

¹⁾ Напомнимъ, что мы уже посчитались съ тѣмъ утвержденіемъ С. Зака, что рента есть исключительное явленіе, ибо и среднія — по качеству — земли не могутъ давать ея, а могутъ давать ренту только наилучшія земли.

имѣть въ виду тотъ случай, когда преимущества природныхъ качествъ земли парализуются неудобствомъ ея расположенія, и наоборотъ, когда „худшія земли выгадываютъ въ доходности потому, что онѣ лучше расположены“. Но способъ разсуждений С. Зака, какъ видимъ, самый странный, — это называется: „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“. С. Закъ хочетъ доказать, что „дифференціальная рента не оправдывается фактическимъ положеніемъ вещей“, и, не приводя никакихъ фактическихъ данныхъ, увѣряетъ, что въ виду существованія „разныхъ факторовъ сельскохозяйственной доходности“ рента парализуется. Но почему непременно парализуется, а не удваивается? Мы уже упоминали, что случай, на которомъ настаиваетъ С. Закъ, вполне возможенъ: одинъ факторъ, вліяющій на ренту, можетъ уничтожать или уменьшать значеніе другого, но могутъ наблюдаться и совершенно обратные результаты ихъ взаимодѣйствія. С. Закъ говоритъ, что онъ нигдѣ не видитъ, чтобы земли располагались въ такомъ порядкѣ, какой требуется для болѣе высокаго уровня ренты. Но приведенный выводъ С. Зака былъ бы справедливъ *только* въ томъ случаѣ, если бы Закъ, наоборотъ, вездѣ видѣлъ порядокъ расположенія земель слѣдующій: если бы владѣльцы лучшихъ участковъ *всегда* были принуждены расходовать на доставку продуктовъ на рынокъ *равно* такую сумму, какую они выгадываютъ въ производствѣ этихъ продуктовъ, владѣльцы же *худшихъ* — дѣлать равно такія добавочныя затраты на производство, какія они выгадываютъ на транспортѣ; т.-е. (если можно такъ выразиться) если бы каждый участокъ былъ равно настолько *лучше* по своимъ естественнымъ качествамъ, насколько дальше онъ отстоитъ отъ рынка. *Только* тогда теоріи ренты Рикардо, несмотря даже на правильность ея логическихъ предпосылокъ, былъ бы нанесенъ дѣйствительно непоправимый ударъ, ибо только тогда рента Рикардо оказалась бы фикціей. Но ясно, что именно такой порядокъ расположенія земель есть фикція, и что подобные непоправимые удары, хотя бы даже со словъ Родбертуса, можно расточать только въ пылу увлеченія.

Однако этого мало. Намъ надо, кромѣ того, отмѣтить слѣдующее, что для нашей практической цѣли опять таки весьма важно. Именно то, что для земледѣльца, поскольку онъ не выносить продукта на рынокъ, не имѣютъ никакого значенія ни цѣны на продукты земли, ни разстояніе его земли отъ рынка, — слѣдовательно расположеніе хозяйства здѣсь не можетъ оказывать вліяніе на ренту, если она получается въ хозяйствѣ въ силу благопріятныхъ естественныхъ условій. Предположимъ, что два участка земли, различные по качеству почвы, расположены именно такъ, какъ представляется неизбѣжнымъ С. Заку. На одномъ участкѣ, доставка съ котораго на рынокъ ничего не стоитъ, при затратѣ 30 руб. получается 60 пуд. хлѣба; на другомъ — тѣ же 60 пуд. хлѣба получаютъ при затратѣ 20 руб., но доставка всего этого хлѣба на рынокъ стоитъ 10 руб.

При цѣнѣ хлѣба 50 коп. пудъ, если оба хозяина будутъ продавать хлѣбъ цѣликомъ, ни одинъ изъ нихъ ренты не получитъ; если представить, что другихъ земледѣльческихъ хозяйствъ не существуетъ или всѣ существующія хозяйства находятся въ положеніи либо перваго изъ нашихъ хозяйствъ, либо втораго, — то ясно, что земледѣльской ренты вообще существовать не можетъ, ибо не существуетъ разницы въ производительности земледѣльского труда. Но представимъ, себѣ, что каждый изъ хозяевъ продаетъ только половину своего хлѣба, другая же потребляется на мѣстѣ, — тогда даже и при предполагаемомъ расположеніи участковъ, одинъ изъ участковъ будетъ давать ренту: въ самомъ дѣлѣ, первый хозяинъ продаетъ 30 пуд. хлѣба и получаетъ за нихъ 15 руб., остальные 30 пуд., которые стоятъ ему также 15 руб. онъ потребляетъ на мѣстѣ; второй хозяинъ продаетъ также 30 пуд. на 15 руб., но потребляетъ 30 пуд., которые стоятъ ему только 10 руб., — слѣдовательно въ данномъ случаѣ второй хозяинъ получить 5 руб. ренты. Такой случай только частичнаго вынесенія на рынокъ продукта мы будемъ имѣть, какъ нормальный, при социализаціи земли.

Затѣмъ, высказывается мнѣніе, что производительность

труда на землѣ можетъ уравниваться и рента можетъ „аннулировать“ различной эксплуатаціей различныхъ участковъ: ибо одна земля можетъ быть хороша для одной цѣли, другая — для другой, и если умѣло и со знаніями стремиться къ наивысшему развитію производительныхъ силъ, то его и можно достигнуть вездѣ, сообразуясь при эксплуатаціи каждаго участка съ его индивидуальными свойствами. Въ подобномъ утвержденіи, точно такъ же высказанномъ и С. Закомъ, есть вообще значительная доля справедливости. Но дѣло въ томъ, что достигнуть указаннымъ путемъ въ сколько-нибудь значительной степени уравниенія производительности труда на различныхъ земляхъ — невозможно *въ условіяхъ индивидуальнаго хозяйства*. Когда для предпринимателя не безразличенъ (хотя бы по условіямъ мѣстнаго рынка) выборъ культуры того или иного растенія, и когда для него нѣтъ безграничнаго простора въ выборѣ для каждаго изъ культивируемыхъ растений именно для нихъ наиболѣе подходящей земли, — тогда неизбежно относительно нерациональное использование отдѣльных участковъ и неизбежна весьма различная производительность труда на нихъ въ предѣлахъ, напр., страны. Тѣмъ болѣе это относится къ *мелкимъ и трудовымъ* хозяйствамъ: если данная земля наиболѣе подходит для культуры льна, а крестьянину необходима рожь, то онъ будетъ сѣять, конечно, рожь. Достиженіе значительныхъ результатовъ, въ смыслѣ использования каждаго участка земли только въ полномъ соотвѣтствіи съ его природными свойствами, возможно только въ условіяхъ общественно-организованнаго производства и распредѣленія, т.-е. только въ социалистическомъ строѣ.

Насколько вообще значительна земельная рента въ предѣлахъ Россіи, трудно сказать при глазомѣрныхъ расчетахъ; но считать, что значеніе ренты у насъ ничтожно, ни въ какомъ случаѣ нельзя. Примѣнительно къ вопросу объ обложеніи социализированной земли, намъ интересно посмотрѣть, къ чему — на самомъ дѣлѣ — можетъ свестись на практикѣ земельная рента, при дѣйствіи на нее различныхъ факторовъ и въ различныхъ формахъ ея проявленія. Для примѣра возь-

мемъ участки земли, занятые подъ посѣвомъ ржи въ крестьянскихъ хозяйствахъ четырехъ губерній: Московской, Вятской, Самарской и Херсонской. Первая двѣ губерніи — нечерноземныя, вторыя — черноземныя; двѣ крайнія губерніи имѣютъ внутри себя крупныя хлѣбныя рынки, двѣ среднія находятся на большомъ разстояніи отъ крупныхъ рынковъ. Предположимъ, что производство пуда ржи стоитъ одинаково въ обѣихъ черноземныхъ губерніяхъ и въ обѣихъ нечерноземныхъ. Цѣны на рожь стоятъ: въ Московской губ. — 68 коп. пудъ, въ Вятской — 50 коп., въ Самарской — 44 коп. и въ Херсонской — 69 коп.¹⁾, а стоимость производства пуда ржи мы будемъ считать въ первыхъ двухъ губерніяхъ — 50 коп., а во вторыхъ двухъ — 44 коп. Цѣны на хлѣбъ вообще, при данной цѣнѣ производства, опредѣляются стоимостью его доставки на рынокъ, и мы видимъ, что поскольку хлѣбъ производится на продажу, постольку на сторонѣ московскаго и херсонскаго хозяйствъ оказываются весьма существенныя преимущества: на каждомъ проданномъ пудѣ московское хозяйство получаетъ 18 коп., а херсонское — 25 коп. земельной ренты; вятское же и самарское хозяйства ренты, въ данномъ случаѣ, не получаютъ, ибо, по нашему предположенію, тамъ хлѣбъ продается по цѣнамъ производства (включая прибыль или не включая — для насъ безразлично). Если же хлѣбъ производится для собственнаго потребленія, а не на продажу, то выгоды оказываются на сторонѣ херсонскаго и самарскаго хозяйствъ: въ обоихъ получается по 6 коп. ренты съ каждаго потребленнаго пуда. Въ первомъ случаѣ рента получается на рынкѣ въ видѣ денежнаго дохода, во второмъ случаѣ она получается натурой — въ видѣ сокращенія труда. Въ самомъ выгодномъ положеніи находится, въ нашемъ примѣрѣ, херсонское хозяйство, которое соединяетъ въ себѣ *преиму-*

¹⁾ Это дѣйствительный уровень цѣнъ на рожь въ указанныхъ губерніяхъ осенью 1904 года. Цифры взяты изъ „1904 года въ сельскохозяйственномъ отношеніи“. Гл. упр. земл. С.-Пб. 1905. При вычисленіи ренты, конечно, надо брать *нормальныя* цѣны, но соответствующихъ матеріаловъ мы не имѣемъ подъ рукой.

щества московскаго и самарскаго хозяйствъ; въ самомъ же невыгодномъ положеніи находится вятское хозяйство, соединяющее въ себѣ *невыгоды* московскаго и самарскаго: послѣднія два хозяйства будутъ обладать рентой условно, херсонское непременно будетъ обладать значительной рентой, вятское же ни въ какомъ случаѣ никакой ренты не получить. Но каковы могутъ быть *дѣйствительные* размѣры земельной ренты, напр., въ Херсонской губерніи? Если принять всѣ сдѣланныя нами предположенія за факты и допустить, кромѣ того, что на десятинахъ земли въ херсонскомъ хозяйствѣ родится 50 пуд. ржи, изъ которыхъ половина идетъ на рынокъ и половина потребляется на мѣстѣ, то размѣры ренты съ десятины, занятой посѣвомъ ржи (но не съ десятины *пашни*), будутъ таковы: 25 пуд. ржи, проданные по 69 коп. за пудъ, дадутъ (69 коп. — 44 коп.) $\times 25$, т.-е. 6 руб. 25 коп. ренты, и кромѣ того, остальные 25 пуд., потребленные въ хозяйствѣ, дадутъ (50 коп. — 44 коп.) $\times 25$, т.-е. 1 руб. 50 коп. ренты, — причемъ эти 1 руб. 50 коп. будутъ получены натурой, сокращеніемъ издержекъ производства и будутъ равны 1 руб. 50 коп. : 44 коп. = 3,4 (пуда); будучи переведены въ деньги по мѣстнымъ рыночнымъ цѣнамъ¹⁾ они дадутъ еще 69 коп. $\times 3,4 = 2$ руб. 35 коп.; всего, слѣдовательно, данная десятина даетъ ренты 8 руб. 85 коп. Это, конечно, нельзя считать величиной незначительной. Допущенія же наши могутъ грѣшить противъ дѣйствительности слѣдующимъ: мы предположили, что трудъ въ хозяйствѣ Вятской губ. — въ виду наихудшаго качества ея почвы — наименѣе производителенъ, что 50 коп. — это наиболѣе высокая стоимость производства пуда хлѣба, и что земля вятскаго хозяйства не даетъ ренты; но это можетъ быть совсѣмъ не такъ, ибо на другихъ земляхъ стоимость производства пуда ржи можетъ оказаться еще выше, вятское хозяйство будетъ получать ренту, и рента херсонскаго хозяйства мо-

¹⁾ Такъ какъ, напр., рентный налогъ можетъ взиматься только въ деньгахъ.

жегъ оказаться еще выше указаннаго размѣра. Затѣмъ мы предположили, что стоимость производства пуда ржи въ херсонскомъ (и самарскомъ) хозяйствѣ равна 44 коп., но на самомъ дѣлѣ она можетъ быть много ниже, и самарское хозяйство, при продажѣ ржи, можетъ получать ренту; — можно сказать, что оно даже навѣрное получаетъ ренту, такъ какъ въ Оренбургской губ., напр., цѣна на рожь стояла въ томъ же (1904) году на уровнѣ 41 коп.; — слѣдовательно, и тутъ мы могли легко преуменьшить ренту, получаемую съ озимой десятины въ херсонскомъ хозяйствѣ. Но, съ другой стороны, мы могли и преувеличить размѣры этой ренты, предположивъ, что на продажу идетъ цѣлая половина ржи, получаемой съ 1 десятины: ясно, что чѣмъ болѣе процентъ продукта идетъ на рынокъ, тѣмъ большая получается рента, — въ тѣхъ случаяхъ, когда доходность даннаго участка зависитъ въ болѣе высокой степени отъ его расположенія, чѣмъ отъ его естественныхъ качествъ¹⁾. Такъ что въ хозяйствѣ Московской губерніи, гдѣ рожь фактически почти не продается крестьянами, ренты въ дѣйствительности не получается, если — конечно — тамъ стоимость производства одного пуда ржи наивысшая въ Россіи, что едва ли вѣроятно²⁾.

¹⁾ Въ нашемъ примѣрѣ, напомнимъ, рента съ каждаго проданнаго пуда въ херсонскомъ хозяйствѣ равна 25 коп., а съ каждаго потребленнаго на мѣстѣ — 6 коп., такъ что выгоды херсонскаго хозяйства, произтекающія изъ его мѣстоположенія болѣе, чѣмъ въчетверо превышаютъ выгоды, доставляемыя ему естественными свойствами его земли.

²⁾ По „мѣстному обследованію Московской губ. 1898—1900 годовъ“ производство ржи въ Московской губ. не только не даетъ никакого чистаго дохода, но повсюду оказывается даже убыточнымъ. Мы полагаемъ, что этотъ выводъ зависитъ въ значительной степени отъ того, что изслѣдователи ввели стоимость вывозки, раскидки и запашки навоза исключительно въ стоимость озимаго хлѣба, между тѣмъ какъ влияние удобренія распространяется и на яровые хлѣба. Такой приемъ едва ли можно считать правильнымъ, и думается, выводы обследования тѣмъ болѣе отъ этого пострадали, что стоимость упомянутыхъ операций по удобренію составляетъ по даннымъ обследования въ среднемъ около 30 0/0 общей стоимости производства ржи. См. т. II „Мат. для опред. доходности земель“, вып. I, М. 1904 г. Несмотря на то, что крестьяне въ Москов-

Итакъ, то мнѣніе, что рента „не оправдывается фактическимъ положеніемъ вещей“, надо считать совершенно безпочвеннымъ: напротивъ, различіе въ производительности труда и капитала, вкладываемыхъ въ землю и — что намъ особенно важно — въ *различныя* земли, надо признать, по крайней мѣрѣ на пространствѣ Россійской имперіи, весьма значительнымъ¹⁾. И надо принять во вниманіе, что съ развитіемъ у насъ промышленности и городскихъ центровъ и съ ростомъ цѣнъ на хлѣбъ рента также должна возрасти. — Кромѣ того, до сихъ поръ мы все время имѣли въ виду *земледѣльческую* ренту. Между тѣмъ, рента съ земель, эксплуатируемыхъ иными способами, а именно рента съ городскихъ земель, занятыхъ постройками, иногда достигаетъ, какъ извѣстно, громадной величины, — и колоссальный ростъ ея не подлежитъ сомнѣнію. Если припомнить, напр., что 1 кв. сажень земли въ центрѣ Москвы даетъ свыше 200 руб. ренты въ годъ, а десятина, слѣдовательно, можетъ дать свыше 480000 руб., — то отсюда слѣдуетъ заключить, что для восполненія съ избыткомъ современнаго десятимилліоннаго бюджета г. Москвы было бы достаточно ренты съ какихъ-нибудь 25 десятинъ, находящихся въ центральныхъ мѣстахъ города. Такимъ обра-

ской губ. почти не продаютъ хлѣба, доходность ихъ земель опредѣлялась, въ обследованіи согласно общему правилу „подесятиннаго“ учета доходности, на основаніи мѣстныхъ рыночныхъ цѣнъ; и несмотря на высокій уровень цѣнъ, производство ржи не оказалось выгоднымъ. Этотъ фактъ, однако, на практикѣ можетъ вовсе не исключать того, что при той же, что и въ Московской губ., стоимости производства ржи и при *болѣе низкихъ* рыночныхъ цѣнахъ, (хотя бы въ той же Вятской губ), земля, занятая посѣвомъ ржи, могла давать ренту: ибо для нашей цѣли необходимо оцѣнивать рабочія руки единообразно, а не на основаніи случайнаго соотношенія между спросомъ и предложеніемъ рабочихъ рукъ на рабочемъ рынкѣ.

1) Какое значеніе имѣетъ для образованія и уровня ренты разстояніе, отдѣляющее хозяйство отъ рынка, мы видѣли изъ уровня хлѣбныхъ цѣнъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Насколько значительны и насколько разнообразны у насъ перегоны хлѣбныхъ грузовъ, — объ этомъ даетъ понятіе статистика передвиженія хлѣба въ Россіи по желѣзнымъ дорогамъ. См. на оборотѣ.

зомъ, едва ли есть основаніе отрицать, что земельная рента можетъ „составить самостоятельный видъ національнаго дохода“.

Мы видѣли изъ различныхъ мѣстъ этой главы, что рента, какъ особый видъ дохода, вообще неразрывно связана съ индивидуально-хозяйственнымъ строемъ. При чемъ, въ условіяхъ чисто капиталистическихъ отношеній на образованіе и уровень ренты вліяютъ непремѣнно всѣ три (взятыя вмѣстѣ или въ отдѣльности) фактора, порождающіе различіе въ производительности отдѣльныхъ затратъ въ одинъ и тотъ же или въ разные участки земли. Въ болѣе общихъ условіяхъ товарнаго, рыночнаго хозяйства на образованіе и уровень ренты

См. Свод. Стат. перевозокъ по русскимъ жел. дор. Изд. Деп. Ж.-Д. Дѣлъ Мин. Фин. 1903 года. Вып. 68. Хлѣбные грузы С.-Пб. 1905.

Въ 1903 году было вывезено въ тысячахъ пудовъ.		‰ хлѣба, сдѣлавшаго перегонъ.						
		до ста верстъ	100—300	300—500	500—800	800—1300	1300—1800	1800—2300
Въ порты Балтійскаго и Бѣлаго морей. . . .	101.928	3,6	2,7	2,3	8,8	42,4	31,0	4,1
Въ пограничные сухопут. пункты и за границу	64.507	10,4	5,9	6,1	6,2	39,9	23,8	7,0
Въ порты Чернаго и Азовскаго морей	274.070	11,2	52,4	28,4	7,1	0,4	—	—
Всего во всѣхъ вывозные пункты	440.505	9,3	34,1	19,4	7,14	15,8	10,7	2,0
Въ 195 главныхъ внутреннихъ пунктахъ	360.354	19,5	31,3	14,4	11,6	16,2	4,8	1,4
Всего въ вывозн. и главн. внутреннихъ пунктахъ.	800.859	13,8	32,8	17,2	9,2	16,1	8,2	1,7

Дифференціальный тарифъ, конечно, сильно смягчаетъ разницу въ выдности расположенія отдѣльныхъ мѣстностей относительно рынка, но, какъ видно изъ таблицы, эта разница все таки должна быть громадной.

влияют непремѣнно уже только два фактора: естественныя качества и мѣсто расположенія участка, и рента здѣсь можетъ явиться результатомъ только монопольнаго обладанія именно даннымъ участкомъ земли, въ силу того, что онъ выгодно отличается отъ другихъ въ одномъ или обоихъ отношеніяхъ; рента здѣсь получается на рынкѣ какъ денежный доходъ. Въ условіяхъ хозяйства, производящаго продукты *не для рынка* рента получается уже въ видѣ сокращенія издержекъ производства, и на образованіе ея вліяетъ уже только одинъ факторъ: естественныя качества того участка, на которомъ расположено хозяйство; рента здѣсь вполнѣ является продуктомъ природныхъ (а не общественныхъ) условій. Но мы видимъ, что пока существуютъ индивидуальныя, расположенныя на землѣ хозяйства, до тѣхъ поръ должна существовать и земельная рента, которая и будетъ получаться въ этихъ индивидуальныхъ хозяйствахъ, какъ особая привилегія, какъ монополья *хозяевъ*. И ясно, что рента можетъ быть уничтожена только въ условіяхъ *общественно-организованнаго производства*, гдѣ каждый гражданинъ и работникъ, къ какой бы землѣ онъ ни прилагалъ свой трудъ, будетъ вознаграждаться сообразно рабочему времени, затраченному имъ въ пользу общества.

VI.

Земельная рента и социализация земли.

Мы достаточно для нашей цѣли выяснили природу земельной ренты, а также условія ея существованія и проявленія. Ясно, что по обращеніи земли во всенародное достояніе и — въ частности, подѣ сельскимъ хозяйствомъ — въ уравнительно трудовое пользованіе рента не перестанетъ существовать: если бы даже земельная рента уничтожилась, какъ результатъ различной производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала на одномъ и томъ же участкѣ, то она не исчезнетъ, какъ результатъ различной производительности одинаковыхъ затратъ на равновеликихъ участкахъ различнаго естественнаго качества; а въ той мѣрѣ, въ какой трудовые земледѣльцы, находясь вплоть до самаго социализма въ условіяхъ мѣнового хозяйства, понесутъ продукты своихъ хозяйствъ на рынокъ — безразлично, отдѣльно ли каждый или объединившись въ артели, — въ такой мѣрѣ рента будетъ существовать послѣ социализаціи земли и какъ результатъ различной производительности затратъ на разныхъ участкахъ, въ зависимости отъ стоимости доставки продуктовъ съ этихъ участковъ на рынки. И мы видѣли, что земельная рента есть продуктъ, съ одной стороны, естественныхъ, не зависящихъ отъ воли человѣка условій, въ которыя поставлено то или иное хозяйство, и, съ другой стороны, продуктъ роста народонаселенія, всей національной работы и всей экономической эволюціи страны.

Различныя хозяйства въ зависимости отъ своего расположенія будутъ и послѣ социализаціи земли давать ренту, одни — громадную, другія — несравненно меньшую, третьи же вовсе не будутъ давать этого вида дохода. Уравненіе валового дохода хозяйствъ не поставитъ этихъ хозяйствъ въ одинаковыя условія, такъ какъ *составъ* валового дохода въ нихъ будетъ различенъ: въ однихъ хозяйствахъ весь этотъ доходъ будетъ нормальнымъ результатомъ приложенія труда и капитала (возвращеніе затратъ + нормальная прибыль), въ другихъ же — большій процентъ валового дохода можетъ состоять изъ земельной ренты. Другими словами, за одинаковый трудъ на землѣ при уравненіи лишь валового дохода хозяйствъ земледѣльцы будутъ вознаграждаемы далеко не одинаково; такъ же, какъ и держатели земли для иныхъ цѣлей, помимо земледѣлія, будутъ получать въ результатъ одинаковыхъ затратъ совершенно различныя нормы чистаго дохода.

Между тѣмъ въ основѣ социализаціи земли лежитъ признаніе *равнаго права на землю каждаго гражданина и работника*. Признаніе же права на землю базируется на признаніи за каждой личностью права на жизнь и на трудъ. Почему изъ права на существованіе и права на трудъ вытекаетъ *право на землю*, а не на что иное¹⁾?

Правда, изъ признанія права на жизнь и на трудъ вполне мыслимы и иные выводы, и въ исторіи мы видѣли попытки иными способами осуществить право на жизнь и на трудъ. Но почему, по крайней мѣрѣ, непосредственное народное сознаніе неразрывно связываетъ право на жизнь и на трудъ съ правомъ на землю? Это признаніе народомъ его *особаго* права на землю обусловливается наличностью въ народномъ правосознаніи другого элемента: признанія исключительнаго *права труда*. Соотвѣтственно этому, каждая личность, имѣя право на продуктъ своего труда, не имѣетъ права на то, что ею не создано. Народъ, заявляя въ цѣломъ о своемъ

¹⁾ См., напримѣръ, статью С. Юшкевича („Образованіе“, декабрь 1906 года), гдѣ онъ недоумѣваетъ по этому поводу.

правѣ на землю, тѣмъ самымъ отрицаетъ исключительное право на нее со стороны отдѣльныхъ людей. Земля принадлежитъ всѣмъ потому, что она ничья, а ничья она потому, что никто ея не создалъ.

И мы, какъ социалисты, не могли не принять этихъ народныхъ воззрѣній: съ одной стороны право на жизнь и на трудъ, съ другой стороны, *право — одного лишь — труда* на исключительное присвоеніе хозяйственныхъ благъ — даютъ намъ и наше „соціалистическое право“ и то народное право на землю, которое мы стремимся воплотить въ нашей программѣ.

Но мы не можемъ *только принять* народные воззрѣнія, какъ канву для нашей программы: мы должны расширить и углубить ихъ до тѣхъ предѣловъ, до какихъ не въ состояніи было уяснить ихъ и въ какомъ видѣ не могло сформулировать ихъ само народное сознаніе. А оно не могло уяснить и сформулировать того, что земельная рента есть такое же самостоятельное *никѣмъ не созданное хозяйственное благо*, какъ и самая земля. И даже болѣе того, — благо, создаваемое всѣмъ народомъ.

Но можетъ ли быть послѣ этого споръ о томъ, какъ поступить съ земельной рентой при социализаціи земли? Можетъ ли теперь быть сомнѣніе въ томъ, что рентное обложеніе социализированной земли есть неотъемлемый элементъ социализаціи земли, ибо безъ отобранія ренты, въ видѣ налога, отъ отдѣльныхъ держателей всенародной земли, безъ „обращенія земельной ренты на общественныя нужды“, — нѣтъ ни малѣйшей возможности реализовать всеобщее и равное право на землю? Въ самомъ дѣлѣ, излишекъ продуктовъ, получаемыхъ съ лучшихъ земель, по сравненію съ наихудшими изъ эксплуатируемыхъ, при одинаковыхъ затратахъ на всѣ земельныя единицы, — этотъ излишекъ нужно разсматривать, какъ даръ природы, наравнѣ съ „первоначальными и неистощимыми свойствами“ самой земли; программное требованіе, имѣющее цѣлью осуществить всеобщее и равное право на землю безъ таковаго же права на *земельную ренту*, отличалось бы совершенно непонятнымъ и недопустимымъ

формализмомъ. Равное право всѣхъ гражданъ и работниковъ можетъ быть осуществлено только тогда, когда каждый, прилагающій свой трудъ къ землѣ, будетъ получать за одинаковый трудъ одинаковое вознагражденіе, т.-е. когда будетъ осуществлено и равное право земледѣльца на земельную ренту, какъ на даръ природы. Но этого мало: рента не только — даръ природы, рента создается, съ другой стороны, всей жизнью и всей работой націи, рента — на рынкѣ — выплачивается всѣмъ народомъ, какъ потребителемъ продуктовъ. Слѣдовательно, народъ, обладатель всей земли, долженъ предъявить земледѣльцу и каждому держателю земли свое *право труда*, ибо каждый гражданинъ своей работой и даже самымъ своимъ существованіемъ содѣйствуетъ „незаслуженному приросту цѣнностей“, получаемыхъ земледѣльцемъ; весь народъ долженъ потребовать отъ держателей всенародной земли возвращенія ему выплаченной имъ земельной ренты. Право работника на полный продуктъ труда будетъ реализовано лишь въ социалистическомъ строѣ, но социализація земли естественно должна стремиться внести въ социальную жизнь тотъ maximum элементовъ социализма, какой только можетъ быть внесенъ правовой перестройкой земельныхъ отношеній: поэтому устанавливаемыя при социализаціи земли правовыя нормы должны въ возможныхъ предѣлахъ утвердить это право труда, — а это и должно выразиться въ осуществленіи всеобщаго и равнаго права каждого гражданина на земельную ренту. Правомъ *на землю* фактически каждый гражданинъ не воспользуется, какъ въ силу относительной невыгодности для отдѣльнаго гражданина именно земледѣльческаго труда или въ силу дѣлимости земельной территоріи, какъ хозяйственного блага, лишь до извѣстныхъ предѣловъ; тѣмъ болѣе основанийъ для реализаціи всеобщаго права на ренту, что и фактически является вполне возможнымъ, если рента будетъ расходоваться на созданіе общественно полезныхъ цѣнностей. Если же земельная рента не будетъ „обращена путемъ спеціальнаго обложенія на общественныя нужды“, если она будетъ оставаться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ,

оставить ренту въ рукахъ земледѣльца, то „этимъ, говоритъ онъ, устраняются сами собою возраженія, которыя дѣлались противъ націонализаціи земли“. Тогда „государство... не получить въ свои руки новыхъ громадныхъ денежныхъ средствъ, не станетъ независимымъ въ бюджетѣ отъ народнаго представительства, не приобрететъ новой могущественной власти надъ населеніемъ“ и т. д. Очевидно, И. Грей, отмежевывая здѣсь социализацію земли отъ націонализаціи, не представляетъ иныхъ формъ рентнаго обложенія, кромѣ перехода всей ренты въ „казну“¹⁾, и даже въ безконтрольное распоряженіе какой-то независимой отъ народа власти. На самомъ дѣлѣ, если бы рента и цѣликомъ поступала въ распоряженіе „государства“, то и тутъ тахіиш, что можно было бы сказать, — это то, что она могла бы расходоваться не въ полномъ соотвѣтствіи съ нуждами трудового народа; но можно, какъ мы увидимъ, установить такія формы рентнаго обложенія, что ни одной копейки изъ земельной ренты не пойдетъ на нужды „государства“, какъ таковаго, — государства, хотя и вполне *демократическаго*, но не социалистическаго; и тогда приводимый Греємъ заѣженный социалъдемократическій аргументъ — примѣнительно къ социализаціи земли — самъ собою отпадетъ.

Наконецъ, И. Грей пишетъ: „если это различіе въ качествѣ (земли) имѣетъ мѣсто не въ той же деревнѣ, а между отдѣльными селеніями и поясами, оно даетъ основаніе для уменьшенія размѣра надѣловъ и *тѣмъ* (курсивъ мой. Н. С.) явится лучшимъ стимуломъ для интенсификаціи земледѣлія“. Разсужденіе довольно простое, но совершенно неожиданное: непонятно, почему же „уменьшеніе надѣловъ“ только при „различіи въ качествѣ“ „явится лучшимъ стимуломъ для интенсификаціи“? Можетъ-быть, и безъ „различія въ качествѣ“ чѣмъ меньше размѣры надѣла, тѣмъ лучше, ибо иначе не будетъ стимула для интенсификаціи? Если интенсификація земледѣлія есть факторъ и признаковъ прогресса, то программный выводъ долженъ быть ясенъ. Странно, однако, что на малоземельи у насъ вся рус-

¹⁾ См. стран. 75.

ская жизнь теперь запуталась, а съ интенсификаціей земледѣлія — при такомъ-то стимулѣ — дѣло обстоитъ плохо. Но если бы и была какая-нибудь связь между „различіемъ въ качествѣ“ и интенсификаціей, то откуда бы взялся, какъ предполагаетъ Грей, стимулъ для интенсификаціи у обладателей именно *лучшихъ* надѣловъ? Вѣдь надѣлы, какъ худшіе, такъ и лучшіе, отводимые примѣнительно къ обычнымъ въ мѣстности способамъ хозяйства, будутъ *удовлетворять* потребительныя нужды двора, независимо отъ своихъ размѣровъ. Или избытокъ рабочей силы на лучшихъ надѣлахъ послужить стимуломъ для интенсификаціи? Но, какъ извѣстно, у насъ теперь 79,3% избыточнаго деревенскаго населенія, избытокъ рабочей силы теперь, естественно, еще больше, — не ясно ли, что этотъ стимулъ недостаточенъ? А между тѣмъ не приходится доказывать, что именно прогрессъ сельскаго хозяйства, именно интенсификація земледѣлія подниметъ деревню; передача всей земли крестьянамъ представить лишь необходимое *условіе* для этого, ибо увеличить крестьянское землепользованіе возможно, какъ говоритъ статистика, лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ. Интенсификація же земледѣлія особенно важна именно на худшихъ надѣлахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенно трудна тамъ, такъ какъ богатая, напр., почва требуетъ скорѣе *трудо-*интенсивнаго хозяйства, худшая же почва — кромѣ того и *капитало-*интенсивнаго. Какъ разъ съ точки зрѣнія интенсификаціи земледѣлія, которая справедливо озабочиваетъ И. Грея, будетъ раціонально обращеніе ренты на общественныя нужды: *лучшія* земли, подвергаясь усиленному обложенію, будутъ выдѣлять ренту въ пользу хозяйствъ, поставленныхъ въ худшія естественныя условія, — и эти хозяйства, всегда имѣя, конечно, психологическій *стимулъ* для интенсификаціи земледѣлія, будутъ снабжены и необходимымъ для этого *матеріальнымъ факторомъ: капиталомъ*. Ясно, что у И. Грея нѣтъ ни малѣйшихъ основаній отстаивать, съ точки зрѣнія интенсификаціи земледѣлія, выгоды оставленія земельной ренты въ рукахъ получающихъ ее отдѣльныхъ крестьянъ.

Но можетъ-быть, независимо отъ интенсификаціи земле-

положенія дѣль, мы должны отиѣтить и громадныя проистекающія изъ него практическія невыгоды: при оставленіи ренты въ рукахъ крестьянина, земледѣльческое населеніе дѣйствительно будетъ стремиться занять, хотя бы и въ меньшемъ размѣрѣ, лучшіе участки, чтобы тотъ же продуктъ получить съ меньшимъ трудомъ; это неизбежно создастъ въ будущемъ перенаселеніе нѣкоторыхъ мѣстностей и громадный избытокъ въ нихъ рабочей силы, которая при меньшемъ количествѣ земледѣльцевъ и при большихъ надѣлахъ была бы использована и пошла бы именно на созданіе ренты, подлежащей обращенію на общественныя нужды; такимъ образомъ избыточный трудъ громадной массы земледѣльцевъ, на который имѣетъ право весь народъ, пропасть бы даромъ, что было бы чистымъ убыткомъ для національнаго дохода. Но, съ другой стороны, населеніе слишкомъ разрѣдилось бы въ мѣстностяхъ, менѣе благопріятныхъ для земледѣлія, и громадныя пространства земли въ тѣхъ мѣстностяхъ могли бы остаться неиспользованными; земли, изъ которыхъ, при другихъ условіяхъ, были бы извлекаемы богатства, оставались бы мертвымъ капиталомъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ — для націи — пропадалъ бы и трудъ и тотъ движимый капиталъ, который могъ бы быть вложенъ въ эти земли. Мы видимъ, что при томъ порядкѣ, который Старковъ считаетъ естественнымъ, получается огромное расточеніе народнаго богатства.

Перенаселеніе тѣхъ или иныхъ мѣстностей земледѣльцами до тѣхъ предѣловъ, когда общегражданская норма земледѣльческаго дохода двора можетъ быть осуществлена лишь включеніемъ въ этотъ доходъ земельной ренты, — такое перенаселеніе нужно считать явленіемъ ненормальнымъ и нежелательнымъ; а оставленіе ренты въ рукахъ крестьянина нельзя возводить въ принципъ даже и во имя практическихъ соображеній: напротивъ, это оставленіе ренты тому хозяйству, которое ее получаетъ, нужно считать *компромиссомъ*, необходимымъ при наличности перенаселенія до указанныхъ предѣловъ. И на соответствующихъ органахъ земельного управленія должна, слѣдовательно, лежать обязанность — устраненіе излишней

плотности земледѣльческаго населенія, въ цѣляхъ развитія производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ страны и въ цѣляхъ *освобожденія ренты*: плотность населенія должна быть уменьшаема до тѣхъ, по крайней мѣрѣ, предѣловъ, пока не будетъ достигнуто удовлетвореніе общегражданской нормы дохода земледѣльческаго двора — доходомъ земельного участка *за вычетомъ ренты*, что и дастъ возможность обратить земельную ренту на общественныя нужды.

Итакъ, отстаивать оставленіе ренты въ рукахъ получающаго ее земледѣльца, исходя изъ практическихъ соображеній, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Напротивъ, эти практическія соображенія дѣлають въ высшей степени цѣлесообразнымъ, а принципиальныя соображенія — для сторонниковъ нашей программы и совершенно необходимымъ — обращеніе земельной ренты путемъ спеціального обложенія въ общенародное достояніе.

принципу, останется и сумма, соответствующая прибыли и часть ренты¹⁾.

Принимая во вниманіе, что, по данному проекту, обложение повышается соответственно чистой доходности и что въ эту доходность входитъ, конечно, и земельная рента, — предлагаемая въ проектѣ основы земельного обложения нельзя считать *практически* нецѣлесообразными. На практикѣ, быть можетъ, во многихъ и многихъ случаяхъ будетъ невозможно распределить земледѣльческій доходъ на ренту, прибыль и заработную плату; и, установивъ рентное обложение, на практикѣ, быть можетъ, придется часто облагать тотъ или иной участокъ земли на основахъ, указанныхъ въ проектѣ изданія Новожилова, — въ силу технической трудности выдѣленія ренты. Но одно дѣло — техническія затрудненія при осуществленіи того или иного принципа, и другое дѣло — установленіе самаго принципа. Принципъ же земельного обложения, выдвигаемый проектомъ изд. Новожилова, грѣшитъ не только тѣмъ, что облагаетъ *право* на землю.

Какъ мы видѣли, авторъ проекта, устанавливая налогъ соответственно чистой доходности²⁾ и независимо отъ размѣра ренты, считаетъ возможнымъ взимать налогъ и изъ *прибыли* земледѣльца, — а это значить, что въ видѣ налога — *по закону* — можетъ быть конфискованъ въ той или иной части и нормальный (по отдѣленіи ренты) прибавочный продуктъ. Цѣлесообразность этого приходится оспаривать съ точки зрѣнія основъ социализма. Несмотря на то, что социализація земли не есть социализмъ, несмотря на то, что такъ называемая минималь-

¹⁾ Это надо понимать, конечно, лишь въ томъ смыслѣ, что *въ видѣ налога* у земледѣльца не будетъ конфискована ни прибыль ни часть ренты.

²⁾ „Примѣч. 1-е къ ст. 7 отд. II ч. I: „Чистой доходностью считается та доля изъ средняго общаго валоваго дохода отъ надѣла, которая остается за вычетомъ отчисленнаго по средней нормѣ затратъ въ него труда и капитала при обычныхъ въ данной мѣстности условіяхъ хозяйства“. Это обычный способъ опредѣленія чистой доходности: очевидно трудъ будетъ отчисляться сообразно существующей въ данной мѣстности заработной платѣ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

ная программа и не может имѣть цѣлью осуществленіе социализма, — мы тѣмъ не менѣе, проводя нашу программу-*minimum* въ жизнь, *eo ipso* закладываемъ фундаментъ для социализма, и мы должны при этомъ стремиться провести въ жизнь тотъ максимумъ элементовъ социалистическаго строя, провести который позволяютъ интересы трудового народа и экономическая структура страны. Соответственно этому, наша программа-*minimum* должна преслѣдовать созданіе такихъ условий, чтобы при функционированіи частно-предпринимательскаго капитала и при наличности эксплуатацій *съ его стороны*, — по крайней мѣрѣ *со стороны государства*, въ лицѣ центральной власти или органовъ самоуправленія, не было покушеній на прибавочный трудъ работника. Конечно, это не значить, что земледѣльцы будутъ послѣ социализаціи земли получать полный продуктъ своего труда, — это будетъ только въ социалистическомъ строѣ; до тѣхъ поръ пока существуетъ капиталъ растовщикскій и капиталъ торговый, до тѣхъ поръ пока земледѣльцы принуждены входить въ сношенія съ этими видами капитала, — до тѣхъ поръ они не будутъ пользоваться прибавочнымъ продуктомъ, — и въ этомъ залогъ того, что послѣ социализаціи земли крестьянство будетъ такъ же заинтересовано въ наступленіи социализма, какъ въ этомъ заинтересованъ и пролетаріатъ; но пусть прибавочный продуктъ отбирается у крестьянъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, а не въ силу установленныхъ нами законовъ. Нѣтъ, земельное обложеніе не должно касаться прибавочнаго труда, онъ должно быть рентнымъ и только рентнымъ.

Слѣдуетъ отмѣтить и полную несостоятельность попытки замѣнить специальное земельное обложеніе общимъ прогрессивно-подходящимъ налогомъ. Ясно, что общее прогрессивно-подходящее обложеніе не только не рѣшаетъ тѣхъ вопросовъ, которые легли въ основу отстаиваемаго въ данной работѣ вида земельного обложенія, но и не затрагиваетъ этихъ вопросовъ и не считается съ нами. Въ самомъ дѣлѣ, прогрессивно-подходящий налогъ одинаково не будетъ вѣдаться или въ одинаковомъ размѣрѣ будетъ вѣдаться съ земледѣльческихъ

что значить „оцѣниваются и облагаются“ „усадьбы и постройки“? Въдь усадьбы и постройки могутъ оцѣниваться и облагаться совершенно независимо отъ цѣнности той земли, на которой онѣ стоятъ. Но если бы здѣсь принимался въ расчетъ весь доходъ, и отъ земли и отъ постройки, т.-е. отъ всего предпріятія въ цѣломъ, то во всякомъ случаѣ проектъ предлагаетъ взимать съ этихъ предпріятій лишь прогрессивно-подходящій налогъ. А послѣдній, какъ мы только что видѣли, совершенно не считается съ доходностью *земли*, хотя бы она и подъ постройками давала большую ренту, и хотя бы большая часть дохода отъ предпріятія состояла именно изъ земельной ренты. Такимъ образомъ на практикѣ *предпринимателямъ*, для которыхъ усадьбы и постройки имѣютъ не-потребительно-трудовое значеніе, земля могла бы, согласно проекту, отводиться въ иныхъ случаяхъ безвозмездно. Что же касается земли подъ усадьбы и постройки „не свыше указанной нормы“, подъ предпріятія, *имѣющія потребительно-трудовое значеніе*, — то тутъ каждый за эту землю долженъ уплачивать налогъ, да еще „повышенный противъ земледѣльческой площади“, и при этомъ еще, по мнѣнію автора, — „лишь“. Такія привилегіи для капиталистовъ въ пользованіи всенародной землей и такія утѣсненія лицъ, требующихъ себѣ участка для потребительно-трудовыхъ нуждъ, можно объяснить здѣсь только неопредѣленностью терминологіи или же полнымъ непониманіемъ со стороны автора проекта природы земельной ренты.

Во всякомъ случаѣ вопросъ объ условіяхъ отведенія земли подъ усадьбы и постройки, при своей большой важности, обладаетъ таковой же и сложностью, — и мы должны остановиться на немъ нѣсколько времени специально.

Надо признать совершенно несостоятельнымъ и тотъ принципъ, на основаніи котораго условія пользованія землей подъ постройками раздѣлены авторомъ проекта изд. Новожилова на двѣ категоріи: одни условія отведенія земли подъ постройки устанавливаются въ проектѣ *для капиталистовъ-предпринимателей*, а другія — для лицъ, пользующихся постройками

для потребительно-трудовых нуждъ: нельзя, объявляя равное право на землю всѣхъ гражданъ, отводить ее на разныхъ условіяхъ представителямъ *разныхъ классовъ*, — иначе это будетъ равно „всеобщему избирательному праву только для рабочихъ“. Земля подъ постройки должна отводиться на одинаковыхъ условіяхъ какъ капиталистамъ, такъ и представителямъ трудового народа. Проектъ изд. Новожилова, какъ будто, грѣшитъ противъ принципа равнаго права на землю въ пользу капиталистовъ, но *принципіально* было бы не меньшимъ грѣхомъ нарушать данный принципъ во имя непосредственныхъ интересовъ трудового народа. И это равное право на землю подъ постройки капиталиста и рабочаго не должно никого смущать тѣмъ, что одинаковыя условія для полученія земли подъ постройки оставляютъ въ полной силѣ неравномерность и несправедливость въ распредѣленіи богатствъ между трудящимися и нетрудящимися классами: ибо въ цѣляхъ достиженія здѣсь большей справедливости, вплоть до социализма будетъ дѣйствовать тотъ же прогрессивно-подходящій налогъ, — будетъ дѣйствовать со специальною цѣлью установить это болѣе справедливое распредѣленіе богатствъ, — и совершенно независимо отъ принципа равнаго права на землю.

Гораздо съ большимъ основаніемъ можно расклассифицировать условія пользованія землей подъ постройки *сообразно назначенію самихъ построекъ*. Правда, налогомъ съ земли подъ постройками должна послужить земельная рента, т.-е. облагаться должны *незаслуженныя экономическія преимущества предпріятія, происходящія отъ расположенія постройки на лучшемъ участкѣ земли*. Но дѣло въ томъ, что земельная рента съ одного и того же участка земли можетъ быть различна, смотря по назначенію возведенной на этой землѣ постройки: для одного предпріятія расположеніе постройки въ данномъ мѣстѣ будетъ громадной выгодой, громаднымъ преимуществомъ передъ однородными предпріятіями; для предпріятія же другого типа положеніе его въ данномъ мѣстѣ не будетъ имѣть того значенія. И вообще, рента съ земли подъ постройками можетъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ

и неуволнимыхъ видахъ: она можетъ здѣсь, какъ мы сейчасъ увидимъ, не только не выдѣляться на рынкѣ въ качествѣ сверхъ-прибыли, но можетъ и не получаться натурой, въ видѣ сокращенія труда или затратъ хозяина предпріятія и можетъ, такъ сказать, переходить изъ экономической цѣнности въ неэкономическую. Въ виду этихъ особенностей при выдѣленіи ренты съ земель, занятыхъ постройками, намъ и приходится остановиться подробнѣе на вопросѣ объ обложеніи этихъ земель и, на основаніи только что сказаннаго, установить условія отведенія земель отдѣльно: подъ жилые дома, подъ торговые помѣщенія и подъ промышленныя постройки и усадьбы.

Земельная рента подъ жилыми домами можетъ быть и бываетъ, какъ извѣстно, колоссальна и можетъ, съ другой стороны, сводиться къ нулю. Поскольку жилые дома являются капиталистическими предпріятіями, т.-е. поскольку они строятся для сдачи внаймы, — цѣликомъ или частями, — постольку при обложеніи земли подъ этими домами не возникаетъ никакихъ затрудненій. Дома эти представляютъ изъ себя обычные хозяйственные предпріятія, которыя должны давать обычную прибыль на затраченный капиталъ. Эту прибыль должны давать, конечно, *есть* дома, сдаваемые внаймы, иначе они не стали бы строиться и эксплуатироваться; но такимъ образомъ все, что получается *сверхъ* нормальной прибыли, явится земельной рентой, получаемой въ данномъ предпріятіи, и подлежить отобранію, въ видѣ налога, на общественныя нужды. Все, что получается здѣсь сверхъ нормальной прибыли, получается вслѣдствіе особо благопріятнаго расположенія дома, которое въ силу тѣхъ или иныхъ условій поднимаетъ спросъ, а слѣдовательно, и цѣны на помѣщенія въ этомъ домѣ, при неизмѣнности затраченнаго владѣльцемъ капитала. Въ однихъ мѣстахъ — и прежде всего въ городахъ и, главнымъ образомъ, въ центрѣ города — налогъ на земли подъ жилыми домами долженъ быть громаденъ, въ другихъ же мѣстахъ земли должны отводиться подъ жилые дома за ничтожную плату или же совершенно безвозмездно.

Кажущееся затрудненіе появляется тогда, когда мы сталкиваемся съ вопросомъ объ обложеніи земель, отводимыхъ подъ дома *для собственнаго жительства* домовладѣльца.

Такого рода дома съ перваго взгляда имѣютъ лишь „потребительное“ значеніе и, напр., авторомъ проекта изд. Новожилова противопоставляются „усадебамъ и постройкамъ, приносящимъ доходъ своимъ хозяевамъ“ (см. цит. мѣсто проекта). Правда, это не мѣшаетъ автору проекта облагать отводимыя подъ эти дома земли „лишь повышеннымъ противъ земледѣлческой площади налогомъ“ (см. тамъ же); но, сознаваясь, что ходъ мыслей автора проекта для насъ въ данномъ случаѣ непостижимъ, какъ же мы должны все-таки отнестись къ тому факту, что дома, предназначенные для собственнаго жительства, не являются капиталомъ, приносящимъ предпринимательскую прибыль, и не даютъ, слѣдовательно, дохода, аналогичнаго тому, который получается отъ сдачи домовъ вънаймы? Слѣдуетъ ли подъ такого рода дома отводить землю безвозмездно? Конечно нѣтъ. Отводить безвозмездно земли подъ дома для собственнаго жительства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ домовладѣльцы-квартиросдатчики платятъ земельный налогъ, ни въ какомъ случаѣ не должно. Не должно, прежде всего, потому, что безвозмездный отводъ земли для указанной цѣли означалъ бы весьма нераціональное использованіе земли, какъ народнаго хозяйственнаго блага: если, въ самомъ дѣлѣ, данная земля способна дать обществу большой доходъ при иномъ способѣ ея использованія, то допустимъ ли отводъ ея подъ такого рода предпріятіе, которое неспособно выдѣлить ренту? И какъ же здѣсь долженъ поступить земельно-распредѣлительный органъ, если къ нему съ требованіемъ отвода земли обращаются лица, желающіе обратить землю подъ домъ для собственнаго жительства и подъ домъ для сдачи? Если на данный участокъ земли есть спросъ со стороны вторыхъ (а его не можетъ не быть, напр., въ городахъ), и если квартиронаниматели готовы оплатить за квартиры прибыль плюсъ ренту, — то отдавать эту землю даромъ подъ предпріятія, не дающія ренты, было бы не въ интересахъ общественнаго дохода и не въ интересахъ

самихъ квартирнанимателей, которые, все равно, оплатятъ эту ренту, но уже теперь за худшія квартиры въ худшихъ мѣстахъ. Безвозмездный отводъ земли подъ дома, предназначенные для собственнаго жительства домовладѣльца, въ то время, какъ сосѣднія земли подъ домами, сдаваемыми внаймы, несли бы налогъ въ размѣрѣ выдѣляемой ими земельной ренты, — повлекъ бы за собою неразрѣшимую путаницу во взаимоотношеніяхъ между земельно-распределительными органами и претендентами на землю. Это практическая сторона дѣла. Но и съ принципіальной стороны такой порядокъ недопустимъ. Дѣло въ томъ, что домовладѣльцы, не сдающіе своихъ домовъ, но сами въ нихъ живущіе, конечно, *получаютъ земельную ренту*, если ихъ дома расположены въ такихъ мѣстахъ, что могли бы давать сверхъ-прибыль, будучи сданы внаймы.

Земельная рента, которую получаютъ домовладѣльцы, живущіе въ своихъ домахъ, но не сдающіе ихъ, не является особымъ денежнымъ доходомъ, подобнымъ тому, который получаютъ, напримѣръ, домовладѣльцы, владѣющіе домами въ лучшихъ мѣстахъ и сдающіе ихъ. Эта рента получается натурой, экономіей времени, расходовъ на тѣ или иныя потребности и т. д., и о фактѣ существованія этой ренты ясно говорить уже и то обстоятельство, что сосѣдніе квартирнаниматели считаютъ для себя, такъ или иначе, выгоднымъ выплачивать такую же ренту въ качествѣ денежнаго дохода домо или землевладѣльцу. Тотъ фактъ, что они выплачиваютъ эту ренту, конечно, не означаетъ, что они выплачиваютъ ее добровольно, что они не являются жертвами существующихъ социальныхъ отношеній; но несомнѣнно, что, при наличности послѣднихъ, фактъ выплачиванія квартирнанимателями сверхъ-прибыли говоритъ о *преимуществахъ* квартиръ, занимаемыхъ ими, по сравненію съ тѣми, за которыя уплачиваются лишь погашеніе капитала домовладѣльца и нормальная прибыль. Эти *преимущества* будетъ имѣть и лицо, получившее землю подъ домъ для собственнаго жительства въ томъ мѣстѣ, гдѣ земля подъ жилыми домами вообще способна давать ренту; эти преимущества и будутъ его земельной рентой. Въ самомъ дѣлѣ

представимъ себѣ двухъ рабочихъ, предъявившихъ требованія на землю подъ домикъ для собственнаго жительства; одному удалось для этого получить пустырь въ чертѣ города, другому — соотвѣтствующаго мѣста уже нехватило, и онъ получилъ участокъ въ двухъ верстахъ отъ города; ни тотъ ни другой участокъ никакой денежной ренты, конечно, не дадутъ; но первый рабочий изъ своего домика свободно можетъ ходить пѣшкомъ на мѣсто своей работы, второму же приходится туда ѣздить на трамваѣ и расходовать на проѣздъ въ мѣсяцъ 3 рубля. Ясно, что эти 3 рубля въ мѣсяцъ будутъ земельной рентой перваго рабочаго. Если бы оба эти рабочіе или сосѣди ихъ жили не въ собственныхъ домахъ, а нанимали бы квартиры, то ясно, за одинаковыя квартиры первому рабочему или его сосѣдямъ приходилось бы платить на 3 рубля въ мѣсяцъ дороже тѣхъ, кто нанимаетъ квартиру въ районѣ втораго рабочаго. Равное право на землю обоихъ рабочихъ здѣсь, конечно, нарушено. Чтобы возстановить его, необходимо пустырь въ городѣ, отведенный подъ домъ для собственнаго жительства первому рабочему, обложить налогомъ въ 3 рубля въ мѣсяцъ, — обложить не ради отвлеченнаго принципа, не ради какихъ-либо этическихъ соображеній, а обложить съ цѣлью обратить это экономическое преимущество перваго рабочаго на общественныя нужды, напр. на постройку трамвая для рабочихъ, принужденныхъ жить еще дальше рабочаго № 2-й. И не надо забывать, что этотъ же налогъ выплачиваютъ квартиронаниматели — сосѣди перваго рабочаго, выплачиваютъ своему домовладѣльцу, который въ свою очередь долженъ отдавать этотъ налогъ на общественныя нужды въ видѣ земельной ренты, оставляя себѣ лишь нормальную прибыль.

Но можно представить себѣ участокъ земли въ центрѣ города подъ домомъ, въ которомъ живетъ домовладѣлецъ и не пользуется никакими экономическими преимуществами положенія своего дома: онъ не обязанъ расходовать время и деньги на ѣзду по своимъ дѣламъ, онъ не желаетъ использовать свою близость къ театрамъ и инымъ центрамъ тяготѣнія городскихъ жителей, онъ живетъ какъ жилъ, напр.,

въ Петербургѣ, на Гороховой улицѣ, Илья Ильичъ Обломовъ. Земельной ренты, какъ экономическаго блага, онъ, повидимому, не получаетъ. Подлежитъ ли участокъ земли, на которомъ стоитъ его домъ, обложенію? Да, подлежитъ, и притомъ въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ былъ бы обложенъ данный участокъ, если бы возведенный на немъ домъ сдавался внаймы, — въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ, приблизительно, облагаются соедѣніе участки подъ жилыми домами. Съ точки зрѣнія интересовъ городского хозяйства и жителей города, такого рода обложеніе даннаго участка необходимо; въ противномъ случаѣ общественныя нужды требуютъ отчужденія городомъ даннаго дома, какъ то предусматриваетъ, напр. ст. 10 к. б. законопроекта с.-р., внесеннаго въ Думу; но такого рода *обязательствъ* городу ставить, конечно, нельзя, и съ практической точки зрѣнія указанный размѣръ обложенія является единственнымъ выходомъ. Что касается принципіальной стороны, то и здѣсь такого рода обложеніе — вполнѣ законно, ибо если въ данномъ конкретномъ случаѣ ренты съ участка и не получается, то это въ силу индивидуальныхъ, случайныхъ, субъективныхъ, а не общественно-необходимыхъ причинъ: съ точки зрѣнія общества данный участокъ — все-таки лучший, владѣніе имъ — есть все-таки монополія, на которую каждый можетъ претендовать въ равной мѣрѣ; если субъектъ владѣнія даннаго участка не получаетъ ренты съ него въ дѣйствительности, то онъ обладаетъ все-таки ею въ потенціи, и постольку его участокъ даетъ ему то преимущество, на которое всѣ имѣютъ равное право и которое, поэтому, должно быть оплачиваемо.

Итакъ, въ конечномъ счетѣ мы пришли къ выводу, что *всѣ земли подъ жилыми домами, могущія по своему положенію давать при данномъ способѣ ихъ использованія ренты, должны облагаться налогомъ въ размѣрѣ этой ренты, независимо отъ того, предназначены ли эти дома для собственнаго жительства ихъ владѣльцевъ или для сдачи внаймы, т.-е. независимо отъ того, въ какомъ видѣ проявляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ земельная рента¹⁾.*

¹⁾ Надо замѣтить, что въ настоящее время жилые дома, предназна-

Но какъ же обстоитъ въ такомъ случаѣ дѣло съ разрѣшеніемъ квартирнаго вопроса, имѣющаго въ городахъ перво-степенное значеніе для пролетаріата? На этомъ вопросѣ мы здѣсь останавливаться, конечно, не можемъ, но несомнѣнно, что социализація земли сама по себѣ и не можетъ разрѣшить квартирнаго вопроса, и не можетъ ставить себѣ таковыхъ цѣлей. Вѣдь конфискація земельной ренты подъ жилыми домами въ видѣ налога или оставленіе ренты въ рукахъ домовладѣльцевъ — не могутъ оказать никакого вліянія на квартирные цѣны.

Перефразируя слова Рикардо по поводу цѣнъ на пшеницу, можно сказать, что „если бы землевладѣльцы или — въ будущемъ — земельно-распредѣлительные органы отказались отъ взиманія ренты съ земель, занятыхъ жилыми домами, то отъ этого квартирные цѣны не понизились бы ни на одну копейку, и только вся рента попала бы въ руки домовладѣльцевъ“.

Избавиться отъ непомерно-высокихъ цѣнъ на квартиры и отъ роста этихъ цѣнъ, который такъ губельно отражается на положеніи рабочаго класса, — другими словами, разрѣшить квартирный вопросъ можетъ не перестройка земельныхъ отношеній, а лишь замѣна частно-предпринимательскаго хозяйства домовладѣльцевъ общественными городскими хозяйствами: квартирный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ и разрѣшаемъ лишь путемъ полной или частичной *муниципализаціи* жилыхъ домовъ или, по крайней мѣрѣ, вмѣшательствомъ государства или муниципалитета въ договорныя отношенія между домовладѣльцами и квартирнанимателями.

Населеніе городовъ, въ лицѣ органовъ городского самоуправления, можетъ устанавливать квартирные цѣны въ со-отвѣтствіи съ интересами народа лишь при условіи постройки домовъ за собственный счетъ, при условіи принудительнаго отчужденія ихъ у частныхъ владѣльцевъ, путемъ особыхъ договоровъ съ ними о назначеніи опредѣленныхъ квартирныхъ цѣнъ взаменъ оставленія имъ ренты и т. п.

ченныя и для сдачи и для собственнаго жительства, совершенно правильно, облагаются по общей нормѣ доходности.

Соціалізація землі створює для всього цього повну можливість і найбільше підходящі умови¹⁾.

Тепер ми повинні поглянути, підлягають ли обложенню землі, відомі під торгові помешкання: під магазини, ресторани і т. п., і якщо підлягають, то на яких саме основах. Пріжде всего надо отметить, что дома, занятые исключительно торговыми предприятиями или торговым предприятием, суть явление далеко не обычное. Напротив, несравненно чаще торговые предприятия бывают соединены в одном доме с жилыми помещениями: торговые помещения снимаются у домовладельцев подобно жилым квартирам.

¹⁾ Иные неразрывно связывают социализацию земли в городах с разрешением квартирного вопроса, каковое и должно явиться осуществлением права на землю городского жителя. Повидимому, социализация земли в городах здесь связывается с *уничтожением* ренты. Но мы знаем, что это означает. Это означает, что реформы правовых отношений, каковой явится социализация земли, здесь приписываются особая доля — по радикальному преобразованию экономических, хозяйственных отношений: ибо уничтожить или сократить значение ренты может только внесение элементов общественно организованного хозяйства в современные экономические отношения. В данном случае предполагается наложение руки города на частные предприятия, на жилые дома, т. е. распространение на них хозяйственной деятельности муниципалитета. Ставить это — в программу — в одну плоскость с социализацией земли значит стоять на точке зрения „максимализма“. Другой вопрос — насколько рационально последнее; быть может, поставить в программу наряду с социализацией земли и муниципализацию всех городских частных предприятий было бы рационально. Но из этого не следует, что можно *логически* не различать принципиально несходных между собою элементов этих преобразований. Социализация земли (с возможностью принудительного отчуждения построек) предоставляет только *право* хозяйствования муниципалитету, но не вменяет этого в *обязанность*, — предоставляет только *возможность* разрешения квартирного вопроса, но *сама по себе* не разрешает его. Право же городского жителя на землю может выразиться только в его равном с другими, праву распоряжения земельной ренты. Но, повторяем, что рязкая грань между социализацией земли и разрешением квартирного вопроса может быть проведена только *логически*. Фактически же будущие демократические города не могут не принять самых решительных и немедленных мер к разрешению квартирного вопроса.

Это значить, что съемщики торговых помѣщеній выплачиваютъ домовладѣльцамъ, какъ и квартиранты, земельную ренту, — и притомъ громадную ренту, такъ какъ торговая жизнь концентрируется въ лучшихъ мѣстахъ, и даже сама обуславливается, обычно, качество мѣста и дороговизну земли. Такимъ образомъ, выплачивая за помѣщенія громадную ренту, владѣльцы торговыхъ предпріятій тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о громадныхъ выгодахъ имѣть торговыя помѣщенія въ опредѣленныхъ мѣстахъ; и выгода эта, конечно, уже не относительная, какъ выгода квартиранимателей, поневолѣ уплачивающихъ ренту, чтобы не попасть еще въ худшія условія, — нѣтъ, это выгода абсолютная, ибо владѣльцы торговыхъ помѣщеній непременно съ избыткомъ возвратятъ себѣ уплаченную ренту. Слѣдовательно, аналогичное экономическое преимущество лицъ, занявшихъ специально подъ торговыя помѣщенія лучшія мѣста, должно оплачиваться такъ же, какъ оплачиваются соотвѣтствующія преимущества съемщиками торговыхъ помѣщеній у домовладѣльцевъ: *съ земель, отводимыхъ подъ торговыя предпріятія, долженъ взиматься налогъ въ размѣръ земельной ренты, уплачиваемой домовладѣльцамъ съемщиками соотвѣтствующихъ помѣщеній въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.* Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ домовладѣлецъ можетъ выручить отъ сдачи торговыхъ помѣщеній лишь погашеніе затраченнаго капитала плюсъ нормальную прибыль, — тамъ земли для торговыхъ предпріятій должны, конечно, отводиться безвозмездно.

Но тутъ можетъ возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли торговыя предпріятія, находящіяся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земельная рента *вообще* высока, обладаютъ значительными преимуществами? Дѣйствительно ли предлагаемый земельный налогъ будетъ обращать на общественныя нужды именно *земельную ренту*, получаемую въ этихъ предпріятіяхъ, а не явится *акцизомъ* на товары? Едва ли можно, однако, утверждать, что цѣны товаровъ всегда прямо пропорціональны цѣнамъ земли въ данной мѣстности: въ мѣстахъ высокой земельной ренты, гдѣ концентрируется торговая жизнь, громадная конкурен-

ція, наоборотъ, зачастую дѣлаетъ цѣны на товаръ болѣе низкими, чѣмъ въ мѣстахъ низкой земельной ренты, гдѣ, при болѣе рѣдкомъ населеніи и при меньшемъ развитіи торговли, владѣльцы торговыхъ предпріятій являются зачастую монополистами¹⁾. Вообще — элементарная истина, что цѣны на товары неизбѣжно должны уравниваться на одномъ и томъ же рынкѣ, каковымъ является, напр., городъ: если бы въ центральныхъ мѣстахъ цѣны, какъ правило, стояли болѣе высокія, то самые городскіе центры стали бы перемѣщаться въ районы низкихъ цѣнъ, стали бы тамъ поднимать ренту и т. д. Ясно, что повышенныя цѣны на торговые помѣщенія, дающія домовладѣльцамъ, кромѣ нормальной прибыли, еще сумму для уплаты земельнымъ собственникамъ, — сумму, равную обычной въ мѣстности земельной рентѣ, — не обуславливаютъ собою акциза на товары, а отбираютъ у владѣльца торговаго предпріятія именно земельную ренту, получаемую въ его предпріятіи. Но откуда же она получается, если берется даже не изъ повышенныхъ цѣнъ? Въ чемъ же преимущества предпринимателей въ мѣстахъ съ высокой *вообще* рентой? Очевидно, земельная рента, получаемая въ такихъ предпріятіяхъ, проявляется *въ несравненно болѣе быстромъ обращеніи капиталовъ*, каковое со-

¹⁾ Если мы и наблюдаемъ повышенныя цѣны на товары, напр., въ блестящихъ магазинахъ въ центрѣ города, если пообѣдать въ первоклассномъ ресторанѣ на „лучшей“ улицѣ станетъ гораздо дороже, чѣмъ въ харчевнѣ на окраинѣ города, то это надо, конечно, приписывать не акцизу на товары, равному *обычной* въ мѣстности земельной рентѣ, а надо приписывать необходимости вернуть несравненно большія затраты капитала на совершенно иную организацію предпріятія: точно такъ же, напр., извозчикъ, такъ наз. „лихачъ“, беретъ несравненно больше обыкновеннаго извозчика, но на его большую выручку надо смотрѣть исключительно какъ на полученіе соотвѣтственной большей — абсолютно — прибыли на большій затраченный имъ капиталъ (конечно, при нормальномъ соотношеніи между спросомъ на „лихачей“ и количествомъ ихъ). Въ лавочкѣ, *сосѣдней* съ нашимъ блестящимъ магазиномъ, и въ харчевнѣ, *сосѣдней* съ первокласснымъ рестораномъ — тѣ же товары можно получить несравненно дешевле (или если тѣхъ же товаровъ въ харчевнѣ и лавочкѣ не держать, то вообще здѣсь можно получить ихъ дешевле, пропорціонально цѣнѣ ихъ производства).

вершенно немыслимо въ мѣстахъ съ рѣдкимъ населеніемъ, напр., въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ центра города и т. п. Для насъ несущественно, въ чемъ заключаются экономическія преимущества предпринимателей, въ какомъ видѣ проявляется ихъ земельная рента: если мы имѣемъ передъ собою именно *преимущество* однихъ въ расположеніи предпріятія, — преимущество, на которое каждый имѣетъ равное право, — если мы имѣемъ дѣло именно съ *земельной рентой*, взиманіе которой, въ видѣ налога, не можетъ никакъ отразиться на цѣнѣ товаровъ, то мы эту ренту должны обратить на общественныя нужды.

Намъ остается теперь разсмотрѣть условія, на которыхъ должна отводиться социализированная земля подь *промышленныя предпріятія*. И здѣсь, конечно, мы должны, насколько возможно, проводить принципъ именно рентнаго обложенія. Но здѣсь мы сталкиваемся съ такимъ явленіемъ, которое должно породить нѣкоторыя практическія трудности въ проведеніи даннаго принципа, а быть можетъ, даже и частичныя уклоненія отъ него: дѣло въ томъ, что земельная рента подь промышленными предпріятіями вообще должна представлять собою ничтожную величину, а весьма и весьма часто и совершенно сводится къ нулю, между тѣмъ какъ самыя предпріятія, обычно, бываютъ расположены въ мѣстностяхъ *вообще* сравнительно высокой ренты.

Прежде всего, на появленіе, ростъ и паденіе земельной ренты подь промышленными предпріятіями можетъ оказывать вліяніе только *разстояніе предпріятія отъ мѣстъ сбыта*. Самое качество земли и характеръ мѣстоположенія здѣсь роли, конечно, не играютъ. Правда, могутъ встрѣтиться исключительно благопріятныя условія, когда какое-либо промышленное предпріятіе, не въ примѣръ однороднымъ, можетъ пользоваться силами природы: Марксъ, напр., приводитъ случай пользованія фабрикантомъ даровой силой водопада, въ то время какъ остальные фабрики принуждены для достиженія тѣхъ же результатовъ пользоваться паровой силой: первый фабрикантъ получить здѣсь ренту въ размѣрѣ — *paribus ceteris* — стои-

мости добыванія пара. Но исключеніе есть исключеніе, и намъ, при выясненіи условій образованія ренты въ промышленныхъ предпріятіяхъ, приходится считаться лишь съ разстояніемъ ихъ отъ рынка.

Причины ничтожной величины земельной ренты, получаемой въ промышленныхъ предпріятіяхъ, слѣдующія. Во-первыхъ, размѣры производства продуктовъ обрабатывающей промышленности лишь въ незначительной степени связаны съ размѣрами занимаемой предпріятіемъ территоріи. Между тѣмъ какъ на участкѣ, занятомъ жилыми домами, нельзя построить квартиръ больше, чѣмъ ихъ можетъ помѣститься на немъ, и нельзя поселить тамъ жителей неограниченное количество, — въ обрабатывающей промышленности производство можно повысить въ громадной степени, не занимая больше земли. На небольшомъ пространствѣ промышленникъ, не въ примѣръ домовладѣльцу, можетъ использовать почти неограниченное количество капитала и получать соотвѣтствующее количество прибыли. А это значитъ, что въ то время какъ участки, занятые домовладѣльцами, въ случаѣ усиленнаго спроса на квартиры въ данной мѣстности и при невозможности увеличить предложеніе ихъ, дадутъ своимъ хозяевамъ земельную ренту, — въ это время владѣлецъ промышленнаго предпріятія сможетъ и будетъ увеличивать производство на томъ же участкѣ, и достигнутое такимъ образомъ нормальное соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ данныхъ товаровъ заставитъ владѣльца предпріятія получать *только одну нормальную прибыль*; ренты же никакой ему не дастъ. Но, можетъ, быть, владѣлецъ предпріятія — будемъ говорить — фабрикантъ не станетъ увеличивать производства, чтобы новые капиталы затратить въ другое предпріятіе, а отъ стараго получать прибыль и ренту. Согласно элементарнымъ положеніямъ экономической науки, такая комбинація невозможна, ибо конкуренція и перетеканіе капиталовъ въ данную отрасль промышленности неизбѣжно низведутъ доходы нашего фабриканта до степени нормальной прибыли на капиталъ. Но, можетъ-быть, тутъ-то и выплываетъ факторъ, порождающій зе-

мельную ренту: если въ распоряженіи фабриканта участокъ, ближайшій къ рынку, а фабрикантъ не хочетъ или не можетъ расширить своего производства дальше извѣстныхъ предѣловъ, — то не получить ли онъ въ видѣ *земельной ренты* ту сумму, которую его конкуренты уплатятъ за провозъ? Или, по крайней мѣрѣ, если онъ пожелаетъ спустить свои цѣны до уровня нормальной прибыли, то не даетъ ли ему возможность сравнительная дешевизна его товаровъ обернуть капиталъ большее число разъ и получить земельную ренту инымъ путемъ? Конечно, земельную ренту этотъ фабрикантъ получить, но именно въ ничтожномъ размѣрѣ, ибо:

Во-вторыхъ, въ то время какъ землю *подъ сельскимъ хозяйствомъ*, съ которой требуются продукты на данный рынокъ, нельзя перенести на желательное разстояніе отъ рынка, и поневолѣ приходится иногда оплачивать провозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, — въ это время промышленныя предпріятія, какъ правило, возможно перенести на такое разстояніе отъ рынка, на какое это представляется выгоднымъ; и не только возможно, а такъ всегда неизбежно и бываетъ: промышленныя предпріятія всегда концентрируются около рынка, всегда тѣснятся къ мѣстамъ наибольшаго своего сбыта, чтобы не оплачивать провоза; для иллюстраціи этого достаточно напомнить о самомъ фактѣ существованія у насъ „промышленнаго“ района, расположившагося вокругъ Москвы. Въ мѣстахъ, гдѣ спросъ на товары еще не развитъ, промышленныя заведенія должны немедленно появляться по мѣрѣ увеличенія спроса. Такимъ образомъ, единственный факторъ образованія земельной ренты въ промышленныхъ предпріятіяхъ — разстояніе отъ рынка, почти парализуется возможностью произвольнаго выбора ихъ мѣстоположенія ¹⁾.

¹⁾ Правда, промышленныя предпріятія нѣкоторыхъ отраслей бываютъ, наоборотъ, прикрѣплены къ мѣстностямъ, очень отдаленнымъ отъ мѣстъ сбыта продуктовъ: напр. горнозаводскія, нефтяныя и т. п. предпріятія. Но вѣдь это тоже означаетъ лишь то, что ближе къ рынку, въ болѣе выгодномъ положеніи не могутъ находиться другія однородныя пред-

Въ-третьихъ, промышленныя предпріятія по своей природѣ далеко не такъ чувствительны къ разстоянію отъ центральныхъ мѣстъ въ городахъ, являющихся собственно и главнымъ образомъ мѣстами сбыта, какъ чувствительны, напр., городскіе жители или торговыя предпріятія: для городского населенія и для владѣльцевъ всякаго рода торговыхъ заведеній имѣеть громадную важность, жить ли и имѣть магазинъ въ центрѣ города, или на окраинѣ. Между тѣмъ фабрикантъ, имѣющій фабрику на окраинѣ города, а сбытъ въ центрѣ, считаетъ, что его фабрика на рынкѣ. Для фабриканта почти не имѣеть значенія, помѣщается ли его фабрика въ городѣ, или за городомъ, или даже на десятки верстъ отъ своего центра тяготѣнія (если, конечно, фабрика или вообще предпріятіе не ведетъ, подобно магазину, торговли непосредственно на потребителя). Чтò проигрываетъ фабрикантъ въ послѣднемъ случаѣ на провозѣ, то можетъ съ избыткомъ выручить на заработной платѣ. На сторонѣ болѣе центрально расположенныхъ предпріятій могутъ оказаться здѣсь лишь самыя незначительныя преимущества, другими словами, эти предпріятія способны выдѣлать лишь незначительную земельную ренту. И фактическое расположеніе фабрикъ въ городахъ или въ промышленныхъ районахъ хорошо доказываетъ эту небольшую чувствительность промышленныхъ заведеній къ разстоянію отъ центровъ сбыта и эту незначительность преимуществъ болѣе центральныхъ предпріятій. Въ то время какъ торговое предпріятіе (или совокупность ихъ), образуя торговый центръ

пріятія. Потребители на главномъ рынкѣ будутъ оплачивать провозъ, но ренты никакой въ этихъ предпріятіяхъ не получится, кромѣ той ничтожной суммы, которая получится, напр., въ нѣкоторыхъ горныхъ заводахъ, въ силу ихъ ничтожной приближенности къ рынку по сравненію съ другими почти сосѣдними. Точно такъ же, не мѣняется нисколько дѣла фактъ привоза издалека на рынокъ какихъ-либо мѣстныхъ издѣлій, не производимыхъ почему-либо вблизи рынка, или фактъ обмѣна между собою фабрикатами отдѣльныхъ странъ: привозятся продукты *лишь не производимые на мѣстѣ сбыта*, хотя бы разница была только въ *качествѣ*, но спросъ заставляетъ мало-по-малу открывать соотвѣтствующія предпріятія на мѣстахъ, и привозъ издалека вытѣсняется.

и повышая вокругъ себя цѣну земли, само пользуется повышенной имъ земельной рентой и само получаетъ ее, — въ это время фабрика, точно такъ же повышая вокругъ себя вообще земельную ренту, сама почти не приобретаетъ ренты; ибо населеніе будетъ стремиться къ фабрикѣ, какъ къ мѣсту приложенія труда, будетъ повышать спросъ и цѣны на ближайшія къ фабрикѣ квартиры, будетъ вызывать къ жизни торговыя заведенія, будетъ повышать, словомъ, земельную ренту въ мѣстности, — но вѣдь фабрика работаетъ *не для даннаго населенія, поскольку оно сконцентрировано именно въ данной мѣстности*, вѣдь самое стягиваніе населенія въ данную мѣстность — само по себѣ — не даетъ промышленному предпріятію, какъ таковому, ни повышенныхъ цѣнъ на товары, — въ силу разобранныхъ причинъ, — ни болѣе быстрого обращенія капитала; если фабрика работаетъ не на непосредственнаго потребителя, то вѣдь спросъ на ея товары остается прежній, такъ какъ населеніе не увеличивается, а лишь перемѣщается ¹⁾, за увеличеніемъ же населенія послѣдовало бы увеличеніе производства на сконцентрированныхъ въ мѣстности конкурирующихъ фабрикахъ и т. д. Создавая центръ, промышленное предпріятіе лишь тогда получило бы земельную ренту, когда соединило бы въ себѣ производство съ розничной торговлей.

Разобранные факторы, которые взаимно обуславливаютъ другъ друга, дѣлаютъ земельную ренту подъ промышленными предпріятіями очень незначительной. Затрудненіе, происходящее отсюда, состоитъ въ томъ, что земельная рента, которую способенъ *вообще* дать тотъ или иной участокъ, можетъ часто не совпадать съ той рентой, которая — конкретно — получится при отведеніи этого участка подъ промышленное предпріятіе. Правда, установить „нормальную“ ренту съ даннаго участка для даннаго времени невозможно. Въ городѣ,

¹⁾ Взять для примѣра хотя бы Юзовскій заводъ, сконцентрировавшій населеніе, сочавшій вокругъ себя густо населенную мѣстность, повысившій ренту на окрестныя земли, но не выигравшій отъ этого самъ по себѣ, какъ предпріятіе работающее вообще не на мѣстный рынокъ.

напр., земля, занятая магазиномъ, даетъ больше ренты, чѣмъ та же земля подъ жилымъ домомъ. Но, во-первыхъ, при отводѣ земли подъ дома или магазины (такъ же какъ и при постройкѣ домовъ съ квартирами и магазинами, а также и съ большими и малыми квартирами), можно предусмотрѣть, какое количество тѣхъ или иныхъ магазиновъ нужно на опредѣленное количество квартиръ и жителей въ данной мѣстности, — слѣдовательно, можно заранѣе знать, что больше извѣстнаго количества земли въ томъ или иномъ районѣ города подъ магазины заниматься ни въ какомъ случаѣ не будетъ, и на большее количество ренты, чѣмъ могутъ дать жилые дома, рассчитывать нечего; во-вторыхъ, между рентой, получаемой въ одномъ и томъ же мѣстѣ города съ земли подъ жилымъ домомъ и магазиномъ, особенно рѣзкой разницы все-таки не будетъ. Между тѣмъ жилыми домами плюсъ магазинами и т. п. можно занять все пространство города, и съ точки зрѣнія интересовъ городского хозяйства вовсе можетъ не встрѣтиться надобности отводить землю подъ предпріятія, дающія ренты меньше, чѣмъ могли бы дать ее земли подъ жилыми домами и торговыми предпріятіями; а разница въ размѣрахъ получаемой ренты между жилыми домами и торговыми предпріятіями, съ одной стороны, и промышленными предпріятіями, съ другой,—въ городахъ, и особенно въ центральныхъ частяхъ, громадна.

Это значитъ, что незначительность земельной ренты, выдѣляемой промышленными предпріятіями, при строгой выдержанности принципа рентнаго обложенія, заставитъ облагать земли, отводимыя подъ эти предпріятія, очень небольшимъ налогомъ, въ то время какъ тѣ же самыя земли, будучи использованы подъ жилые дома или торговые предпріятія, дали бы громадный доходъ на общественныя нужды. Мы сталкиваемся здѣсь въ дѣйствительности съ тѣмъ же самымъ затрудненіемъ, на которое и раньше натолкнулись, какъ на фиктивное затрудненіе. Здѣсь уже несомнѣнно, что никакихъ особыхъ преимуществъ отъ мѣстоположенія предпріятія, никакой земельной ренты, которая по своимъ размѣрамъ при-

ближалась бы къ рентѣ подъ городскими жилыми домами или магазинами, владѣльцы промышленныхъ предпріятій не получаютъ, — и притомъ не получаютъ въ силу общественно необходимыхъ причинъ. Поэтому въ мѣстахъ высокой вообще земельной ренты взиманіе съ земель подъ промышленными заведеніями налога, который приближался бы по размѣрамъ къ обычной въ мѣстности рентѣ, было бы здѣсь уже безспорнымъ *установленіемъ акциза на товары*, — акциза, который долженъ будетъ платить потребитель въ силу установленныхъ законовъ, и который закономъ же можетъ быть уничтоженъ¹⁾. Съ другой стороны, взиманіе съ этихъ же самыхъ земель лишь той *дѣйствительной* ренты, которая получается въ данныхъ предпріятіяхъ, было бы весьма нежелательнымъ уменьшеніемъ общественного дохода съ земли.

Послѣднее обстоятельство, конечно, не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы въ данномъ случаѣ установить земельное обложеніе на иныхъ началахъ, но практически обстоятельство это представляется весьма немаловажнымъ и, по возможности, подлежащимъ устраненію. Способъ къ удержанію общественного дохода съ земли на желательной высотѣ при сохраненіи принципа рентнаго обложенія можно видѣть въ слѣдующемъ. Земли подъ промышленныя предпріятія должны отводиться съ тѣмъ расчетомъ, чтобы *обычная* рента въ мѣстности, по возможности, соотвѣтствовала той рентѣ, которая можетъ получиться въ самомъ предпріятіи, т.-е., *должно отводить землю подъ промышленныя предпріятія, по возможности, въ мѣстахъ низкой земельной ренты, дешевой земли*. Послѣдовательнымъ проведеніемъ этого начала можно было бы достигнуть того, что и волки будутъ сыты и овцы цѣлы. Но вопросъ въ томъ, насколько возможно проведеніе этого начала? „Направленіе политики“ земельно-распредѣлительныхъ органовъ должно быть безусловно таково, но на практикѣ тутъ, конечно, встрѣтятся большія затрудненія. Въ зна-

¹⁾ И теперь этотъ акцизъ, конечно, взимается землевладѣльцами, ибо арендная плата за землю подъ фабрикой входитъ въ-цѣну производства.

чительной мѣрѣ облегчить проведеніе указаннаго принципа то обстоятельство, что промышленныя заведенія не имѣютъ сами по себѣ тенденціи тѣсниться въ мѣстахъ особенно высокой ренты (объ этомъ уже упоминалось выше, и причины этого вполне понятны); фабрики и заводы, напр., обычно располагаются на окраинахъ городовъ, а очень часто и на очень большомъ разстояніи отъ города: около этихъ фабрикъ и заводовъ уже впоследствии обычно и вырастаютъ городскія предмѣстья и города. Земли, требуемыя *вновь* подъ промышленныя предпріятія, во всякомъ случаѣ возможно отводить въ мѣстахъ вообще низкой ренты. На положеніи рабочихъ это должно отразиться благопріятно, въ смыслѣ болѣе низкихъ квартирныхъ цѣнъ въ данныхъ мѣстностяхъ. Но и здѣсь легко можно не достигнуть совпаденія земельной ренты, вообще опредѣляющей въ мѣстности цѣну земли, съ рентой, которую способно выдѣлить данное промышленное предпріятіе; а тѣмъ болѣе трудно и почти невозможно совмѣстить принципъ *рентнаго* обложенія съ практическими народно-хозяйственными годами въ тѣхъ случаяхъ, когда промышленныя предпріятія *уже* расположены на собственной или специально арендованной землѣ въ мѣстахъ высокой ренты.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что изъ затрудненія можетъ вывести лишь компромиссъ, — компромиссъ, съ точки зрѣнія принципа вполне допустимый, со стороны практической — въ значительной степени цѣлесообразный. А именно: *земли, находящіяся подъ промышленными предпріятіями, должны облагаться сообразно отраслямъ промышленности, къ которымъ относятся предпріятія, занимающія тотъ или иной участокъ земли. Если отрасль промышленности относится къ такимъ, что обложеніе ея продуктовъ акцизомъ не допустимо съ точки зрѣнія интересовъ трудящихся массъ, то земли подъ соответствующими промышленными предпріятіями облагаются лишь въ размѣръ получаемой ими земельной ренты — въ ущербъ народно-хозяйственнымъ интересамъ. Такъ, земля подъ промышленныя заведенія, производящія предметы одежды, желѣзныя издѣлія, предметы освѣщенія и т. п., должна отводиться*

за ничтожный налогъ, а во многихъ и многихъ случаяхъ (если не въ громадномъ большинствѣ ихъ) и совершенно безвозмездно. И чѣмъ, напр., могъ руководствоваться авторъ проекта изд. Новожилова, устанавливая на эти земли налогъ „лишь повышенный противъ земледѣльской площади“ — непонятно.

Если же отрасль промышленности относится къ такимъ, что въ цѣнахъ на ея продукты трудящаяся масса непосредственно не заинтересована, то земли подъ соответствующими промышленными заведениями должны облагаться налогомъ въ размѣръ, примѣрно, земельной ренты, получаемой съ земли въ данной мѣстности, при наиболѣе выгодныхъ для народнаго хозяйства способахъ использованія этой земли. Здѣсь земля подъ промышленнымъ предпріятіемъ будетъ нести, примѣрно, такой же налогъ, какой несетъ земля подъ сосѣднимъ жилымъ домомъ или торговымъ заведеніемъ. Это будетъ, конечно, акцизъ на продукты данной отрасли промышленности. Равному праву на землю, однако, налогъ этотъ противорѣчить не будетъ, ибо налогъ будутъ уплачивать потребители, а не владѣлецъ предпріятія, — слѣдовательно, принципиально такой налогъ вполне допустимъ. Установленный же акцизъ явится не чѣмъ инымъ, какъ своего рода подоходнымъ налогомъ, ибо имъ будутъ обложены лишь такіе предметы, какіе обычно употребляются болѣе состоятельными классами: этотъ налогъ будутъ нести земли подъ предпріятіями, производящими предметы роскоши, и т. п.

Размѣры земельного налога могутъ здѣсь раздѣляться по разнымъ ступенямъ: они могутъ быть больше или меньше, смотря по степени заинтересованности широкихъ народныхъ массъ въ цѣнахъ на продукты данной отрасли промышленности, смотря по степени допустимости наложенія акциза на тѣ или иные предметы потребленія со стороны демократическаго государства.

Предпріятія торгово-промышленныя, т.-е. соединяющія въ себѣ производство съ розничной торговлей, должны разсматриваться при установленіи налога на занимаемую ими землю, какъ *предпріятія торгавыя*, такъ какъ изъ своего положенія

въ мѣстахъ болѣе высокой вообще земельной ренты они способны извлекать тѣ же преимущественныя выгоды, какъ и торговыя предпріятія. Сюда относятся такого рода заведенія, какъ, напр., типографіи, печатающія газеты, и всевозможныя скоропечатни, различныя мастерскія: портняжныя, сапожныя, столярныя, токарныя, слесарныя, живописцевъ вывѣсокъ и т. д. Для подобныхъ заведеній, конечно, имѣетъ значеніе ихъ мѣстоположеніе, изъ котораго они извлекаютъ земельную ренту; но они почти никогда не занимаютъ особыхъ корпусовъ и особаго участка земли.

Что касается обложенія лѣсныхъ угодій, нѣдръ земли и т. д., то въ разсмотрѣніе этого мы здѣсь вдаваться не видимъ нужды и возможности, такъ какъ самые способы пользованія этими благами, самыя формы ихъ социализаціи, еще совершенно не разработаны и не предрѣшены въ нашей литературѣ.

IX.

Способы выдѣленія земельной ренты.

До сихъ поръ мы занимались выясненіемъ тѣхъ теоретическихъ основаній, на которыхъ должно быть построено обложение социализированной земли. Мы выяснили, что будущіе пользователи общенародной земли необходимо должны уплачивать на общественныя нужды *земельную ренту*, что установленіе такого налога на землю является необходимымъ элементомъ социализаціи земли, ибо безъ его установленія невозможно реализовать всеобщее и равное право на землю. Мы рассмотрѣли также различныя условія и важнѣйшія формы проявленія земельной ренты.

Теперь передъ нами не менѣе важная задача: вложить реальное содержаніе въ понятіе „рентнаго обложенія“, облечь во плоть и кровь программное выраженіе: „рента путемъ спеціальнаго обложенія должна быть обращена на общественныя нужды“. Задача эта естественно распадается на двѣ части: во-первыхъ, надо выяснитъ, какимъ образомъ возможно *взять* въ видѣ налога *земельную ренту* (а не что-либо иное), и, во-вторыхъ, надо рѣшить, какимъ образомъ „обратить ренту на общественныя нужды“, т.-е. какимъ образомъ *распредѣлить* ее.

Первая часть задачи сводится къ вопросу о томъ, какимъ способомъ выдѣлить земельную ренту изъ общаго дохода пользователя земли? Трудности вполне точнаго выдѣленія ренты неоспоримы. Если онѣ не велики въ условіяхъ капиталистическаго, предпринимательскаго хозяйства или при налич-

ности капиталистических хозяйств на ряду съ трудовыми и потребительными, — то трудности эти представляются весьма значительными въ условіяхъ чисто трудового, а тѣмъ болѣе натурального хозяйства. И именно въ виду этихъ трудностей приходится слышать возраженія противъ взиманія ренты, въ качествѣ земельного налога, или же приходится встрѣчать полное пренебреженіе началами рентнаго обложенія со стороны нѣкоторыхъ авторитетныхъ лицъ, вполне стоящихъ на точкѣ зрѣнія нашей программы. Такого рода позиція представляется, однако, совершенно непонятной. Можно, какъ то дѣлаетъ, напр., С. Закъ, считать земельную ренту чуть ли не фиктивной категоріей дохода и въ силу этого пренебрегать самой идеей рентнаго обложенія. Можно не видѣть, не досмотрѣть принципиальной важности рентнаго обложенія и возражать противъ него съ точки зрѣнія практической выгоды, какъ то дѣлаетъ И. Грей. И та и другая позиція будетъ ошибочна, но понятна. Но тѣмъ людямъ, которые признають, что безъ рентнаго обложенія нельзя дѣйствительно уравнивать гражданъ въ правѣ на землю, тѣмъ, которые признають и громадное практическое значеніе обращенія ренты на общественныя нужды, — этимъ людямъ, повидимому, не приходится отказываться отъ проведенія въ жизнь принципа рентнаго обложенія изъ-за техническихъ трудностей выдѣленія ренты.

Въ самомъ дѣлѣ, что могли бы они предложить, оставаясь на своей точкѣ зрѣнія, вмѣсто рентнаго обложенія? Очевидно, они могли бы предложить только обложеніе cadastral участка, каждой единицы земли *сообразно ихъ доходности*. И, конечно, это должно было бы явиться вовсе не прогрессивно-подходящимъ обложеніемъ, такъ какъ на очень плохой землѣ хозяйство можетъ быть очень доходнымъ, и обратно; прогрессивно-подходящее обложеніе было бы равносильно отказу отъ спеціального земельного обложенія по доходности земли, было бы отказомъ отъ равнаго права на землю и отказомъ отъ своей точки зрѣнія тѣхъ людей, о мнѣніи которыхъ идетъ рѣчь. Но, въ такомъ случаѣ, установленіе налога на землю по ея доходности и возраженіе противъ *рентнаго* обложенія — это

просто боязнь экономических терминов. Конечно, при установлении рентнаго обложенія, земля будетъ облагаться по ея доходности, но насколько точно здѣсь будетъ отдѣляться земельная рента отъ другихъ видовъ дохода въ хозяйствѣ, это будетъ зависѣть всецѣло отъ того, съ какой степенью совершенства будетъ технически организовано земельное обложеніе ¹⁾. Идеаль, какъ извѣстно, вообще недостижимъ, и и разнаго рода практическія затрудненія всегда препятствуютъ проведенію въ жизнь чистаго принципа. При осуществленіи социализаціи земли неизбѣжно встрѣтятся во многихъ случаяхъ не меньшія, а можетъ-быть, и большія трудности для выполнѣнн точнаго проведенія провозглашенныхъ основнымъ закономъ началъ: взять хотя бы уравнительность въ распредѣленіи земли между волостями и уѣздами, — уравнительность, которой въ силу тѣхъ же практическихъ трудностей зачастую не достигаютъ и современныя несравненно болѣе мелкія и привычныя къ дѣлу земельно-распредѣлительныя единицы — общины. Такихъ затрудненій встрѣчается много вездѣ. При взиманіи того же прогрессивнаго или промысловаго налога или при обложеніи „занадѣльныхъ верховъ“ невозможно избѣгнуть также очень большихъ неточностей: и скрываніе плательщиками источниковъ и размѣра доходовъ, и постоянныя повышенія и пониженія дохода плательщиковъ при невозможности особенно частыхъ цензовъ и т. п. — все это никогда не позволитъ достигнуть совершенства и идеально осуществить цѣли

¹⁾ Не надо забывать, что вѣдѣ выдѣленіе *земельной ренты* какъ основы и для современнаго (земскаго) обложенія, является цѣлью и всѣхъ современныхъ оцѣночныхъ изслѣдованій. См. напр. замѣчаніе Н. Каблукова во II томѣ „Московской губ. по мѣстному изслѣдованію“. Въ главѣ „Основные данныя для установленія доходности различныхъ угодій“, на стран. 3-й 1-го вып. второго тома, Каблуковъ говоритъ: „при земельной оцѣнкѣ имѣется въ виду подойти насколько возможно близко къ опредѣленію доходности земли, а не вложеннаго въ нее капитала, иначе говоря, къ опредѣленію не прибыли, которая обыкновенно исчисляется на капиталъ, а къ опредѣленію того, что составляетъ земельную ренту“.

и прогрессивно-подоходнаго налога. Однако, все это, конечно, не может повлечь за собою отказа отъ проведенія въ жизнь указанныхъ нормъ или хотя бы упраздненія понятій и даже терминовъ подоходнаго обложенія и уравнительности. Точно такъ же невозможность на практикѣ исполнѣ и неуклонно точнаго выдѣленія земельной ренты изъ общаго дохода хозяйства, — невозможность этого въ силу техническихъ затрудненій и несовершенствъ, — рѣшительно ни въ какой степени не можетъ поколебать выставляемаго принципа.

Реальное содержаніе земельной ренты не скрываетъ въ себѣ ничего неяснаго и неуловимаго: земельная рента равна валовому доходу хозяйства минусъ издержки производства и минусъ предпринимательская прибыль на капиталъ. Чистый доходъ хозяйства приходится и придется опредѣлять для различныхъ цѣлей помимо земельного обложенія. Новая трудность заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы отдѣлить въ чистомъ доходѣ прибыль отъ ренты.

Въ условіяхъ капиталистическаго строя весь чистый доходъ капиталистовъ-предпринимателей, — промышленниковъ, торговцевъ, домовладѣльцевъ, сельскихъ хозяевъ и т. д., — когда хозяйство ихъ ведется на арендованной землѣ, представляетъ изъ себя предпринимательскую прибыль. Норма прибыли можетъ быть различной не только въ различныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, не только въ разрядахъ предпріятій по ихъ размѣрамъ, но и въ отдѣльныхъ хозяйствахъ одной отрасли и одного разряда; точная величина прибыли и ренты въ предѣлахъ чистаго дохода зависитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ соглашенія между капиталистомъ-предпринимателемъ и землевладѣльцемъ. Однако, конкуренція и законъ кочеванія капиталовъ изъ одной отрасли въ другую создаютъ, какъ извѣстно, тенденцію къ уравниванію прибылей на капиталы равныхъ размѣровъ въ различныхъ отрасляхъ хозяйства. Для того, чтобы какъ можно точнѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ опредѣлить ту сумму изъ чистаго дохода предпріятія, которую мы — примѣнительно къ условіямъ капиталистическаго хозяйства — мыслимъ, какъ прибыль на капиталъ, надо, по воз-

возможности, детальнѣе расчленивъ и расклассифицировать отдѣльные виды предпріятій и, руководствуясь современными отношеніями въ капиталистическихъ арендаторскихъ хозяйствахъ, опредѣлить среднюю, нормальную прибыль для каждаго вида предпріятій. Такой способъ опредѣленія прибыли не будетъ, съ одной стороны, въ конфликтѣ съ экономическимъ закономъ уравниванія прибыли, а напротивъ, будетъ идти съ нимъ въ ногу; съ другой стороны, онъ не будетъ искусственно уравнивать то, что на самомъ дѣлѣ вовсе не является равнымъ, а къ равенству чего существуетъ лишь тенденція въ капиталистическомъ строѣ; прибыль на капиталъ сильно колеблется по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства, и кромѣ того въ предпріятіяхъ, неодинаково снабженныхъ капиталомъ, процентъ прибыли такъ же далеко не одинаковъ, — въ крупныхъ, какъ болѣе совершенныхъ и приспособленныхъ, прибыль на единицу капитала больше, чѣмъ въ хозяйствахъ бѣдныхъ капиталомъ и несовершенно оборудованныхъ. Чѣмъ совершеннѣе расчленивъ виды предпріятій, тѣмъ точнѣе опредѣлится прибыль на капиталъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, и тѣмъ точнѣе выдѣлится въ предпріятіи земельная рента, какъ категорія дохода въ современныхъ капиталистическихъ отношеніяхъ. Земельной рентой будетъ чистый доходъ предпріятія минусъ средняя прибыль на капиталъ въ хозяйствахъ даннаго вида. Эта часть чистаго дохода (въ томъ случаѣ, если хозяинъ предпріятія не докажетъ, что она — или цѣликомъ, или въ какой-либо своей долѣ — является результатомъ особаго способа приложенія имъ капитала), и должна отбѣраться въ видѣ земельного налога.

Впрочемъ, что касается обложенія социализированной земли подъ торговыми помѣщеніями и жилыми домами, то здѣсь дѣло обстоитъ гораздо проще. Здѣсь будущее земельное управленіе, въ лицѣ соответствующихъ органовъ, вполне можетъ заступить мѣсто современныхъ землевладѣльцевъ: можетъ отводить землю подъ жилые дома и торговые предпріятія на тѣхъ же условіяхъ для предпринимателей, на какихъ теперь сдаютъ свои земли ихъ собственники, можетъ повышать и понижать зе-

мельный налогъ, руководствуясь тѣми же соображеніями и т. д.¹⁾. Разница будетъ лишь въ томъ, что теперь земли, не дающіе ренты подъ жилыми и торговыми помѣщеніями, землевладѣлецъ долженъ оставить безъ эксплуатаціи или эксплуатировать лично съ цѣлью получить предпринимательскую прибыль на капиталъ; у него нѣтъ основаній отдавать свою землю предпринимателю безвозмездно; послѣ социализаціи земли, напротивъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля подъ жилыми домами или торговыми помѣщеніями не можетъ дать ничего, кромѣ нормальной прибыли, тамъ она для данной цѣли должна отводиться безвозмездно. Ибо современная арендная плата, которую платятъ капиталисты — *домовладѣльцы, торговцы*, и т. п., равна земельной рентѣ; когда мѣсто землевладѣльцевъ заступитъ здѣсь земельное управленіе и возьметъ на себя ихъ роль, то налогъ на землю, вполнѣ аналогичный современной арендной платѣ, будетъ также равенъ земельной рентѣ и не чему иному. Прибыль же предпринимателей — для опредѣленія границъ безвозмезднаго пользования землей подъ жилыя и торговыя помѣщенія — здѣсь всегда можно установить путемъ вычета будущей арендной платы — налога тожъ — изъ валового дохода предпринимателей; при этомъ, конечно, для каждого разряда предпринимателей — домовладѣльцевъ, торговцевъ, владѣльцевъ ресторановъ, бань, и, съ другой стороны, мелкихъ, среднихъ, крупныхъ и т. д. — нормальная прибыль должна, по возможности, устанавливаться особо.

При установленіи налога на земли подъ промышленными предпріятіями и сельскимъ хозяйствомъ²⁾ будущее земельное управленіе не можетъ замѣстить современныхъ землевладѣльцевъ, ибо здѣсь современная арендная плата *вообще* не равна

¹⁾ Повторяемъ, фактически — надо думать — такое положеніе дѣлъ послѣ социализаціи земли едва ли сможетъ установиться на болѣе или менѣе продолжительное время: за социализаціей должна послѣдовать и муниципализація полная и частичная, ибо интересы трудящагося городского населенія настоятельно потребуютъ разрѣшенія квартирнаго вопроса.

²⁾ Подъ послѣднимъ здѣсь разумѣется крестьянское, трудовое хозяйство.

земельной рентѣ; здѣсь необходимо, поэтому, отдѣлять въ чистомъ доходѣ ренту отъ прибыли указаннымъ выше способомъ, т.-е. для установленія нормы прибыли въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ или въ отдѣльныхъ видахъ предпріятій пользоваться современными капиталистическими арендаторскими хозяйствами. Что касается земли подъ промышленными предпріятіями, то здѣсь сдача ея предпринимателямъ на современныхъ коммерческихъ основаніяхъ часто была бы равносильна установленію акциза на товары. Поскольку послѣднее недопустимо, постольку и необходимо при социализаціи земли освободить промышленниковъ отъ арендной платы, которую они несутъ теперь и которая, лишь иногда и въ незначительной долѣ являясь земельной рентой, обыкновенно входитъ въ цѣну производства товаровъ и удорожаетъ ихъ. Освободивъ промышленниковъ отъ арендной платы, ихъ земли должно обложить лишь въ той мѣрѣ, въ какой доходъ каждаго отдѣльнаго предпринимателя превышаетъ нормальную прибыль, установленную для даннаго подраздѣленія предпріятій, — и притомъ, если этотъ излишекъ въ доходѣ не обусловливается, какъ мы говорили, особымъ способомъ приложенія капитала, что предпринимателю предоставляется доказывать. Для возможно болѣе точнаго опредѣленія нормальной прибыли предпріятія надо брать какъ можно меньшія группы какъ можно болѣе сходныхъ между собою арендаторскихъ хозяйствъ отдѣльныхъ отраслей промышленности: при невозможности опредѣлить нормальную прибыль для какой-либо группы въ силу отсутствія или недостаточности количества принадлежащихъ къ ней арендаторскихъ хозяйствъ — на эту группу должно распространяться опредѣленіе нормальной прибыли для болѣе обширной группы соответствующихъ предпріятій: такъ, при недостаткѣ предпріятій шелковой промышленности, расположенныхъ на арендованной землѣ, и размѣромъ, примѣрно, менѣе 100 чел. рабочихъ, нормальная прибыль для этихъ предпріятій должна считаться равной нормальной прибыли въ предпріятіяхъ до 1000 чел. рабочихъ, при недостаткѣ послѣднихъ — въ шелковой промышленности вообще и т. д.

Въ той мѣрѣ, въ какой акцизъ на какіе-либо продукты промышленности представляется допустимымъ, — земельное управленіе можетъ и должно брать на себя роль современныхъ земельныхъ собственниковъ и практиковать сдачу промышленникамъ земли на коммерческихъ основаніяхъ.

Для отдѣленія земельной ренты отъ прибыли на капиталъ *въ сельскомъ хозяйствѣ* точно такъ же необходимо руководствоваться нормой прибыли, получаемой въ земледѣліи арендаторами-капиталистами. Въ случаѣ невозможности опредѣлить нормальную прибыль для земледѣлія по чистому доходу послѣднихъ — въ силу недостатка соотвѣствующихъ предпріятій, — на сельскохозяйственную промышленность, эту наиболѣе обширную отрасль народнаго хозяйства въ Россіи, должно распространить среднюю прибыль всѣхъ отраслей хозяйства страны. Этотъ средній процентъ прибыли необходимо оставлять въ будущемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, излишекъ же обращать, путемъ обложенія, на общественныя нужды. *При этомъ ясно, что установленіе опредѣленнаго процента прибыли для будущихъ земледѣльческихъ хозяйствъ на практикѣ сведется просто къ повышенной оцѣнкѣ труда противъ обычной нормы, при чемъ эта оцѣнка должна устанавливаться въ законодательномъ порядкѣ.* Здѣсь будущее земельное управленіе точно такъ же не можетъ стать на мѣсто современнаго землевладѣльца, не можетъ сдавать земледѣльцамъ землю на коммерческихъ основаніяхъ, такъ какъ и здѣсь арендная плата не равнялась бы рентѣ: дѣло тутъ уже не въ установленіи акциза на земледѣльческіе продукты, а въ неизбѣжности эксплуатаціи земледѣльца и отобранія у него прибавочнаго труда въ видѣ арендной платы или земельного налога въ томъ случаѣ, если бы земля отводилась ему на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и домовладѣльцу или торговцу: послѣдніе, какъ предприниматели-капиталисты, отдадутъ за землю только ренту — не больше, земледѣлецъ же, для котораго его участокъ можетъ имѣть въ будущемъ строѣ лишь потребительно-трудовое значеніе, отдастъ за него, если потребуютъ, и ренту и прибавочный трудъ, какъ отдаетъ ихъ, да еще съ избыткомъ

и теперь; между тѣмъ прибавочный трудъ земледѣльца и безъ этого будетъ попадать въ руки капиталиста-торговца, а иногда и ростовщика.

Возникаетъ, однако, вопросъ, можетъ ли норма прибыли, установленная на основаніи тѣхъ отношеній, которыя существовали въ эпоху частнаго землевладѣнія, считаться дѣйстви-тельной и на все будущее время? Вѣдь норма прибыли вообще измѣничива въ однихъ и тѣхъ же хозяйствахъ и, вообще, какъ извѣстно, имѣетъ тенденцію къ пониженію. Есть ли основаніе руководствоваться установленной до реформы нормой прибыли для выдѣленія земельной ренты на все время послѣ социализаціи земли? Между тѣмъ, примѣнительно къ обложенію земли подъ промышленными предпріятіями и подъ сельскимъ хозяйствомъ (земель подъ жилыми и торговыми помѣщеніями это не касается), для опредѣленія нормы прибыли тогда уже, по-видимому, не будетъ точки опоры.

Несомнѣнно, норма прибыли будетъ мѣняться, и выдѣлять изъ чистаго дохода хозяйства земельную ренту, на основаніи разъ навсегда установленной нормы прибыли, будетъ неправильно: это будетъ обычно уменьшать земельную ренту, увеличивая процентъ прибыли. Для установленія дѣйствительной нормы прибыли послѣ социализаціи земли необходимо будетъ, поэтому, руководствоваться измѣненіями и колебаніемъ процента прибыли *на торговый капиталъ* и на капиталъ, *вложенный въ жилые дома*, и эти колебанія распространять на иные виды предпріятій. Правда, этотъ способъ опредѣленія нормальной прибыли для отдѣльныхъ хозяйствъ—хотя и былъ бы совершенно правильнымъ съ точки зрѣнія экономической науки—на практикѣ не являлся бы достаточно совершеннымъ; но болѣе точному опредѣленію процента прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ способствуетъ еще одно обстоятельство, а именно: значительное большинство промышленныхъ предпріятій, какъ мы знаемъ, земельной ренты не получаютъ, не будутъ получать ея и послѣ социализаціи земли, и чистый доходъ этихъ предпріятій будетъ цѣликомъ ихъ прибылью. Какія именно изъ промышленныхъ предпріятій полу-

чаютъ и не получаютъ ренты, это будетъ установлено во время перваго ценза, на основаніи дореформенной нормы прибыли. Конечно, относительная выгода въ расположеніи предпріятія на томъ или иномъ участкѣ земли можетъ измѣняться, и предпріятіе, не имѣвшее раньше земельной ренты, съ перемѣщеніемъ, напр., рынка, можетъ получить ее, и наоборотъ. Но, во-первыхъ, для промышленныхъ предпріятій это будетъ имѣть мѣсто въ исключительныхъ случаяхъ; во-вторыхъ, такое относительное измѣненіе условій для предпріятія можетъ всегда подлежать учету, разъ положеніе даннаго хозяйства было уже заранѣе установлено. Если предшествующимъ цензомъ установлено, что данная группа предпріятій не получаетъ земельной ренты и весь чистый доходъ ея есть прибыль на капиталъ, то какъ бы этотъ чистый доходъ ни колебался въ своемъ размѣрѣ, онъ будетъ представлять изъ себя *норму прибыли* для всѣхъ однородныхъ предпріятій *до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ быть наименьшимъ чистымъ доходомъ* въ этихъ предпріятіяхъ; и при помощи этой нормы прибыли будетъ выдѣляться земельная рента. Если же въ другой мѣстности появилась группа однородныхъ хозяйствъ съ еще болѣе низкой нормой *чистаго дохода* — будь эти хозяйства вновь появившіяся или же существовавшія и раньше, — то ясно, что норма чистаго дохода этой *второй* группы стала *нормой прибыли* для всѣхъ однородныхъ хозяйствъ; хозяйства же первой группы стали получать земельную ренту: слѣдовательно, земли подъ второй группой надлежитъ освободить отъ налога, который онѣ несли, земли же подъ первой группой хозяйствъ обложить налогомъ въ размѣрѣ излишка ихъ чистаго дохода надъ новой нормой прибыли. Иногда такимъ же образомъ можетъ быть установлено измѣненіе нормы прибыли и въ сельскомъ хозяйствѣ; вообще же послѣ социализации земли норму прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ должно устанавливать пропорціонально колебаніямъ средней нормы прибыли въ странѣ.

До сихъ поръ мы разсматривали способы выдѣленія земельной ренты примѣнительно къ различнымъ отраслямъ *многого* хозяйства. Но установленіе налога на земли, занятые сель-

скимъ хозяйствомъ, значительно осложняется тѣмъ, что хозяйство трудовыхъ земледѣльцевъ — какъ есть теперь, такъ останется и послѣ социализаціи земли, хозяйствомъ въ громадной степени натуральнымъ: какъ извѣстно, повсюду весьма большой процентъ хлѣба производится въ крестьянскомъ хозяйствѣ не для продажи, а потребляется на мѣстѣ. И надо замѣтить при этомъ, что теперь продажа хлѣба крестьянами является, почти безъ исключенія, вынужденной, въ ущербъ сколько-нибудь сносному питанію земледѣльческаго населенія. Несомнѣнно, что процентъ обращающагося на рынкѣ и вывозимаго за границу русскаго хлѣба сильно сократится по мѣрѣ демократическихъ и социальныхъ завоеваній, — исчезнетъ такое ненормальное явленіе, какъ покупка крестьянами ими же продаваемаго хлѣба, и въ данномъ отношеніи „денатурализація“ крестьянскаго хозяйства не только не усилится, но непременно пойдетъ назадъ. По крайней мѣрѣ, временно, меньшій процентъ хлѣба, получаемого въ крестьянскомъ хозяйствѣ, будетъ поступать на рынокъ, и меньшій процентъ хозяйствъ въ меньшей степени будетъ заинтересованъ въ цѣнахъ на продукты земли. Поскольку послѣдніе будутъ оставаться и потребляться въ производящихъ ихъ хозяйствахъ, постольку на образованіе земельной ренты въ этихъ хозяйствахъ можетъ вліять исключительно качество почвы и другія *естественныя* условія: ни близость къ рынку здѣсь не можетъ дать никакихъ преимуществъ, ни убывающая производительность послѣдовательныхъ затратъ не можетъ въ *потребительно-трудовомъ* хозяйствѣ послужить причиной образованія ренты. Здѣсь не имѣетъ мѣста и образованіе прибавочнаго труда, а слѣдовательно, и предпринимательской прибыли; такъ какъ здѣсь не мыслится никакой чистый доходъ за отсутствіемъ основанийъ для денежной оцѣнки продукта, который всегда представится, независимо отъ количества составляющихъ его единицъ, эквивалентомъ денежныхъ затратъ на его добываніе. Крестьяне — петербургскій и пермскій, если добываніе пуда хлѣба имъ стоитъ одинаково, и если они производятъ хлѣбъ для собственнаго потребленія, — одинаково и цѣнятъ пудъ хлѣба только со-

образно съ затратами, хотя при продажѣ одинаковаго количества хлѣба петербургскій крестьянинъ выручилъ бы вдвое больше денегъ, нежели пермскій. Это все значить, что указанный выше способъ выдѣленія земельной ренты (посредствомъ вычета изъ чистаго дохода нормальной прибыли на капиталъ), примѣнительно къ натуральному или полунатуральному хозяйству — непригоденъ ¹⁾.

Для опредѣленія ренты въ земледѣльческихъ хозяйствахъ, поскольку они производятъ продукты для собственного потребления, надлежитъ, по установленіи стоимости производства продукта, оставляемаго въ хозяйствѣ, отыскать наименьшее изъ существующихъ количество продукта, получаемаго на единицу труда и капитала, и считать эту наивысшую стоимость даннаго продукта нормальной его стоимостью; все же излишнее количество его, получаемое на другихъ земляхъ при тѣхъ же затратахъ, должно считаться рентой съ этихъ земель и отбираться въ видѣ земельного налога.

Въ сущности этотъ способъ опредѣленія ренты — съ другого конца — посредствомъ отысканія наименѣе благопріятно расположенныхъ хозяйствъ вообще напрашивается самъ собою, будучи, такъ сказать, болѣе естественнымъ. Но на практикѣ онъ, несомнѣнно, оказался бы гораздо болѣе сложнымъ да и менѣе совершеннымъ; а въ сельскомъ хозяйствѣ, въ виду сплетенія здѣсь различныхъ факторовъ, вліяющихъ на образованіе ренты, одинъ этотъ способъ оказался бы и вовсе не достигающимъ цѣли. Въ данномъ же случаѣ, когда мы изолировали одинъ только факторъ образованія ренты — естественныя свойства земли, этотъ способъ выдѣленія ренты въ сельскомъ

¹⁾ Несмотря на это, доходность крестьянскихъ земель опредѣляется въ общенныхъ работахъ на основаніи существующихъ рыночныхъ цѣнъ. Это, конечно, въ прямой ущербъ равномерности обложенія, но этотъ столь трудно устранимый недостатокъ общенной статистики нисколько не умаляетъ громаднаго практическаго значенія общенныхъ изслѣдованій. Устраненіе этого недостатка для насъ въ данномъ случаѣ не болѣе важно, чѣмъ и для правильной постановки современнаго земскаго обложенія.

хозяйствѣ, поскольку оно производитъ продукты для собственного потребленія, является и единственно пригоднымъ и вполне возможнымъ.

Кромѣ наивысшей стоимости производства земледѣльческаго труда или — другими словами — кромѣ земли, на которой земледѣльческій трудъ является наименѣе производительнымъ, надо опредѣлить еще обычный % процентъ продукта, оставляемаго въ хозяйствѣ для собственного потребленія и отправляемаго на рынокъ. Въ хозяйствѣ крестьянина остаются земледѣльческіе продукты, предназначаемые почти исключительно для продовольствія семьи и для корма скота: хлѣба, картофеля, сѣно посѣвныхъ и естественныхъ трав¹⁾. Но затрудненіе состоитъ въ томъ, что въ разныхъ хозяйствахъ могутъ потребляться и въ различныхъ мѣстностяхъ дѣйствительно потребляются крестьянами *разные* продукты земледѣлія. При поставкѣ всѣхъ этихъ продуктовъ на рынокъ, качество земель, на которыхъ они воздѣлываются, легко бы обнаружилось, такъ какъ различныя затраты на добываніе этихъ различныхъ продуктовъ измѣнялись бы одинаковыми денежными единицами, при чемъ каждая денежная единица служила бы здѣсь не эквивалентомъ единицы затратъ, а эквивалентомъ *единицы продукта*, независимо отъ затратъ. При потребленіи же продуктовъ на мѣстѣ ихъ добыванія, для того чтобъ обнаружить качества земли подъ различными продуктами, — въ виду невозможности измѣрить соотношеніе между затратами и ихъ результатами посредствомъ *денежныхъ* единицъ, платимыхъ за продукты на рынкѣ, — необходимо для установленія общей

¹⁾ Оставляется, правда, въ крестьянскомъ хозяйствѣ еще, напр., и ленъ, но въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ и въ такомъ незначительномъ количествѣ, что при оцѣнкѣ земель этимъ признакомъ „натуральности“ хозяйство можно смѣло пренебречь и оцѣнивать земли подо льномъ подобно существующимъ рыночнымъ цѣнамъ на него. Кромѣ того, несомнѣнно, что въ данномъ отношеніи съ введеніемъ нашей экономической жизни въ нормальныя условія крестьянское хозяйство до конца денатурализуется.

единицы измѣренія уравнивать оставляемые въ хозяйствѣ земледѣльческіе продукты *по ихъ потребительнымъ достоинствамъ*: качество земли опредѣлится здѣсь соотношеніемъ между затратами земледѣльца для полученія продукта и степенью удовлетворенія его соотвѣтствующихъ потребностей. При разнообразіи продуктовъ, оставляемыхъ въ хозяйствѣ, и при разнообразіи почвенныхъ условій, которыя въ одно и то же время могутъ явиться и лучшими и худшими, — смотря по воздѣлываемому продукту, *наихудшую* землю можно было бы установить только по отношенію къ культурѣ на ней отдѣльныхъ продуктовъ; можно было бы установить землю *наихудшую* изъ опредѣленнаго цикла земель, иногда, слѣдовательно, *наихудшую* изъ лучшихъ, но не *наихудшую* вообще. Для установленія земельного налога этого, конечно, недостаточно, такъ какъ на многихъ изъ такихъ *наихудшихъ* земель трудъ окажется сравнительно производительнымъ въ виду различныхъ потребительныхъ достоинствъ разныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Поэтому, руководствуясь данными физиологіи о потребительныхъ достоинствахъ каждаго продукта, надо перевести на какой-либо одинъ продуктъ, и, лучше всего, конечно, на рожь, какъ хлѣбъ, и занимающій громадный процентъ всей посѣвной площади Россіи, и наиболѣе часто употребляемый для продовольствія крестьянъ. По даннымъ Центр. Статист. Ком. объ урожаѣ хлѣбныхъ за 1905 годъ посѣвъ ржи занималъ въ этомъ году 40,2% всей площади посѣва продовольственныхъ хлѣбныхъ по 72 губ. и областямъ Россіи; тогда какъ посѣвъ яровой и озимой пшеницы занималъ только 34,3% этой площади, посѣвъ ячменя — 13,9%, а каждый изъ остальныхъ продовольственныхъ хлѣбныхъ занимаетъ совершенно ничтожный процентъ посѣвной площади¹⁾. Что касается потребительныхъ достоинствъ всѣхъ этихъ хлѣбныхъ, то если питательные элементы единицы ржи мы примемъ за 100, — въ единицѣ гороха ихъ будетъ 131, въ единицѣ пшеницы — 103, кукурузы — 101, полбы — 99, ячменя — 97, овса — 96, проса — 94, гречихи — 88, и, наконецъ, въ еди-

¹⁾ См. Сборъ хлѣбныхъ и сѣна въ 1905 г. Центр. Ст. Ком. С.-Пб. 1906.

ницѣ картофеля питательныхъ элементовъ будетъ только 19¹⁾. Конечно, кромѣ химическаго состава отдѣльныхъ продуктовъ земли, при опредѣленіи ихъ поребительныхъ достоинствъ, должна приниматься въ расчетъ и ихъ усвояемость. Впрочемъ, такъ какъ дѣло идетъ объ уравненіи только различныхъ хлѣбовъ, то сколько-нибудь значительныхъ колебаній здѣсь быть не можетъ, — принимая во вниманіе, что картофель не можетъ и не *будетъ* считаться самостоятельнымъ продовольственнымъ хлѣбомъ²⁾. Единицу ржи можно назвать продовольственной единицей, которая, такимъ образомъ, будетъ равна, напр., одному пуду ржи, 0,97 пуда пшеницы, 1,03 пуда ячменя и т. д. Слѣдовательно, для опредѣленія земельной ренты, получаемой въ сельскомъ хозяйствѣ, поскольку оно производитъ продукты для собственнаго потребленія, надо отыскать земли, требующія наибольшихъ затратъ для *полученія продовольственной единицы*: эти земли надо считать не дающими ренты земледѣльцу (опять-таки, когда онъ не выноситъ продуктовъ на рынокъ, — въ противномъ случаѣ вопросъ о полученіи ренты съ этихъ земель остается открытымъ), весь же излишекъ продукта сверхъ продовольственной единицы, который получается съ другихъ земель въ результатъ тѣхъ же затратъ, долженъ фиксироваться, какъ земельный налогъ. Ясно, что въ сельскомъ хозяйствѣ придется почти безъ исключенія опредѣлять земельную ренту одновременно обоими указанными способами: и посредствомъ начисленія опредѣленнаго процента предпринимательской прибыли на капиталъ и вычета этой прибыли изъ чистаго дохода хозяйства, и посредствомъ вычета изъ земледѣльческаго продукта, полученнаго на данномъ участкѣ земли, того наименьшаго количества продовольственныхъ единицъ, которое добывается съ другого (наихудшаго) участка при одинаковыхъ затратахъ на него.

¹⁾ Данные д-ра König'a, взятые нами изъ ст. Марреса въ сборникѣ „Вліяніе урожаевъ“ и т. д.

²⁾ Подъ посѣвомъ картофеля было занято въ періодъ 1900—1904 гг. всего 3443 тыс. дес., т.-е. 2,9% всей посѣвной площади.

Оставленіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ земледѣльческихъ продуктовъ, предназначенныхъ не для потребленія семьи, а для корма скоту не можетъ ничего прибавить къ нашимъ разсужденіямъ о практическихъ способахъ выдѣленія ренты. Кормовые продукты, какъ разнаго рода сѣно, овесъ (иногда, впрочемъ, служащій продовольственнымъ хлѣбомъ), кормовая свекла и т. п. — все это продукты, имѣющіе не продовольственное, а хозяйственное значеніе; они могутъ быть разсматриваемы, какъ элементъ сельскаго хозяйственнаго капитала, затрачиваемаго земледѣльцемъ, и различная производительность труда при добываніи такого рода продуктовъ не создаетъ земельной ренты: если на однихъ земляхъ трудъ по добыванію сѣна или овса для корма собственному скоту болѣе производителенъ, чѣмъ на другихъ земляхъ, — это означаетъ только то, что стоимость производства продуктовъ *для потребленія семьи* или *для продажи* въ тѣхъ мѣстахъ ниже, что капиталъ здѣсь затрачивается меньшій и что предпринимательская прибыль въ этихъ хозяйствахъ будетъ, абсолютно, меньшихъ размѣровъ. Правда, стоимость производства кормовыхъ продуктовъ влияетъ на стоимость *молочныхъ и мясныхъ* продуктовъ, потребляемыхъ крестьянской семьей, — и здѣсь болѣе дешевое содержаніе, напр., коровы, поскольку отъ нея берется *именно молоко и мясо*, (а не навозъ), даетъ уже хозяйству ренту. Но эта рента, если принять во вниманіе, что вообще стоимость содержанія скота находится въ непосредственной зависимости отъ *формъ хозяйства*, должна считаться совершенно ничтожной и на общіе размѣры земельной ренты въ хозяйствѣ не можетъ оказывать никакого вліянія. При установленіи нормъ земельного налога такого рода преимущества однихъ хозяйствъ передъ другими могутъ приниматься во вниманіе лишь въ особо выдающихся случаяхъ, что не нанесетъ никакого ущерба правильной организаціи земельного обложенія.

Таковы практическія основанія, таковы общія директивы, которыми, думается намъ, надлежитъ руководствоваться при установленіи рентнаго налога на землю. Но, конечно, *всѣми* этими директивами надлежитъ руководствоваться съ точки

зрѣнія идеально точнаго выдѣленія ренты, съ цѣлью достиженія идеальнаго равенства въ осуществленіи права на землю. На практикѣ многія изъ поставленныхъ выше требованій могутъ быть не достигнуты, что, конечно, не можетъ послужить аргументомъ противъ необходимости достигать на данномъ пути какъ можно большаго.

Итакъ, для опредѣленія размѣра налога съ cadaго участка земли, надо привести въ извѣстность: 1) нормальныя годовыя затраты капитала или нормальную стоимость производства годового продукта cadaго предпріятія каждой отрасли народнаго хозяйства; 2) нормальный валовой доходъ cadaго предпріятія; 3) чистый доходъ ихъ; 4) норму прибыли на капиталъ въ отдѣльныхъ группахъ какъ можно болѣе сходныхъ между собою (во всѣхъ отношеніяхъ) предпріятій; и для опредѣленія земельной ренты въ потребительно-трудовыхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, поскольку продукты остаются въ нихъ для собственнаго потребленія — 5) обычный процентъ оставляемаго въ хозяйствѣ продукта, и 6) наименьшее, въ силу естественныхъ качествъ земли, отношеніе между количествомъ продовольственныхъ единицъ, полученныхъ съ единицы земли, и размѣрами вложеннаго въ землю для полученія ихъ капитала. Посредствомъ всѣхъ этихъ данныхъ можетъ быть легко опредѣлено съ cadaго участка земельная рента. Для установленія же самыхъ этихъ данныхъ должна быть произведена громадная статистическая работа.

Передъ трудностью этой работы останавливаться, однако, не приходится, хотя бы потому, что практика уже успѣла показать, какъ продуктивна можетъ быть такая работа при надлежащей постановкѣ. Правда, мы видѣли, что принятый почти во всѣхъ нашихъ земствахъ такъ наз. подесятинный учетъ доходности земель для нашей цѣли можетъ оказаться недостаточнымъ. Ибо при такого рода оцѣнкѣ, когда отдѣльныя угодья выдѣляются изъ всего строя хозяйства и рассматриваются, какъ совершенно самостоятельная отрасль производства, бываетъ неизбѣжно прибѣгать къ такимъ условностямъ, которыя сильно повредили бы правильности выдѣленія ренты:

при подесятинномъ учетѣ предполагается, что, съ одной стороны, всѣ продукты хозяйства *поступаютъ на рынокъ* и приносятъ хозяину доходъ соответственно существующимъ рыночнымъ цѣнамъ; съ другой же стороны предполагается, что всѣ средства производства и продовольствія приобретаются хозяйствомъ также на рынкѣ. Въ конкретныхъ условіяхъ социализаціи земли такого рода условности неизбѣжно повлекутъ за собой неравномѣрность и несправедливость въ земельномъ обложеніи. Но дѣлавшіяся въ единичныхъ земствахъ попытки иного — *похозяйственного* учета доходности земель могутъ дать для нашей цѣли вполне удовлетворительные результаты, и позволятъ выдѣлить земельную ренту съ достаточной точностью. При „похозяйственномъ“ учетѣ (попытка произвести который была сдѣлана, напр., А. В. Пѣшехоновымъ по Козельскому у. Калужской губ.) къ упомянутымъ условностямъ прибѣгать уже нѣтъ нужды: доходность каждого угодья, не выдѣляемого здѣсь изъ всего хозяйственного организма въ цѣломъ, опредѣляется въ той конкретной обстановкѣ, въ которой въ дѣйствительности здѣсь протекаетъ весь хозяйственный процессъ. Неизбѣжнымъ условіемъ такого рода учета является сплошное статистическое описаніе всѣхъ хозяйствъ и такого рода бюджетное изслѣдованіе, которое „должно охватить не только всѣ стороны экономической дѣятельности, начиная съ производства и кончая обмѣномъ и потребленіемъ, но и всю социально-экономическую обстановку данной хозяйственной единицы“¹⁾. Похозяйственный учетъ доходности, будучи, правда, несравненно болѣе дорогимъ и сложнымъ, чѣмъ учетъ подесятинный, тѣмъ не менѣе вполне осуществимъ въ будущихъ условіяхъ; а онъ и дастъ возможность установить всѣ — за исключеніемъ указанныхъ пунктомъ 4-мъ данныя, требуемыя для опредѣленія ренты. Для сельскаго хозяйства

¹⁾ См. „Нормы для оцѣнки пашни“ въ Мат. для оцѣнки земли въ Вологодской губ. т. 1, Грязовецкій у., ч. II, стр. 47. Бюджетное изслѣдованіе было произведено, какъ извѣстно, по нѣкоторымъ мѣстностямъ Воронежской губ., а также по тремъ уѣздамъ Вятской губ. при повторномъ изслѣдованіи ихъ и по др. мѣстностямъ.

принятый въ настоящее время учеть „по нормамъ“ для нашей цѣли будетъ вполне достаточенъ (за невозможностью здѣсь индивидуальнаго учета, который можетъ быть, впрочемъ, производимъ въ особыхъ случаяхъ); такъ же какъ, согласно предыдущему, и прибыль на капиталъ будетъ опредѣляться вообще „по нормѣ“. Что же касается оцѣнки земель подъ постройками и усадьбами для промышленныхъ и т. п. помѣщений, то здѣсь вообще могутъ быть производимы и индивидуальные оцѣнки. Разработка единообразной программы изслѣдованій для отдѣльныхъ отраслей хозяйства и детальная выработка наиболѣе рациональныхъ техническихъ приѣмовъ изслѣдованій, наиболѣе отвѣчающихъ своему назначенію, — должны составить самостоятельную задачу специалистовъ.

Что касается оцѣнки *труда* въ будущемъ сельскомъ хозяйствѣ, то трудъ земледѣльца долженъ повсемѣстно оцѣниваться *одинаково*, при чемъ основаніемъ для оцѣнки единицы рабочаго времени должна служить средняя въ странѣ оплата единицы рабочаго времени наемнаго рабочаго, квалифицированного и неквалифицированного.

Мѣстные изслѣдованія, конечно, будутъ производиться органами городского и мѣстнаго самоуправления. Отсюда матеріалы должны поступать въ центральное земельное управленіе для установленія 1) нормальной прибыли для каждого подраздѣленія предпріятій, 2) средней заработной платы, соответствующей единицѣ рабочаго времени, и 3) наивысшей стоимости производства продовольственной единицы. На основаніи этихъ установленныхъ нормъ органы самоуправления опредѣляютъ нормальную земельную ренту съ cadaго участка земли, т.-е. устанавливають размѣры земельного налога.

Каждый пользователь общественной земли долженъ имѣть право обжаловать установленный на его землю налогъ въ высшую земельную инстанцію и приводить доказательства нерентабельнаго происхожденія его дохода.

При этомъ мельчайшая земельная единица, непосредственно вѣдающая уравнительное распредѣленіе земли *между земледѣльцами* (что бы она ни представляла изъ себя юридически и

территориально), должна самостоятельно разверстывать между хозяйствами слѣдующую со всей территории сумму земельного налога.

Основанія къ тому можно привести слѣдующія. Общая сумма земельного налога, который поступитъ на общественныя нужды съ данной территории, здѣсь будетъ равна земельной рентѣ съ нея; но сумма налога, платимаго отдѣльными хозяевами въ предѣлахъ этой территории, можетъ иногда отклоняться отъ размѣра земельной ренты, получаемой хозяиномъ того или иного надѣла, — можетъ отклоняться не въ силу техническихъ трудностей выдѣленія ренты, а въ силу нѣкоторыхъ особыхъ основаній, которыя могутъ быть приняты земельно-распределительной единицей для разверстанія налога между домохозяевами. Однако, въ данномъ случаѣ это возможное отклоненіе размѣровъ земельного налога, платимаго отдѣльными земледѣльцами, отъ размѣровъ получаемой ими ренты, не только не пойдетъ въ разрѣзъ съ тѣми формами земельного обложенія, которыя мы пытаемся обосновать, не только не вступитъ въ конфликтъ съ принципиальными основами социализаціи земли, не только не будетъ несправедливымъ, — но наоборотъ, эта независимость мельчайшей земельно-распределительной единицы въ дѣлѣ распределенія внутри себя установленнаго для нея земельного налога — именно для наилучшаго осуществленія принциповъ социализаціи земли, именно для достиженія наибольшей справедливости — можетъ сдѣлать то, чего не въ силахъ добиться никакая внѣшняя регламентація. Дѣло въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что одни земледѣльческіе дворы могутъ имѣть и имѣютъ экономическія преимущества передъ другими въ силу своего *семейнаго состава*. При передѣлахъ земли по фдокамъ, многорабочіе дворы по самому своему составу получаютъ какъ бы особаго рода ренту передъ дворами малорабочими — со столькимъ же приблизительно количествомъ фдоковъ: малорабочіе дворы, при обработкѣ надѣла на всѣхъ фдоковъ, могутъ оказаться въ положеніи довольно затруднительномъ. Это нежелательно со стороны распределенія. Съ другой стороны, — со стороны про-

изводства, надѣленіе cadaго двѣка въ каждомъ дворѣ равнымъ количествомъ разнокачественной земли со всѣми прочими соотвѣтствующими¹⁾ двѣками — также не желательно: ибо, какъ извѣстно, практикуемое въ современной общинѣ для этой цѣли раздѣленіе земли сообразно ея качеству на коны и ярусы и надѣленіе каждой души полосой изъ cadaго яруса влечетъ за собой такое вредное для хозяйства явленіе, какъ черезполосица и мелкополосица. И надо замѣтить, что наша современная община, стремясь, съ одной стороны, достигнуть — не стѣняясь никакими формальными соображеніями — максимальной справедливости въ сферѣ распредѣленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно за послѣднее время, обнаруживаетъ стремленіе всѣми возможными способами избавиться отъ черезполосицы — въ интересахъ производства. Соотвѣтственно этому, мы должны разсчитывать, что будущая мельчайшая земельно-распредѣлительная единица, которая сможетъ, подобно современной общинѣ, учитывать всю совокупность характерныхъ признаковъ cadaго двора, будетъ зачастую надѣлять двѣка малорабочей семьи *меньшимъ количествомъ лучшей земли*, многорабочему же двору, который легко справится съ большимъ надѣломъ, можетъ отводиться въ соотвѣтственно большемъ количествѣ худшая земля; земельный же налогъ на каждую единицу земли можетъ распредѣляться равномерно. Этимъ будетъ достигнута и та высшая справедливость въ распредѣленіи земельныхъ угодій, которую стремится осуществить социализація земли, — и та выгода, которая получается отъ расположенія надѣла въ одномъ или очень немногихъ участкахъ. Правда, какъ мы знаемъ, компенсировать качество земли количествомъ ея нельзя никогда, и отвлеченно здѣсь малорабочій дворъ на лучшей землѣ будетъ находиться въ лучшемъ положеніи, ибо онъ съ меньшими затратами добудетъ тотъ же продуктъ; но каждый работникъ здѣсь вложитъ въ землю одинаковое количество труда для одинаковаго удовлетворенія потребностей, и равное право работниковъ на

¹⁾ Главнымъ образомъ — по возрасту, иногда и по полу.

землю — въ силу самодѣтельности и инициативности самой передѣльной единицы — здѣсь будетъ осуществлено самымъ совершеннымъ образомъ.

Опасаться обратныхъ результатовъ этой самодѣтельности будущаго передѣльнаго органа, т.-е. опасаться несправедливости въ распредѣленіи имъ налога между домохозяевами не приходится при наличности права обжалованія.

формы рентнаго обложенія.

Какъ осталось теперь намѣтить рѣшеніе вопроса о томъ, что значить „обратить ренту на общественныя нужды“, т.-е. „чьимъ правомъ должно быть специальное рентное обложеніе: самого ли государства, общинъ ли, либо болѣе крупныхъ общественныхъ коллективовъ“? Словомъ, какимъ образомъ надлежитъ *распределить* земельную ренту и въ какихъ формахъ осуществить всеобщее и равное право на нее?

При разборѣ мнѣній И. Грея, мы уже встрѣтились съ существенными возраженіями противъ извѣстныхъ формъ рентнаго обложенія, а именно противъ отобранія земельной ренты отъ держателей земли „въ пользу казны“. Дѣло здѣсь, какъ я уже высказывалъ свое мнѣніе, не въ томъ, что государство „получить въ свои руки новыя громадныя денежныя ресурсы, станетъ независимымъ въ бюджетѣ отъ народнаго представительства и приобрѣтетъ новую могущественную власть надъ населеніемъ, предоставляя льготы при сдачѣ земли однимъ и устраняя отъ землепользованія или ставя болѣе суровыя условія другимъ“ (см. Грей, стран. 76); подобныя утвержденія можно дѣлать, лишь имѣя совсѣмъ неясныя представленія о социализаціи земли, какъ о всеобщемъ и равномъ правѣ на землю, *огражденномъ основнымъ закономъ*, а также совершенно не считаясь съ политическими условіями ея осуществленія; подобные аргументы можно было бы оставить по принадлежности товарищамъ социаль-демократамъ, какъ послѣднее

средство очернить и уничтожить въ глазахъ рабочаго народа нашу партію и ея программу ¹⁾). Но несомнѣнно, что передача земельной ренты „въ казну“ хотя бы и вполне демократическаго государства, обращеніе ренты въ „государственный поземельный налогъ“ и въ составную часть будущаго общегосударственного бюджета — это было бы неудачнымъ содержаніемъ для формулы: „обращеніе земельной ренты путемъ спеціальнаго обложенія на общественныя нужды“.

Не надо забывать, что рентное обложеніе имѣетъ для насъ значеніе средства для осуществленія всеобщаго и равнаго права на землю: если бы не было земельной ренты, т. е. неизбѣжныхъ и неустрашимыхъ преимуществъ, привилегій однихъ держателей всенародной земли передъ другими, то невозможно было бы устанавливать какой бы то ни было налогъ на социализированную землю. Слѣдовательно рентное обложеніе должно имѣть цѣлью только равномерное распредѣленіе земельной ренты между всѣмъ населеніемъ страны, а не является однимъ изъ обычныхъ видовъ государственныхъ или общественныхъ повинностей. А если такъ, то будущій земельный налогъ не долженъ употребляться на нужды государства, поскольку оно является понятіемъ отвлеченнымъ и поскольку его нужды лишь условно являются нуждами народа въ его цѣломъ. Будущій земельный налогъ не долженъ расходоваться, напр., на содержаніе арміи или государственныхъ учреждений и должностныхъ лицъ, на представительства въ ино-

¹⁾ Въ брошюрѣ „Какъ крестьянамъ добиться земли“, — въ брошюрѣ по языку претендующей на популярность и представляющей изъ себя спекуляцію на неподготовленность читателя, г. Масловъ, этотъ наиболѣе серьезный и наиболѣе добросовѣстный изъ социаль-демократическихъ „аграрниковъ“, увѣряетъ, что с.-ры обманываютъ народъ, говоря будто бы хотѣть сдѣлать землю всенароднымъ достояніемъ, а на самомъ дѣлѣ хотѣтъ передать землю въ полную власть чиновниковъ, п. ч. не можетъ крестьянинъ, если онъ живетъ въ Вятской губ., распоряжаться самъ крымскими землями. А вотъ с. д. по свидѣтельству Маслова, хотѣтъ, чтобы землей распоряжались выборные народомъ органы самоуправленія и распоряжались бы такъ, какъ выгодноѣ всего трудовому народу. Sa pienti sat.

странныхъ государствахъ и т. п. Наоборотъ, земельный налогъ долженъ быть обращенъ на общественныя нужды бозотносительныя, *безусловныя*, на такія общественныя нужды, какія являются нуждами каждой отдѣльной личности, независимо отъ условій общежитія и существующихъ социальныхъ отношеній: это нужды экономическія и культурныя.

На практикѣ это означаетъ, что въ общій бюджетъ демократическаго (но не социалистическаго) государства земельного налога не должно поступать ни одной копейки, и что весь земельный налогъ долженъ распредѣляться между органами самоуправленія, которые по существу своему призваны служить именно ближайшимъ экономическимъ и культурнымъ потребностямъ населенія и которые въ будущемъ демократическомъ государствѣ не будутъ имѣть иныхъ задачъ¹⁾. При этомъ въ основу будущей системы рентнаго обложенія долженъ, естественно, лечь тотъ принципъ, чтобы какъ можно большее количество ренты оставалось на мѣстахъ, въ мельчайшихъ единицахъ самоуправленія, и чтобы рента извлекалась оттуда только по двумъ мотивамъ и для двухъ цѣлей: во-первыхъ, когда, въ силу существующаго равнаго права на эту ренту другой группы населенія, та или иная часть рентнаго дохода данной группы хозяйствъ должна пойти на удовлетвореніе нуждъ другой мѣстности, не обладающей въ равной степени рентнымъ доходомъ, и, во-вторыхъ, когда нужды данной группы

¹⁾ Даже теперь, въ Россіи органы, самоуправленія подавляющій процентъ своихъ расходовъ обращаютъ на культурно-экономическія цѣли: напр., сельское самоуправленіе въ 1894 г. по 51 губ. Евр. Россіи употребило 25% всѣхъ расходовъ на управленіе, почтовую гоньбу и охраненіе общественной безопасности, а 75% пошло на культурныя цѣли. Изъ общей суммы расходовъ губ. и уѣздныхъ земствъ въ 1901 г. 34 губерній падало на содержаніе правительственныхъ учреждений земскаго управленія, устройство и содержаніе мѣстъ заключенія 13,5%, а на остальныя отрасли — 86,5%, въ томъ числѣ: на народное образованіе 12,8%, медицину 31,1%, на содѣйствіе экономическому благосостоянію населенія 5,8%. Свѣдѣнія Деп. Ок. Сб. за 1895—1899 гг. и Доходы и Расходы земствъ по смѣтѣ 1901 г. Цит. по ст. Л. Зака въ сб. „Соціализація земли“.

населенія болѣе раціонально могутъ обслуживаться болѣе крупной единицей самоуправленія.

Особаго спеціальнаго назначенія для земельной ренты, поступающей въ земскія и городскія кассы, быть не должно — какъ въ виду указаннаго назначенія самыхъ органовъ самоуправления въ демократическомъ государствѣ, такъ и съ тою цѣлью, чтобы рентнымъ доходомъ могло пользоваться *все* население мѣстности — и надѣленное землей, и не осуществившее фактически своего права на землю. Спеціальное назначеніе будетъ имѣть налогъ на „занадѣльные верхи“ — временная мѣра, принципиально не имѣющая ничего общаго съ рентнымъ обложеніемъ; суммы, получаемыя отъ обложенія занадѣльныхъ верховъ, должны идти, по справедливому мнѣнію П. Вихляева, на удовлетвореніе притязаній малоземельныхъ общинъ, на улучшеніе хозяйственныхъ условій *въ нихъ*, „но главнымъ образомъ на организацію переселенія изъ малоземельной общины въ многоземельную“. Что же касается рентнаго налога, то онъ долженъ поступать, въ силу высказанныхъ соображеній, въ общій бюджетъ городскихъ и земскихъ органовъ самоуправления. И равное право каждого гражданина на удовлетвореніе опредѣленнаго цикла своихъ потребностей изъ суммъ земельной ренты черезъ посредство дѣятельности земскихъ и городскихъ органовъ — должно, какъ и самое право на землю, быть *ограждено основнымъ закономъ*. Такимъ образомъ, рентное обложеніе социализированной земли можно охарактеризовать и должно провести, какъ *соціализацію земельной ренты*.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы попытаемся теперь намѣтить самую систему рентнаго обложенія.

Прежде всего, рента должна распредѣляться между органами самоуправления сообразно *числу жителей* на территории каждаго изъ этихъ органовъ, такъ какъ именно отдѣльная личность является носителемъ права на ренту. Общая сумма ренты въ странѣ представляетъ изъ себя величину вполне опредѣленную. Въ эту сумму, какъ мы знаемъ, не должна входить рента съ тѣхъ надѣловъ, которые по своимъ размерамъ не могутъ дать земледѣльцу той общегражданской нормы

дохода, на которую онъ имѣть право. Въ такихъ хозяйствахъ рента въ размѣрѣ, необходимомъ для пополненія дохода земледѣльца до указанной нормы, должно оставаться, — до тѣхъ поръ, пока такой ненормальный порядокъ какъ результатъ особой скученности населенія, не будетъ устраненъ путемъ переселенія и расселенія, что дастъ возможность освободить для общественныхъ нуждъ эту часть ренты. Остальную часть учитываетъ на основаніи данныхъ, сообщенныхъ мѣстными органами, центральное земельное управленіе, будущее министерство земельныхъ дѣлъ, — органъ, параллельный всѣмъ прочимъ высшимъ исполнительнымъ органамъ центрального правительства. Предположимъ, что сумма ренты со всѣхъ земель страны за данный періодъ времени равна A ; если число всѣхъ жителей страны равно B , то сумма ренты, приходящаяся въ среднемъ на нужды одного гражданина, будетъ равна $\frac{A}{B}$.

Что именно будутъ изъ себя представлять будущіе органы самоуправления, какого размѣра будутъ они обнимать территорию, и сколько будетъ степеней ихъ, — мы предрѣшать сейчасъ не можемъ, и существеннаго значенія это для насъ сейчасъ не имѣетъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что будущія мѣстныя земельныя управленія территориально будутъ совпадать съ новыми земскими и городскими единицами самоуправления и будутъ составною ихъ частью. Что касается степеней, разрядовъ будущихъ органовъ самоуправления, то — для простоты нашей примѣрной схемы земельного облаженія — согласимся съ авторомъ новожиловскаго проекта, что земскихъ органовъ должно быть три разряда: земства — областное, окружное и уѣздное¹⁾; городскихъ же органовъ пусть будетъ два:

¹⁾ По этому проекту областныя земства учреждаются вмѣсто губернскихъ, — всего ихъ въ Россіи должно быть 18, и въ среднемъ на область приходится до $7\frac{1}{2}$ миллионовъ жителей; „окружныя“ земства должны по проекту представлять изъ себя „удвоенный уѣздъ“ и заключать отъ 200 до 300 тысячъ жителей; „уѣздыя“ земства представляютъ „мелкую земскую единицу“, имѣя отъ 25 до 30 тысячъ жителей (?). По существу такую си-

центральная городская дума и участковые думы¹⁾. Каждый из этих органов должен для выполнения своих функций располагать определенной суммой ренты.

Предположим, что для равномерного удовлетворения нужд каждого жителя во всех местностях страны, — и городского, и земского, — требуется одинаковая сумма ренты. Если городских жителей — 20% ко всему населению страны, т. е. если городских жителей в странѣ $\frac{B}{5}$, а земских, $\frac{4B}{5}$, то на

нужды городских жителей должно быть обращено $\frac{A}{5}$ ренты, а

на нужды земских — $\frac{4A}{5}$. Если *каждый* городской орган —

и центральный и участковый — согласно установленному циклу расходов нуждается в *одинаковой* суммѣ для удовлетворения потребностей каждого своего жителя, то на все центральныя

городскія думы придется $\frac{A}{10}$ ренты, и столько же придется ей

на все участковыя думы в странѣ. Если все разряды земских органов нуждаются в равномъ количествѣ ренты,

стему самоуправления надо считать в высокой степени нецѣлесообразной в виду именно слишкомъ крупныхъ размѣровъ мелкой земской единицы. Последняя должна заключать в себѣ не болѣе какъ 200—500 человекъ. Приходится вполне согласиться съ Л. Закомъ, что низшей самоуправляющейся единицей явится сельскій округъ, куда входитъ село вмѣстѣ съ опредѣленной частью окружающей его территоріи. Принимая терминологию проекта, внесеннаго во 2-ю думу, мелкой единицей надо считать „территориальную общину“.

¹⁾ Мы предполагаемъ, что все города представляютъ изъ себя настолько крупныя по числу жителей населенныя пункты, что каждый городъ, в интересахъ болѣе совершеннаго обслуживания нужд городских жителей, будетъ цѣлесообразно разбитъ на болѣе мелкія самоуправляющіяся единицы. Но для насъ, повторяю, это практическаго значенія не имѣетъ, ибо общая схема, общія основанія земельного обложения нисколько не измѣнятся отъ того, что не все города будутъ разбиты на самоуправляющіяся части или отъ того, что все города будутъ имѣть только центральныя думы. Причины этого будутъ ясны изъ дальнѣйшаго текста.

то въ распоряженіи каждаго разряда земскихъ учреждений должно быть по всей странѣ — $\frac{4A}{15}$ ренты. На одного же жителя всѣ городскіе органы (повторяемъ, по нашему предположенію, органы обшихъ разрядовъ и по всей странѣ) будутъ расходовать по $\frac{A}{2B}$, а всѣ земскіе — по $\frac{A}{3B}$ ренты. Именно по такому количеству ея на каждаго жителя должно находиться въ распоряженіи каждаго органа самоуправленія: городского $\frac{A}{2B}$ и земскаго $\frac{A}{3B}$. Непосредственно земельный налогъ поступаетъ въ соотвѣтствующую наиболѣе мелкую самоуправляющуюся единицу, — поступаетъ во исполнѣ точномъ и заранѣ установленномъ размѣрѣ земельной ренты, получаемой всѣми, за указаннымъ исключеніемъ, держателями земли на данной терри- торіи и опредѣленной оцѣночными органами.

Предположимъ, въ мельчайшей земской единицѣ, — по нашему положенію (по существу не состоятельному, но формально для насъ безразличному) — въ будущемъ уѣздномъ земствѣ, — 24 ты- сячи жителей; въ распоряженіи даннаго уѣзднаго земства должно, слѣдовательно, быть $\frac{24000A}{3B}$ или $\frac{8000A}{B}$ земельной ренты. Если въ кассу его именно такое количество ренты и поступаетъ съ его терри- торіи, то всю эту сумму данный земскій органъ удерживаетъ у себя, какъ доходную (и часто главную) статью бюджета. Если другое уѣздное земство того же округа, при томъ же числѣ жителей въ уѣздѣ, полу- чаетъ ренты $\frac{10000A}{B}$, то $\frac{2000A}{B}$ ренты это уѣздное земство должно передать въ болѣе крупную единицу самоуправленія, — въ мѣстное окружное земство. Если третье уѣздное земство того же округа, при томъ же числѣ жителей въ уѣздѣ получаетъ ренты только $\frac{6000A}{B}$, то жители даннаго уѣзда въ лицѣ уѣзднаго земства предъявляютъ притязаніе къ соотвѣтствующ-

щему окружному земству на $\frac{2000A}{B}$ ренты.

Предположимъ, что въ окружномъ земствѣ той или иной области 300 тысячъ жителей. Тогда, по нашему расчету, въ распоряженіи этого земства должно быть $\frac{100000A}{B}$ ренты, каковая сумма цѣликомъ должна быть израсходована на тѣ нужды жителей всего округа, удовлетворять которыя надлежитъ именно изъ доходовъ окружного земства. Если въ данномъ случаѣ вся эта сумма, поступившая въ кассу окружного земства отъ избытковъ ренты въ однихъ уѣздахъ этого округа, должна пойти на пополненіе дефицита въ рентѣ въ другихъ уѣздахъ того же округа, или же если въ данное окружное земство рента вовсе не могла поступить изъ уѣздовъ въ виду недостатка ея тамъ, — тогда всю необходимую для окружныхъ нуждъ сумму окружное земство должно получить изъ земства областного. Въ случаѣ же *избытковъ* ренты въ округѣ, въ случаѣ превышенія тамъ нормы ренты на одного жителя надъ $\frac{A}{3B}$, округъ передаетъ эти избытки областному земству.

Областное земство изъ поступающихъ въ его кассу рентныхъ доходовъ прежде всего удовлетворяетъ притязанія тѣхъ округовъ области, гдѣ ренты по тому или иному не хватаетъ до установленной нормы на одного жителя; затѣмъ избытки ренты передаетъ центральному земельному управленію, или, наоборотъ, предъявляетъ ему требованіе покрыть дефицитъ въ рентныхъ доходахъ областного земства до установленной нормы. Если на территоріи областного земства—7 миллионъ жителей, то, по удовлетвореніи притязаній округовъ на хозяйственные нужды области, у нея должно остаться $\frac{7,000,000A}{3B}$ ренты.

Центральное земельное управленіе не несетъ функцій мѣстныхъ органовъ самоуправленія по обслуживанію непосредственныхъ экономическихъ и культурныхъ нуждъ населенія и всѣ избытки ренты, поступающіе въ его кассу отъ однихъ областей,

передаетъ въ другія области для покрытія тамъ дефицита. Центральному земельному управленію, конечно, не можетъ не хватить рентныхъ суммъ для удовлетворенія притязаній областей, дефицитъ которыхъ, до установленной нормы, оно всегда сможетъ покрыть; но у него не останется и избытковъ ренты по удовлетвореніи всѣхъ притязаній со стороны областныхъ земствъ: ибо самую норму ренты на одного жителя мы установили на основаніи заранѣе опредѣленной величины A — всей суммы ренты въ странѣ, и уже эту установленную норму мы распредѣлили между различными органами самоуправленія, подѣливъ между ними обязанность осуществить право отдѣльнаго гражданина на опредѣленную долю земельной ренты путемъ созданія для него хозяйственныхъ благъ, служащихъ для удовлетворенія его экономическихъ и культурныхъ потребностей.

Совершенно такъ же распредѣляется и городская земельная рента. Мельчайшія самоуправляющіяся единицы въ городахъ получаютъ въ свои кассы всю ренту городского участка и оставляютъ у себя столько ренты, сколько приходится по расчету на каждаго жителя, — по нашему предположенію $\frac{A}{2B}$. Излишки противъ этой нормы на жителя передаются участковыми думами въ центральныя думы, дефициты же пополняются изъ кассъ послѣднихъ. Распредѣлять отдѣльно городскую и деревенскую ренту, между соответствующими жителями, разумѣется, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній: городъ и деревня, въ лицѣ каждаго отдѣльнаго гражданина, имѣютъ равное право на всю ренту, и, слѣдовательно, рента, получаемая съ территоріи городовъ и съ территоріи деревень, должна соединяться въ какомъ-либо изъ крупныхъ земельныхъ органовъ. Она можетъ соединяться въ центральномъ земельномъ управленіи, но это, очевидно, повлечетъ за собой болѣе сложное перераспредѣленіе ренты: если, напр., въ какомъ-либо районѣ окажется избытокъ противъ нормы въ городской рентѣ и недостатокъ въ деревенской, то этотъ районъ могъ бы гораздо проще распредѣлить ренту между мелкими самоуправляющимися едини-

цами самостоятельно, не передавая ренты въ центральное управленіе съ тѣмъ, чтобы потомъ требовать ее обратно. Городскую и земскую ренту рациональнѣе всего будетъ объединить въ такихъ органахъ самоуправленія, которые включаютъ въ свою территорію одинъ или, можетъ-быть, два современныхъ губернскихъ города. Въ нашей примѣрной схемѣ, слѣдовательно, центральныя городскія думы, имѣя право удерживать на общегородскія нужды $\frac{A}{2B}$ ренты на жителя, передадутъ свои излишки *областному* земельному управленію и отъ него же потребуютъ пополненія своихъ дефицитовъ въ рентѣ. Болѣе рационально было бы при иной системѣ самоуправления соединить городскую и земельную ренту въ земельномъ управленіи, объединяющемъ территорію современной губерніи.

Если городъ не подраздѣляется на болѣе мелкія самоуправляющіяся единицы и не имѣетъ участковыхъ думъ, то рента поступаетъ непосредственно въ центральныя городскія управленія, которыя — въ виду расширенной, такимъ образомъ, сферы ихъ компетенціи и расходовъ — оставляютъ, въ качествѣ единственнаго органа городского самоуправления, въ своемъ распоряженіи по $\frac{A}{B}$ ренты на одного жителя. Въ случаяхъ же

излишковъ или недостатковъ ренты они сносятся по данному поводу съ органомъ, объединяющимъ городскую и земскую ренту.

Такого рода система рентнаго обложенія социализированной земли представляется наиболѣе цѣлесообразной — съ точки зрѣнія выдержанности принциповъ проектируемаго земельного преобразованія. Сущность этой системы — въ двухъ словахъ — сводится къ тому, что равное право всѣхъ гражданъ на земельную ренту осуществляется въ хозяйственной дѣятельности поставленныхъ ими органовъ мѣстнаго управленія, для чего органы эти получаютъ рентный доходъ въ равномъ размѣрѣ по расчету на каждого жителя обслуживаемой даннымъ органомъ территоріи; равномерность же въ распредѣленіи ренты между гражданами практически достигается взаимоотношеніями между различными ступенями органовъ самоуправления, изъ

которых болѣе крупныя отбираютъ у непосредственно болѣе мелкихъ органовъ излишки въ ихъ рентныхъ доходахъ сверхъ установленной нормы на жителя и возмѣщаютъ недостатки въ ихъ доходахъ до указанной нормы.

Но тутъ надо замѣтить еще вотъ что. Для простоты нашей схемы мы предположили, что на каждого жителя, и городского и деревенскаго, повсемѣстно въ странѣ должно расходоваться по одинаковой величинѣ ренты, — по $\frac{A}{B}$. Однако, понятно, что въ разныхъ условіяхъ одно и то же количество ресурсовъ можетъ однѣ и тѣ же потребности удовлетворить далеко не въ равной степени, да и самыя потребности въ разныхъ условіяхъ — напр., въ городѣ и въ деревнѣ или на крайнемъ сѣверѣ и на крайнемъ югѣ — могутъ быть и бываютъ различны. Предоставленіе органамъ мѣстнаго управленія на каждого жителя неизмѣнно по одинаковому количеству общенароднаго рентнаго дохода грѣшило бы, поѣтому, формализмомъ. При распредѣленіи ренты надо естественно стремиться къ тому, чтобы уравнять не столько *средства* для хозяйственной дѣятельности мѣстныхъ, учреждений, сколько результаты этой дѣятельности, поскольку послѣдняя зависитъ отъ наличности рентныхъ доходовъ. Это значить, что, учитывая, напр., общія экономическія и культурныя нужды города и деревни, а также должный циклъ расходовъ городскихъ и земскихъ органовъ самоуправленія, быть можетъ будетъ признано рациональнымъ — въ интересахъ уравниенія *всѣхъ* гражданъ въ правахъ на ренту — установить различныя нормы для жителя городского и деревенскаго. Кромѣ того, въ различныхъ мѣстностяхъ норма ренты на жителя также должна быть различна: напр., въ мѣстностяхъ, исключительно обѣдныхъ водою и требующихъ огромныхъ затратъ на орошеніе, какъ Туркестанъ, — или въ дикихъ и болотистыхъ мѣстностяхъ сѣвера съ особенной скудостью земли и природы¹⁾, — здѣсь норма ренты на жителя

¹⁾ Подобные расходы, впрочемъ, могутъ производиться на общегосударственный счетъ или съ субсидіями государства.

должна быть выше, чѣмъ въ благодатныхъ мѣстахъ страны, между прочимъ, богатыхъ, тепломъ и свѣтомъ; въ противномъ случаѣ удовлетвореніе однѣхъ и тѣхъ же потребностей будетъ удовлетворено въ разныхъ мѣстностяхъ не въ одинаковой степени, — и именно въ силу принятаго распределенія ренты: ибо, напр., климатъ, требующій меньшаго отопленія, широта, требующая меньшихъ затратъ на освѣщеніе, топографическія условія, требующія меньшихъ затратъ на устройство путей сообщенія, — вѣдь все это представляетъ изъ себя также ренту, но уже никакимъ образомъ не поддающуюся учету, и здѣсь простой раздѣлъ поровну земельной ренты, получаемой съ лучшихъ земель, можетъ оказаться для установленія полной справедливости еще недостаточнымъ. Но главное, что должно повліять на установленіе различныхъ нормъ ренты на жителя въ различныхъ мѣстностяхъ — это, конечно, различная плотность населенія: ясно, что при расчетахъ ренты на одного жителя въ мѣстностяхъ, густо населенныхъ, на небольшой территоріи, будетъ скопиться рента въ большихъ количествахъ, въ другихъ же мѣстностяхъ на очень большую территорію придется ничтожное сравнительно количество ренты; между тѣмъ легкость или трудность удовлетворенія едва ли не каждой общественной потребности находится въ тѣсной зависимости отъ размѣровъ территоріи, на которой расположена данная группа населенія: и устройство тѣхъ же путей сообщенія, и водо- и свѣтоснабженіе, и устройство достаточнаго количества школъ, библіотекъ и т. п., и организація медицинской помощи — все это для опредѣленной группы населенія требуетъ тѣмъ меньшихъ затратъ, чѣмъ меньше пространство земли эта группа занимаетъ. Поэтому, и норма ренты на одного жителя должна быть въ распоряженіи земствъ тѣмъ меньшая, чѣмъ гуще населена данная мѣстность. Соотвѣтственно этому, и въ городахъ — въ болѣе крупныхъ норма ренты на жителя должна быть меньше, а болѣе мелкихъ — больше: примѣрно, въ городахъ до 20 тысячъ жителей ренты на жителя должно расходоваться въ среднемъ a , въ городахъ отъ 20 до 100 тыс. — $0,8a$, въ городахъ отъ 100 до

250 тыс. жителей — 0,6а, въ городахъ съ числомъ жителей свыше 250 тыс. на одного жителя должно расходоваться 0,4а ренты. И тогда одинаковыя потребности всѣхъ городскихъ жителей будутъ удовлетворяемы одинаково: въ самомъ дѣлѣ, оборудовать и содержать, напр., электрическую станцію для населенія 150 или 300 тыс. или же учебное заведеніе на 200 или 400 дѣтей — это въ расходахъ города составитъ далеко не такую существенную разницу, какова будетъ разница въ числѣ гражданъ, одинаково удовлетворяющихъ свои экономическія и культурныя нужды. Впрочемъ, объ экономіи расходовъ въ болѣе крупныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ подробно распространяться уже нѣтъ надобности.

Мы разобрали теоретическія основанія и намѣтили практическіе способы и конкретныя формы обложенія социализированной земли. Для организаціи земельного обложенія на изложенныхъ основаніяхъ, которыя представляются намъ принципиально — единственно возможными, и практически — наиболѣе рациональными, потребуется, несомнѣнно, колоссальная работа. Но социализація земли, какъ социальная реформа, еще не виданная по своей грандіозности и по своимъ послѣдствіямъ, не можетъ быть проведена въ жизнь въ незначительный періодъ времени. Съ социализаціей земли начнется новая эра въ исторіи социальныхъ отношеній, и мы должны быть готовы къ тому, что самое проведеніе ея въ жизнь вмѣстѣ съ подготовительнымъ періодомъ и предварительными завоеваніями трудового народа — займетъ не одинъ годъ и составитъ цѣлую историческую эпоху. Надо помнить только, что съ этой грандіозной работой по организаціи земельного обложенія мы хотя и должны спѣшить, но не можемъ опоздать. Ибо социализація земли не есть мѣра, подобная кадетскому дополнительному надѣленію крестьянъ землей; цѣли послѣдняго сводятся къ „успокоенію“ деревни, при оставленіи въ полной неприкосновенности современныхъ правовыхъ и социальныхъ отношеній, и естественно, что г. Кутлеръ, напримѣръ, считаетъ невозможнымъ производить

статистическія оцѣночныя работы для установленія „справедливой“ цѣны земли. Въ отказѣ отъ этихъ работъ и въ замѣнѣ ихъ опредѣленіемъ доходности земли по существующимъ аренднымъ цѣнамъ¹⁾ есть, правда, у г. Кутлера и другая скрытая (хотя и вполне очевидная) цѣль; но самъ г. Кутлеръ мотивируетъ это тѣмъ, что оцѣночныя работы производить будетъ долго и дорого. Такихъ мотивовъ для насъ существовать не можетъ. Соціализація земли есть перестройка земельныхъ отношеній на совершенно новыхъ основаніяхъ, есть внесеніе въ нихъ совершенно новыхъ правовыхъ нормъ, которыя должны будутъ лежать въ основѣ всей будущей соціальной жизни Россіи. Если рентное обложеніе дѣйствительно есть необходимый элементъ соціализаціи земли, если безъ опредѣленной системы рентнаго обложенія дѣйствительно невозможно реализовать всеобщее и равное право на землю, — то всю эту грандіозную работу по организаціи рентнаго обложенія *нужно* произвести, и только, доведя ее до конца, можно довершить дѣло соціализаціи земли. Что же касается *практическаго* разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Россіи — утоленія земельного голода крестьянъ изъ всѣхъ имѣющихся источниковъ, то это, конечно, должно быть совершено въ первую голову, какъ только допуститъ это соотношеніе силъ, и внѣ всякой зависимости отъ работъ по организаціи земельного обложенія. Но до практическаго выполненія этой послѣдней задачи предстоитъ, быть можетъ, очень большая работа по теоретической разработкѣ вопроса объ обложеніи социализированной земли. Настоящая работа имѣла цѣлью болѣе опредѣленно и специально выдвинуть этотъ въ высокой степени важный вопросъ, которому партійная мысль не успѣла еще до сихъ поръ удѣлить достаточно вниманія.

¹⁾ См. статью г. Кутлера о „справедливой оцѣнкѣ“ въ сборникѣ докладовъ на ноябрьскомъ 1906 г. совѣщаніи аграрной комиссіи к.-д.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЕРПЬ“.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- 1) **Х. Житловскій.** Соціализмъ и національный вопросъ. 2-ое изд. ц. 20 к.
- 2) Дебаты по національному вопросу на Брюнскомъ партейтагъ австрійской соц. дем. раб. партіи; со вступ. ст. *М. Б. Ратнера*: „Эволюція социалистической мысли въ національномъ вопросѣ“. 2-ое изд. Ц. 15 к.
- 3) **М. Б. Ратнеръ.** О національной и территориальной автономіи; съ прил. ст. *Синоптикуса* „Государство и нація“. 2 изд. Ц. 10 к.
- 4) **Фр. Винтеръ.** Національность и профессиональные союзы Ц. 6 к.
- 5) **С. Лозинскій.** Націон. вопросъ и политич. партіи въ Австріи. 20 к.
- 6) Протоколы Ганноверск. партейтага герман. с. д. п. В. 1. Ц. 15 к. (ар.)
- 7) **Возрожденіе.** Сборникъ статей *Ben-Adér'a*, *Базина*, *В. Дальмана*, Изданіе 2-ое. Ц. 30 к.
- 8) „СЕРПЬ“. Сборникъ статей *М. Борисова*, *Х. Житловскаго*, *Л. Кульчицкаго*, *Базина*, *Ben-Adér'a*, *И. Казимиrowa* и др. Ц. 50 к.
- 9) Протоколы конференціи російскихъ національно-соціалистическихъ партій. ц. 75 коп.
- 10) „СЕРПЬ“. Сборникъ второй. 1) *М. Б. Ратнеръ.* Эволюція національно-политической мысли въ русскомъ еврействѣ. 2) *Х. Житловскій.* Экономическій материализмъ и національный вопросъ. 3) *Н. Гонинъ.* Національныя черты народнаго хозяйства. 4) *Ben-Adér.* Наши критики: а) О національной эксплуатаціи евреевъ. б) О національно-политической автономіи. 5) *Базинъ.* Требованія момента и задачи евр. пролетаріата. 6) *С. Лозинскій.* Къ парламентскимъ выборамъ въ Австріи. 7) *Казимировъ.* „Демократическія начала“ въ проэктъ польской автономіи. 8) *А. Неми.* Профессиональное движеніе и національный вопросъ въ Австріи. 9) *Н. Гайдаровъ.* Штутгартскій конгрессъ. 10) *М. Борисовъ.* Изъ жизни и литературы: а) конференція російскихъ національно-соціалистическихъ партій. б) Штутгартъ. в) Конгрессъ сіонистовъ. г) Кто мы? 11) Критика и Библіографія. 12) Матеріалы къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія. Ц. 1 рубль.

Склады изданій:

- въ Петербургъ: 1) „Трудъ и Борьба“, Литейный пр., № 58.
2) „Право“, Владимирскій пр.
- въ Москвѣ: „Звено“, Никитская ул.
- въ Одессѣ: П. Ф. Перельманъ, Маразлиевская ул.

5, 52 (1986)

5185

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„НОВЫЯ СИЛЫ“

Въ продажѣ:

- М. Б. Ратнеръ. Аграрный вопросъ и социалдемократія. 1 р. 20 к.
К. Качоровскій. Народное право. Ц. 1 р.
В. Украинскій. Крестьянская община и аграрная реформа. 50 к.
А. Бахъ. Экономическіе очерки. Часть II-я. Ц. 15 к.
А. Бахъ. Экономическіе очерки. Часть I-я. Ц. 15 к.
Н. Ивановъ-Охлопкинъ. Земельный вопросъ въ городахъ. 15 к.
Ф. Волховскій. Швейцарская военная система, какъ примѣръ
вооруженной народной силы—боеспособной, дешевой и безо-
пасной для свободы гражданъ. Ц. 20 к.
Н. Сухановъ. Земельная рента и основы земельного обложенія.
(Къ вопросу о социализаціи земли). Съ пред. В. Чернова. 85 к

Въ печати:

- С. Беккеръ. Къ вопросу о „производительныхъ силахъ“. Съ
предисл. А. Рудина.
Н. Сухановъ. Наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ
связи съ вопросомъ о „дифференціаціи“ крестьянства.
А. Бахъ. Экономическіе очерки. Часть III-я.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЭРА“

Въ продажѣ:

КЪ ПЕРЕСМОТРУ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ И ЕЯ ОБОСНОВАНІЯ:

- Д. Фирсеевъ. Соціализація земли и право на землю.
М. Якобій. Движушія силы сельскаго хозяйства.
(Къ марксистскому обоснованію социализаціи земли).
Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданій { С.-ПБ. „Трудъ и Борьба“, Калашниковскій, 7.
Москва. Кн. маг. „Трудъ“ Тверская.
Кн. маг. „Звено“, Никитская.

5185

Н. СУХАНОВ

ЗЕМЕЛЬНАЯ
РЕНТА